

Александр ФЛЕШИН / СТИХОТВОРЕНИЯ | 1 |

# Александр ФЛЕШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Избранное

1957–1988



*Возбуждение*



1971 год

# Александр ФЛЕШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Избранное

1957–1988

Книга первая

Москва  
*Возвращение*  
2020

УДК 821.161. 1-1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-5  
Ф71

Составитель Э. Г. Флешина

Подготовка текста Э. Г. Флешиной и М. А. Фролова

**Флешин, А. Е.**

Ф71 Стихотворения: Избранное: В 2 книгах. Книга первая. – М.: Возвращение, 2020. – 728 с.: ил.

ISBN 978-5-7157-0631-7

Настоящее издание, состоящее из двух книг, впервые в наиболее полном объеме представляет творческое наследие поэта Александра Флешина (1928–2005).

Александр Ефимович Флешин родился, жил и работал в Москве, с 1967 года был членом Комитета литераторов при издательстве «Советский писатель». В 1974 году он был арестован КГБ, в Москву вернулся весной 1978 года. Позднее А. Флешин был реабилитирован. Он продолжал писать и переводить стихи. В последние десятилетия много времени проводил в Нижегородской области – в деревне Погорелке и в городке Ветлуге; деревенская жизнь дала новый импульс творчеству поэта.

В первую книгу вошли стихотворения и миниатюры, написанные в 1957–1988 годах. Книга иллюстрирована автографами автора и фотографиями из семейного архива. Открывает книгу очерк Э. Флешиной «Попытка биографии», рассказывающий о судьбе поэта.

УДК 821.161. 1-1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7157-0631-7

© Э. Г. Флешина, 2020

© Р. М. Сайфулин, оформ., 2020

## ПОПЫТКА БИОГРАФИИ\*

Живут в норе, живут в пещере.  
Для жизни все пригодны щели.

*А. Флешин*

Вышли мы все из народа (читай – Египта).

*Слова из народной песни.*

Александр Ефимович Флешин родился 16 ноября 1928 года в Москве. Отец его, Ефим Ильич Флешин, вдохновлённый романтической идеей мировой революции, с томиком Ленина в чемодане, юношей отправился в Североамериканские Соединённые штаты осуществлять её. Но вместо САСШ оказался на Кубе, где его скоро арестовали за коммунистическую пропаганду, посадили в тюрьму, а через некоторое время депортировали на родину.

Сашина мать, Любовь Соломоновна Гуревич, была одиннадцатым ребёнком в семье, самой младшей. Родилась в Киеве, где окончила гимназию, а затем поступила в консерваторию на два отделения – вокальное и фортепианное. Когда семья переехала в Москву, она переехала в Московскую консерваторию, которую и закончила по классу фортепиано.

Сашиного отца, Ефима Ильича, партия посылала работать парторгом по всему Союзу, ему пришлось побывать и на Урале, и в Сибири. Пиком его карьеры было строительство моста в Чите, кажется, железнодорожного, –

---

\* Дополненный и исправленный вариант. Впервые опубликовано: Полет Икара: Избранное. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

там он с семьёй прожил полтора года. Шёл 1933 год, но в городе по ночам постреливали не согласные с советской властью. Саша помнил, что личное оружие было не только у отца, но и у его неработавшей матери – маленький женский пистолет, инкрустированный перламутром. В Москве Сашин отец стал парторгом одной из многочисленных строек. Жил, как все в то время: вместе с женой и сыном в большой коммуналке в подвале, в самом центре Москвы на улице Неждановой. Рояль, рабочий инструмент мамы, занимал треть комнаты; Саша вспоминал, как по вечерам приходили гости: курили, спорили, в том числе и о политике, слушали игру мамы, пели песни...

Как все дети, Саша жил в своём мире: рано пристрастился к чтению (в 6 лет прочёл «Фрегат “Паллада”» Гончарова), писал стихи одноклассникам... Война разрушила этот мир.

Когда в Москве началась эвакуация, Сашина мать вместе со своим братом Лазарем попала в Ташкент, куда были эвакуированы многие московские артисты, литераторы, музыканты. Л. С. Гуревич был председателем Рабиса (Всероссийский профессиональный союз работников искусств).

В первые дни войны Ефим Ильич, как и многие, ушёл добровольцем на фронт, попал в окружение. С несколькими товарищами ему удалось бежать из колонны военнопленных. Пешком добрался до Москвы, явился в райвоенкомат, где и был арестован. Летом 1942 года осуждён за краткосрочный плен по 58-й статье на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. В Москву он смог вернуться только в августе 1956 года – был реабилитирован. Ефим Ильич был не чужд поэзии. Писал стихи в стенгазету к коммунистическим праздникам – 7 ноября, 1 мая... Когда мы познакомились, на этажерке в его маленькой комнатке в коммуналке стояли сборники стихов поэтов-комсомольцев 20-х годов – П. Когана, Э. Багрицкого,

И. Уткина, М. Светлова, М. Жарова, И. Сельвинского. В редкие минуты открытости он с горечью повторял: «Что ты знаешь, цыплёнок куцый?» – цитировал своего любимого поэта.

Вместе с одноклассниками Сашу отправили в эвакуацию в Казахстан, под Алма-Ату. Там он оказался в интернате. Практически это был детский дом. Как все подростки, он недоедал, работал на полях колхоза; переболел сыпным тифом. Домой вернулся весной 1944 года.

В Москве Саша застал ещё живого своего деда по материнской линии, который всю войну оставался в городе. Он жил один, ещё работал, и когда Саша его навещал, часто повторял: «Главное – чеснота»; может быть, поэтому и разорился перед самой революцией – он был купцом II гильдии.

В Москве жизнь складывалась непросто. Пришлось оставить школу – надо было зарабатывать на жизнь себе и тяжелобольной матери. На её нервной системе отразились сперва расставание с сыном – многие поезда с эвакуированными детьми попадали под бомбёжку и сведений от Саши не было до конца эвакуации, – а потом и известие об аресте мужа.

Среднее образование Саша получил в школе рабочей молодёжи, в разное время с перерывами учился в четырёх институтах. Первым был Институт востоковедения, затем МГУ, потом пединститут им. Н. К. Крупской, но закончил только один – Институт культуры.

В 1952 году Саша поступил в Институт востоковедения на китайское отделение. Там он оказался в одной группе с Лёней Хлебниковым, с которым поддерживал отношения всю жизнь. Лёня тоже собирал книги (авантюрно-приключенческие). Он был постоянным Сашиным партнёром по игре на бильярде, на скачках. Когда мы познакомились с Сашей, походы на ипподром были уже в прошлом, а на бильярде они сражались ещё



долгое время и в Парке культуры и отдыха им. Горького, и в саду им. Баумана, рядом с которым позже мы жили.

Я познакомилась с Сашей в середине августа 1962 года, а в первых числах сентября он и Лёня уехали отдыхать в Адлер. Это было первое свидание Саши с морем. Плавал он плохо, и как-то, когда было полтора-два балла, его накрыла волна и унесла от берега. Волны перехлёстывались, и Саша, побарахтавшись какое-то время, не видя берега, стал тонуть и звать на помощь; подоспевший Лёня его спас. Потом мы шутили, что его попытка ускользнуть от меня не удалась.

Когда Саша, закончив II курс, вернулся 1 сентября в институт, студентам объявили, что китайское отделение закрывается из-за перепроизводства китаистов. Старшие курсы перевели в ИМО, а остальные могли перевестись в любой гуманитарный вуз Москвы. К этому моменту Саша знал 2000 иероглифов (курс китайской средней школы в 50-е годы прошлого века). Так Саша оказался на географическом факультете МГУ, с которого тоже был вынужден уйти через год, когда узнал, что на практику их отправляют на Урал, – он не мог надолго оставить больную мать одну, отец ещё отбывал свой срок.

Учёба в четырёх институтах длилась с перерывами 10 лет, и за это время Саша успел поработать в разных местах, вот некоторые из них: на фабрике «Ли́ра» в цехе, где ему был присвоен 3-й разряд столяра; агентом-экспедитором, корректором в машбюро проектного института «Гипроцветмет», библиотекарем в проектной конторе «Союзшахтоосушение».

Жизнь сводила Сашу с замечательными людьми – литераторами, поэтами, художниками: М. Светловым, Л. Мартыновым, Л. Гроссманом, Р. Ивневым, А. Штейнбергом, Л. Гудиашвили, И. Мозалевским, А. Фонвизиним.

Саша был заядлым театралом. Однажды на спектакле в театре имени Маяковского в зале соседями оказались

М. Светлов и его сестра. Так они познакомились. Поэт проявил интерес к Сашиним стихам. В то время, в начале 50-х годов, Саша писал много басен, эпиграмм, в том числе и на своих родственников. Почитав Сашины стихи, Светлов как-то заметил со свойственным ему юмором: «Что, лавры Сергея Михалкова не дают покоя?»

Когда я встретила с Сашей, эти ранние стихи, эпиграммы и басни не сохранились, за исключением некоторых, – он читал их мне по памяти: на свою двоюродную сестру Геню (Генриетту), которая во время Великой Отечественной войны была переводчиком при штабе генерала Полубоярова в танковых войсках и демобилизовалась в звании майора (знала французский и румынский языки).

Она на фронте побывала  
не в колпаке с половником,  
ещё б чуть-чуть повоевала –  
была бы подполковником...

На дядю Сеню, с сыном которого Генрихом Саша дружил (он погиб, уничтожив в море немецкую подводную лодку).

Нередко говорят с упрёком горьким:  
не видит дальше носа своего,  
но нос таких размеров у него,  
что он считаться может дальнорким!

Эпиграммы и пародии Саша писал и позднее на знаковых поэтов: Э. Лимонова, В. Алейникова, А. Маковского, Е. Сабурова, Г. Гегечкори, А. Халима.

Когда Саша учился в Институте культуры (на вечернем отделении), курс «Западноевропейская литература XIX–XX веков» в здании Библиотеки имени Ленина читал Леонид Гроссман. Саша жил рядом и посещал все его лекции. Как-то после занятий, разговорившись с Гроссманом, Саша узнал, что у него своя большая библиотека, что он давно собирает книги и никак не

может найти стихи Сюлли-Прюдона, и когда этот небольшой сборник Саше попался в букинистическом, он купил и подарил ему. Л. Гроссман был тронут и прочёл по памяти (по-французски и по-русски) одно из самых любимых – стихотворение «Разбитая ваза», да не в одном, а в нескольких переводах на русский язык. Так завязалось это знакомство. Думаю, не без влияния Гроссмана Сашина библиотека пополнилась книгами таких авторов как П. Луис, М. Швоб, Ж. Гюисманс, К. Мендес, М. Пруст, Д. Джойс, Г. Мейринк, В. де Лиль-Адан, К. Гамсун, П. де Сен-Виктор, Ж. Роденбах, Ш. Бодлер, Ж. Ренар, П. Валери, А. де Ренье, Б. де Оревилль и многими другими.

Аркадий Акимович Штейнберг – поэт, переводчик, художник, скульптор; играл на скрипке, фисгармонии. Он успел и поехать, и отсидеть немалый срок по 58-й статье, приобщил Сашу к переводу стихов. Под его влиянием и руководством Саша стал профессиональным переводчиком.

В 1967 году Саша был принят в Комитет литераторов при издательстве «Советский писатель», в секцию стихотворного перевода. Именно они, переводы, обеспечивали заработок, давали возможность не ходить на службу; писать свои стихи свободно, не боясь быть высланным из Москвы за «тунеядство». С 1965 года вышло более десяти сборников стихов с авторизованными переводами поэтов народов СССР.

Общие пристрастия Аркадия Акимовича и Саши (любовь к литературе, особенно к русской поэзии конца XIX – начала XX века, рыбалка) переросли в многолетнюю дружбу. Внезапная кончина Акимыча (как мы его называли) в 1984 году стала для Саши невосполнимой потерей.

Всю жизнь Сашей владели две страсти: с детства – рыбалка, с юности – собирание книг. Но было

много и увлечений: театр (ходил на спектакли с Коонен, Бабановой, Андровской, Грибовым, Самойловым, Тениным); бильярд, музыка – и джазовая, и классическая. Собирал пластинки Дунаевского, Богословского, Гершвина, Пиаф, Монтана, Фицджеральд. Ходил на концерты Утесова, Рознера, Лундстрема, Чижика, Шульженко; любил Гаврилова, Таривердиева, Зацепина, Пахмутову, восхищался песнями Окуджавы, Галича, Высоцкого. Да и сам написал много стихов-песен, но до публики дошли только две в исполнении Б. Володиной и Г. Ненашевой на гибкой пластинке в 1973–1974 годах.

Я познакомилась с Сашей у нашего общего приятеля, художника-декоратора Миши Тарасенкова. Миша был племянником А. К. Тарасенкова – литературоведа, автора библиографии «Русские поэты XX века». В Сашинем собрании поэзии начала прошлого века в некоторых сборниках были вложены листочки: «нет у А. Тарасенкова».

Саша был и библиофилом. Когда в букинистическом магазине попадалась книга, которая была уже в его, а потом и в нашей библиотеке, но в лучшем состоянии, – он покупал её. Особенно это касалось сборников стихов поэтов Серебряного века. Так в библиотеке оказывались дубли, которыми он обменивался с такими же книжниками.

Наша совместная жизнь началась в конце 1962 года. С тех пор мы не расставались и прожили вместе 43 года. Первые пять лет жили в той же коммуналке, где Саша родился, с его матерью. Там и соединились две наши жизни и две библиотеки. С окраины Москвы (я жила недалеко от Ваганьковского кладбища) я переехала к Саше на улицу Неждановой, где в глубине двора напротив друг друга стояли два девятиэтажных кирпичных дома (сразу вспоминались питерские «дворы-колодцы»). Двор залит асфальтом, в каждом доме по одному подъезду. Подвальное окно нашей одиннадцатиметровой комнаты выходило

во двор, а в подъезде напротив была квартира, где в начале века жила Галина Бениславская, подруга Есенина, которая в годовщину его смерти застрелилась на его могиле на Ваганьковском кладбище.

Из нашего двора был выход не только в переулок, но и в проходной двор, где зеленел небольшой садик с цветниками, кустами, деревьями и даже деревянной беседкой, где любил гулять Иван Козловский. Пересекая дворик, я выходила на улицу Герцена, где меня встречал приконсерваторский Пётр Ильич. Все пять лет, что мы прожили в этом подвале, были тесно связаны с Большим и Малым залами – незабываемыми встречами с Г. Нейгаузом, С. Рихтером, Д. Ойстрахом, Э. Гилельсом, М. Юдиной...

Следующие двадцать лет мы прожили в Гороховском переулке, в тихом московском дворике на первом этаже двухэтажного домика XVIII века, где под окнами цвели вишни, яблони и рябина.

В семидесятые годы Саша продолжал много писать и переводить. Его стихи стали *узнаваемы*, но путь к читателю был тернистым. По словам одного из редакторов, не хватало «паровоза» – социально значимых стихов, но таких не было, а писать их Саша отказывался. О сборнике своих стихов приходилось только мечтать. Изредка его стихи появлялись в газетах: в «Московском комсомольце», «Неделе», «Сельской жизни», «Труде», в периферийных журналах «Волга», «Сибирские огни», «Север», «Полярная звезда», «Литературная Грузия» и газетах, звучали по Всесоюзному радио в передачах «С добрым утром», «Опять двадцать пять». Читал он их и на литвечерах в кафе «Синяя птица».

Наша библиотека продолжала расти, в ней появились западные издания: Н. Гумилев, О. Мандельштам, Н. Мандельштам, В. Розанов, В. Иванов, Г. Адамович, Б. П. Вышеславцев, В. Набоков, Г. Иванов, А. Ремизов, И. Ильин, Н. Бердяев, Л. Гинзбург и, конечно, А. Солже-

ницын и многие другие авторы «тамиздата», а также журналы – «Континент», «Новый журнал»... Книги читали не только мы, но и многочисленные наши друзья и знакомые.

Наш дом всегда был открытым, особенно после переезда в свою квартиру в Гороховском. Нас посещали художники, музыканты, поэты, математики – в памяти остались далеко не все имена: Лёня Чертков, Володя Яковлев, Володя Вейсберг, Толя Зверев, Юра Дунаев, Миша Тарасенков, Вася Ситников, Лёва Рыжов, Миша Гробман, Дима Плавинский, Борух Штейнберг, Володя Алейников, Володя Мороз, Саша Васильев, Аркадий Гаврилов, Володя Гершуни, Алена Басилова, Лёня Иоффе, Женя Сабуров, Валера и Сима Шлёновы, Володя Гуве, Витя Фульмахт, Юра Плотинский, Лёва Турчинский, Гарик Суперфин, Лёня Хлебников, Юра Володин, Рита Шкловская, Володя Тюменев, Валера Лопухин, Эмма Драникова, Володя Копалин, Алиса Беловицкая, Лена Васильева, Дима Авалиани, Толя Маковский, Лена Снежкова, Женя Терновский... По вечерам собирались на кухне, читали стихи, много говорили и спорили о литературе, искусстве и, конечно, о политике. Художники оставляли свои «автографы» – рисунки, наброски в альбоме, картины, в том числе и многочисленные наши портреты. Позднее, в 1980–1990 годах ко многим картинам Сашей были написаны стихи.

Тридцать первого октября 1974 года к нам пришли с обыском из КГБ. Сашу арестовали. Десять месяцев он провёл в Лефортовском следственном изоляторе и был осуждён на четыре года. При обыске все западные издания, антикварные книги и книги по искусству были увезены в мешках «на просмотр», без переписи, и обратно уже не вернулись.

Саша отбывал срок в лагере на Вежайке в Коми АССР, а затем в городе Микуни в тех же краях «на химии» –

так называемой стройке народного хозяйства. В Микуни Саша в числе других работ занимался ремонтом в общежитии Управления внутренних дел, где была своя библиотека. После освобождения он умудрился привезти с собой в Москву книги и брошюры «для служебного пользования», посвящённые перевоспитанию заключённых. В 2011 году я передала их в Музей и общественный центр имени А. Д. Сахарова, а дубли – Г. Суперфину в архив Бременского университета\*.

Всё это время, и в Лефортове, и в Коми Саша продолжал писать стихи – и присылал их домой в письмах. Наша переписка сохранилась. Всего было написано 268 писем, в некоторых вместо стихов были листочки с надписью карандашом «стихи из яты цизура». За время отсидки умерли Сашины родители, сперва мать (9 января 1977 года), а потом и отец (1 марта 1978 года). Только в апреле 1978 года он вернулся домой.

Жизнь медленно входила в «прежние берега». Сашу удалось прописать сначала временно, потом постоян-

---

\* Вот некоторые из них:

1. *Ременсон А. Л.* В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности. – М.: Политотдел МЗ МООП РСФСР, 1963. 34 с.

2. Из истории НКВД–МВД. Вып. 4. – М., 1973. 23 с. Для служ. польз. Экз. № 1964.

3. Анализ технико-экономических показателей лесозаготовительного производства за 1973 г. – М.: ВНИПИЭИлеспром, 1974. 242 с. Для служ. польз. Экз. № 578.

4. Дела шефские. Сб. материалов. – М., 1974. 62 с. Для служ. польз. Экз. № 01778.

5. Информационный бюллетень: Обмен опытом партийно-политической и политико-воспитательной работы. – М.: Политотделы ИТУ и ЛИТУ МВД СССР, 1973. № 2. 32 с.

6. В авангарде коллектива: из опыта работы первичной партийной организации колонии. – М.: Политотдел МЗ МООП СССР, 1967. 15 с. Для служ. польз. Экз. № 001762.

7. Коллектив работает творчески: из опыта работы исправительно-трудовой колонии ОМЗ УООП Астраханского облисполкома. – М.: Политотдел МЗ МООП РСФСР, 1967. 12 с. Для служ. польз. Экз. № 0002 0.

но. Он продолжал много писать, переводить. Но издать свою книгу стихов не удавалось, как и раньше, всё писалось «в стол». От помощи, предлагаемой сотрудниками КГБ, куда Сашу время от времени вызывали, он, естественно, отказался, ведь взамен те требовали определённых услуг. И в конце концов КГБ оставил его в покое.

А в 1979 году летом мы попали в удивительный уголок России. Художник Эдик Штейнберг, сын Аркадия Акимовича, многолетний Сашин приятель и партнёр по рыбалке, пригласил нас в гости в деревню Погорелка на реке Ветлуге, где у него была изба. Места оказались сказочные: простор, тишина, безбрежные леса, рыбалка, грибы, ягоды... В эти места нельзя было не влюбиться. Мы тоже купили себе избу и, по определению Саши, стали «избачами», как и московские художники-нонконформисты И. Кабаков и В. Янкилевский, которые тоже летом жили рядом в деревне.

Эта избушка с русской печью и ласточкиными гнёздами над окошками стала подарком судьбы. Мы прожили в ней более четверти века. Все самые светлые стихи этих лет написаны именно там.

В 1986 году нас выселили из Гороховского, объявив, что дом идёт под снос. Так мы оказались в квартире на Бутырской улице, где Саша прожил до конца этой жизни. А наш дом в Гороховском жив и до сих пор.

Саша был *дважды* реабилитирован. Первый – в августе 1995 года. Согласно «Справке о признании пострадавшим от политических репрессий» он перестал быть сыном врага народа на основании Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года. Второй – в декабре 2007 года, уже после кончины

В 1995 году вышла книжка избранных Сашиних стихов «Полет и Кара», в которую вошли стихи, написанные с 1972 по 1995 год.



В 2010 году в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга «Полет Икара». В неё вошли избранные стихи, написанные с 1959 по 2005 год.

2 сентября 2005 года Саши не стало. На тихом и зелёном ветлужском кладбище у его могилы растёт огромная сосна, цветут любимые ландыши и лесная земляника. Он не дожил до своего 77-летия два с половиной месяца.

Благодарю за помощь в подготовке этого издания И. А. Ахметьева, А. А. Беловицкую и М. А. Фролова.

*Элла Флешина*  
*Москва – Ветлуга. 2019*

**1957 – октябрь 1974**

**Москва**



## ПЕСЕНКА

Когда Адам в Раю заскучал,  
Бог Еву состряпал ловко.  
И это-то было началом начал,  
Сгубила парня плутовка.  
Такая уж сила бабе дана,  
Так уж оно ведётся:  
Нет яблока – сыщёт она банан  
И своего добьётся.  
Сколько тут к разуму ни взывай,  
Действует это слабо.  
Нет нам спасенья. Друг, не зевай:  
Видишь – крадётся баба!

*1957. Москва\**

---

\* Далее это указание отсутствует под стихами, написанными в Москве.

Где бы мне найти такую,  
Чтоб мечтать о ней ночами?  
Чтобы, плача и ликуя,  
Согреться глаз лучами.  
Чтоб, скучая и тоскуя,  
Встречи ждать нетерпеливо.  
Где бы мне найти такую,  
Где б сыскать такое диво?  
Чтоб ко всем её ревнуя,  
Я б не знал ни дня покоя.  
Где найти её такую?  
И бывает ли такое?

*1960*

Книги, книги,  
Как много вас в комнате.  
Перечитанных и нетронутых!  
Книги, книги,  
Сколько вы помните  
Утонувшего в тёмных омурах!  
Удивительно терпеливые,  
Вы на полках годами дремлете,  
Точно дервиши под оливами  
Или бомбы с огнём замедленным.  
Сквозь страниц ваших сита плотные  
Беспощадно века процежены,  
Годы,  
Как вороны в полях заснеженных.

*1960*

Блажен, кто посетил сей мир  
В его минуты роковые...

*Ф. Тютчев*

Мы посетили этот мир  
В его минуты роковые,  
При нас зловещий гриб впервые  
Сзывал гиен на шумный пир,  
При нас впервые струны лир  
Рвались под вопли хоровые.

И одичавшие вконец  
Сверхволки человечесьей стаи  
Хвостами яростно хлестали  
Себя по спинам, и агнец  
Лежал в крови, и в грязь венец  
Был втоптан под бряцанье стали.

Всё то же солнце надо мной,  
Что плыло над Элладой сонной,  
И хохот заглушает стоны,  
И в кубках пенится вино...  
Но обречённый мир давно  
Повис над пропастью бездонной.

*1961*

*Алисе Беловицкой*

Небо парусом зачерпнув,  
Отплывает корабль из Лисса.  
Бригантина плывёт в страну,  
Где по слухам живёт Алиса.

В золотую страну чудес,  
Опалённую ветром сказки,  
Где встречаются Зюйд и Вест,  
Где чисты перевозданно краски.

Бригантина вперёд летит,  
Как могучая колесница,  
Словно где-то лежит магнит,  
Не дающий ей с курса сбиться.

Месяц в море роняет слезу,  
На разлуку с землёю жалуясь.  
Может, я тебя увезу,  
Может, сам в той земле останусь.

*1961*



Кому – ромашки,  
                                кому – кукушки.  
А в небе звёзды –  
                                кофейной гущей.  
Бросают карты  
                                на стол старушки  
Судьбу пытаются  
                                на сон грядущий.  
Найти бы только  
                                волшебный ключик,  
Узнать бы только  
                                такое слово...  
А на дорогах  
                                полно колючек,  
И гнётся ветер  
                                от смеха злого.  
Кляня и «правду»,  
                                и ложь «святую»,  
Листва трепещет,  
                                вздыхая тяжко.  
Судьбе навстречу  
                                иду вслепую.  
Гоню кукушку,  
                                топчу ромашку.

1962

## ОДА АФРОДИТЕ

Да не минует нас чаша сия –  
Дар молодых богов.  
Царственный скипетр – два остря! –  
Радостный груз оков.

Да не прольётся ни капли из  
Кубка с твоим вином!  
Пусть по карнизу скользит каприз,  
Чтобы впорхнуть в окно.

Пусть ядовитых цветов дурман  
Странный навеет сон,  
Пусть корабли погребённых стран  
Выплывут из лесов.

Пусть переплавит душ валуны  
Огненная пурга,  
Пусть над снегами трубят слоны,  
Лоси крестят рога.

Пусть, не пугаясь трясины драм  
Под матовым блеском плит,  
Входит в окутанный тайной храм  
Жаждающий неофит.

1962

## ХРАМ

Масляный блеск лампад,  
Ладана пряный дым,  
Святости древний склад,  
Слабости нашей Рим...

Тускло мерцают дни,  
Свечками зажжены,  
Будущего огни  
В прошлом отражены.

Жалящих глаз гипноз,  
Кары небесной страх...  
Как этот мир прост,  
В вечность несущий прах.

Лишь бы войти в дверь,  
Выдержав тот взор.  
Главное – верь, верь!  
Всё остальное – вздор...

Шорохи, скрип, хруст,  
Нимбы, кресты, венцы...  
О том, что храм пуст,  
Знают одни жрецы.

*1962*

Ищем, ищем философский камень,  
Бьёмся, над ретортами колдуем,  
И каштаны голыми руками  
Из огня таскаем, негодуя.

И никак понять того не можем,  
Что не там мы этот камень ищем:  
То, что в жизни нам всего дороже,  
Незачем искать на пепелище.

Лишь в самом себе найдёшь особый  
Всё в себя вобравший тайный камень.  
К чёрту пыль учебных всех пособий  
Вкупе с опытом, накопленным веками.

Только некто, в стороне стоящий,  
Сверху вниз на нас глядит с усмешкой,  
И каштаны складывая в ящик,  
Всё торопит, мол, давай не мешкай.

С благородно-вдохновенным видом  
К подвигам и жертвам призывает.  
Нет здесь места мелочным обидам:  
Он – жокей, ты – лошадь призовая.

А крупинки золота мгновенно  
Ветер бесконечности уносит.  
Множество алхимиков, наверно,  
Думают о каверзном вопросе.

*6 марта 1963*

Э.

Праздник – это когда мы вдвоём,  
Праздник – это когда мы поём,  
И смеёмся когда и молчим.  
Глаз любимых согреют лучи,  
Хмурый, вьюжный, дождливый - любой  
День, лишь был бы я рядом с тобой.  
Нам не надо другого огня,  
Нам не надо особого дня –  
В этом счастье моё и твоё:  
Праздник – это когда мы вдвоём...

*8 марта 1963*

Стихи рождаются из света,  
Стихи рождаются из смеха,  
И загорается ракетой  
Строфа, что в жизни стала вехой.

Стихи рождаются из мрака,  
Стихи рождаются из горя:  
Стих может вышкой над бараком  
Встать, словно бы *memento mori*.

Стихи рождаются из пены  
Морской и из песка пустыни.  
Стихи рождаются, и стены  
Тюрьмы становятся святыней.

И мы, склонившись над страницей,  
Исписанной наполовину,  
Стараемся посторониться,  
Чтоб пропустить в стихи лавину,  
Чтоб стих был до краёв наполнен  
Игрою краски, мысли, звука...  
Чтоб стих светил, как солнце в полдень,  
И был надеждой и порукой.

Горение считая благом,  
Мы в Лету мрачную не канем —  
Контакт карандаша с бумагой  
Коротким станет замыканьем.

И если сердце задымится  
От недозволенной нагрузки,  
Из пепла вновь взовётся птица  
Со странным именем нерусским...

*14 марта 1963*

Надоело собственное тело,  
Дело и безделье надоело,  
Раздражают мысли, краски, звуки,  
Досаждают встречи и разлуки.

Да к тому же выродки-кентавры  
Бодро бьют в газетные литавры,  
Фабрикует кто-то для чего-то –  
Рота оголтелых идиотов!..

Кто бы чудо сотворил такое,  
Чтобы нас оставили в покое,  
Чтобы каждый шёл своей дорогой,  
Зная твёрдо: «Ближнего не трогай!»

В мире есть базары и пустыни,  
Есть дворцы и хижины простые,  
Мир велик в своём многообразье –  
Только мы хозяева в нем разве?

Жизнь не переделаешь строкою,  
Остаётся – принимать такую.  
«А покой нам будет только снится...»  
Ты жива ещё, моя Синица?

1963

Во мне горит неяркий огонёк:  
То не свеча, не плошка, не лучина...  
Душа? Да нет, скорей первопричина  
Всего, что я искал, желал и мог.

Пусть катится с Голгофы снежный ком  
(Я слышу голос – видано ль такое?),  
Пусть ветры над упрямым огоньком  
Беснуются, не находя покоя.

Ему не страшен грозный взмах руки,  
Над ним не властны силы роковые,  
И трудно вспомнить мне, когда впервые  
Он отразился в зеркале строки.

Бессмертие? Заезженный конёк!  
Соломинка для слабых и убогих.  
Здесь в пустоту уходят все дороги,  
А мотыльки летят на огонёк!

1963



Где ты, юность безоглядная,  
Ясность бытия?  
Где улыбка травоядная,  
Робкая – моя?

Где ты, сказка – диво дивное,  
Мир наоборот,  
Где доверчивость наивная,  
Истин хоровод?

Всё сурово переплавало  
Пламя этих лет,  
Мысль перечеркнула правила.  
В жизни правил нет.

Сбил треножник у подножия,  
Заповеди стёр...  
Разгорайся, искра Божия,  
В дьявольский костёр!

*1963*

Что мне готовит мой грядущий день?  
Каких дорог я повести прочту?  
На чью судьбу свою отброшу тень?  
Какую завтра перейду черту?

Согнусь ли я под тяжестью утрат  
Иль распрямлюсь в предчувствии побед?  
Войду ли со щитом в священный град  
Или нарушу рыцарский обет?

Быть может, скоро боевая прыть  
Заставит нас таранить стену лбом?  
И братские могилы будут рыть  
Тупые рыла водородных бомб?

Счета к оплате! Жизнь всегда права.  
Финал меня не удивит ничуть,  
Когда, роняя из строки слова,  
Я звёздной пылью в небеса взлечу.

А может быть, в двухтысячном году,  
Луч солнца проглотив последний раз,  
Я в Сан-Бенито на помост взойду,  
Ни перед кем не опуская глаз.

1963

Подевалась куда-то минута,  
Затерялась иголкой в стогу.  
Отыскать я её не могу,  
А она мне нужна почему-то.

Потерялась минута, и нет  
Никакого приметного знака.  
Лишь во времени дырка. Однако  
Должен быть ведь какой-нибудь след.

Я ползу по столетьям, ищу,  
Проверяю на стыках эпохи,  
Где с усмешкой глядят скоморохи,  
Как Давид заряжает пращу.

Заряжает не камнем её,  
Но почти неподвластной забвенью  
Той минутой, чьей быстрою тенью  
Ощущаю я слово своё.

*1963*

Но в жизни бывают мгновенья прозренья,  
Когда проступает сквозь сутолку буден  
В каком-то, слепящем глаза, озаренье  
Весь путь нашей жизни, что долог и труден.

Ты видишь зигзаги, подъёмы и спуски,  
Тропы, по которым назад не вернуться,  
Пустые бутылки, остатки закуски,  
И строки стихов, и разбитые блюда.

И сена горячего запах забытый  
Тебя в духоте городской настигает.  
Ты вспомнишь ушедших, забытых, убитых,  
В потоке бессмыслицы смысл постигая.

Оглянешься ты изумлённо и робко,  
Как сонный медведь, что простился с берлогой,  
И странной покажется узкая тропка,  
Что стала навек столбовою дорогой.

1963

Жизнь прожита, разрезана на главы,  
Обрублены все лишние отростки.  
Плод выдумки и памяти лукавой  
Оторван навсегда от липкой соски.

Ему теперь пастись на свежей травке,  
Упрямым рылом подрывать коренья.  
И легче в жизнь свою внести поправки,  
Чем в это рукотворное творенье.

Тут столько разговоров и событий,  
Имён, раздумий, снов и анекдотов,  
Полунебывших и полузабытых,  
Подобранных зачем-то для кого-то!

Ну, а итог всегда один и тот же:  
Для автора (не в том ли сила слова?)  
Лишь это – жизнь, которую он прожил.  
И не было в ней ничего иного!

1963

## ВСТУПЛЕНИЕ В «ПОЭМУ ТУМАНА»

Не рушились стены,  
Не сыпалась манна –  
Вставала из пены  
Поэма тумана...

Из снега вставала,  
Взлетала из пепла,  
Срывалась обвалом,  
Вскипала и крепла.

Над накипью тёмной  
Сияла нетленной  
Ветрами рождённой  
Отдельной вселенной,

Над веком нелепым,  
Над ложью и страхом  
Уродливым слепком  
Застывшего праха,

Фальшивой монетой,  
Фантазией Лема  
Над пьяной планетой  
Сгущалась поэма...

*1964*

## ЭТОТ СТИХ

Не басит он степенно  
С покрасневших полотен,  
Но проходит сквозь стены,  
Невесом и бесплотен;  
Лёгкой бабочкой вьётся  
У светящихся окон,  
Позади остаётся  
Лишь разорванный кокон.  
Позади – озаренье  
И сомнений уколы –  
Обострённого зренья  
Люциферова школа.  
Он родился и вправе,  
Как печать и как подпись,  
В каждом сердце оставить  
Свой невидимый оттиск.  
Зазвучавшие строки  
Нас зовут и тревожат,  
Беспощадны и строги  
(Чем прекрасней, тем строже).  
Отравляют нам радость  
И лишают покоя,  
Утверждая, что надо  
Нам не то, а другое,  
Убеждая, что мусор –  
Всё, чем трезвость гордится,  
Убеждая, что трусом  
В жизнь входить не годится.  
И не думая вовсе,  
Поразят иль излечат...  
Я бросаюсь, всё бросив,  
Этим строчкам навстречу!

1964

## ПЕСЕНКА О ЛУНАТИКАХ

*(ироническая)*

Космонавты улетают на Луну,  
А лунатики гуляют по карнизам,  
Не беда, что втравят нас в войну,  
На Луне зато построят коммунизм.

Но лунатики фанатиков клянут,  
Не желают бомбы атомные строить,  
И намылиться мечтают на Луну,  
Потому что все лунатики – герои.

Их грызёт неистребимая тоска,  
Надоело им земное притяженье,  
А желанная планета так близка,  
И на ней дойдёт не скоро до сраженья!

А лунатиков в ракеты не берут,  
Говорят: валяйте, топайте по крышам,  
Но учтите, человека создал труд,  
Без него б из обезьяны он не вышел.

А лунатику на это наплевать,  
Рассуждает он разумно, без изъяну:  
Разрешите на Луне мне пребывать  
Или снова обратите в обезьяну.

*14 сентября 1964*



## ВИДЕНИЕ ПЕТРА

Страшусь я твоего паденья  
И взлёта твоего страшусь,  
Дочь подвига и преступленья –  
Ракетно-лапотная Русь.

Луна, туман, сырая мгла.  
Ночь рассекая и кроя,  
Адмиралтейская игла  
Сшивает облаков края.  
Нева застыла в берегах,  
На Невском замерли дома –  
Внушает и восторг и страх  
Руки Петра державный взмах.  
Он гнал коня во весь опор,  
Чтоб здесь поставить город свой;  
Он выиграл великий спор  
С широкозадою Москвой.  
Он так спешил, он так душил  
Им заарканенную Русь,  
Одних страшил, других смешил,  
Все книги зная наизусть,  
Все души высветив до дна,  
Все земли взглядом оценив,  
Ему страна была видна,  
Какою стала в наши дни,  
Какою будет через сто,  
А может быть, и больше лет,  
И ни при чём тут колдовство  
И предсказания планет.

Он знал, что силам нет числа  
И нет для мысли рубежа.

.....

А может, лошадь понесла,  
А он не смог её сдержать.

*1964*

Я пишу, как дышу,  
А дышу, как пленённая рыба,  
Жадно воздух ловлю  
Сразу вдруг округлившимся ртом.  
Над моей головой  
Миллионнопудовая глыба  
Наклонилась, качаясь,  
Чтоб думал всё время о том,  
Чтоб покоя не знал,  
Чтоб метался в отчаянье дико,  
И молился богам,  
И выдумывал новых богов,  
Чтоб забыл, что когда-то  
Любила меня Эвридика,  
Чтоб не помнил о том,  
Как унёс под полою огонь.  
Только я не забыл  
Ничего, просто волосы дыбом,  
Просто ветер в ушах –  
Время, время, волчком закружись!  
Так спасибо тебе,  
Миллионнопудовая глыба,  
Как скучна бы была  
Без тебя эта серая жизнь!

1964

Я вписан в окружность,  
Я в центре зелёного круга,  
Мне вырваться нужно,  
Чтоб встретить врага или друга.  
– Хорошее дело!  
– Но это же попросту глупо!  
– А мне надоело  
Вертеться в кольце хула-хупа.  
– А мне надоело  
Быть осью в колёсах пространства,  
Хочу, чтобы тело  
Очнулось от странного транса,  
Чтоб раз навсегда  
Распрямилась со свистом кривая...  
– И что же тогда?  
– О, тогда... Я не знаю...

*1964*

## МОНОЛОГ ОДИНОКИХ

Гаснут загоревшиеся взгляды,  
Прахом рассыпаются надежды,  
Превращаются лекарства в яды,  
И мечтам мы говорим: О, где ж вы?

Мы в тиски зажаты миражами,  
На вопросы наши нет ответа,  
Мы смешны, как крокодил в пижаме,  
Мы с дороги верной сбились где-то.

Нас тоска повсюду караулит,  
Мы чужие на чужой планете,  
Каждый дом – гудящий дружно улей,  
Но для нас закрыты ульи эти.

Падают протянутые руки,  
Сколько муки в этом, сколько муки...

*1964*

Э.

Мне не жаль для тебя  
самых праздничных слов,  
Мне не жаль для тебя  
самых ласковых пауз,  
Я в тебя окунаюсь,  
как в море весло,  
Алым ветром надут  
наш развёрнутый парус.  
Берега навсегда  
растворились вдали.  
Только море да небо  
без дна и без края,  
И причудливы сны,  
как виденья Дали,  
И сейчас нам не надо  
ни ада ни рая.  
Остановлены бережно  
стрелки часов,  
И проносятся мимо  
все бури и штормы,  
И Вселенная давит  
на чашу весов,  
Но её перевес  
представляется спорным.

*26 ноября 1964*

## АТЕИСТИЧЕСКОЕ

Слеза упала  
На крышу дома.  
Слеза пропала  
Под грудой лома.

Найти поныне  
Её не могут.  
Копаясь в глине,  
Взывают к Богу.

Постятся люто  
И бьют поклоны  
И стонут, будто  
Помогут стоны,

А Бог-защитник  
Глядит с усмешкой:  
– Ну, что ж, ищите,  
Оно конешно...

*1964*

## ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Я когда-то из крыла Жар-птицы  
Выдернул волшебное перо.  
С той поры, забыв родные лица,  
Я брожу, как сказочный герой.  
По чужой земле зимой и летом,  
Днём и ночью, в стужу и в жару,  
Озаряя негасимым светом  
Тьму ночную далеко вокруг.  
Я ищу диковинную птицу,  
Сердце опалившую моё.  
Но она пока мне только снится,  
На земле не встретил я её.  
Может, я напрасно силы трачу,  
Ослеплённый призрачной мечтой,  
Как игрок, поверивший в удачу,  
Жизнь свою сгубивший ни за что,  
Может быть, но так или иначе  
Выбрал я одну из всех дорог.  
Не расстанусь с верою горячей,  
Из руки не выроню перо!

1964



Нет самородков!

Самоучек нет!

Мы все другими рождены и выращены.  
Недаром мы глядим на белый свет  
Глазами, в жадном изумленьи вытарашченными.

К услугам нашим – тьма учителей,  
Предела нет их мудрости и щедрости:  
Лишь времени и сил не пожалей,  
И превратишься в мудреца из недоросля.

Легенды о титанах и богах  
Сданы в архив, и все преграды сломаны.  
Но век наш мудрецами не богат,  
Хоть недоросли обросли дипломами.

*Январь 1965*

## МОСТ

Я стою на мосту, а мост  
Протянулся меж ярких звёзд.  
Все заказаны мне пути,  
Больше некуда мне идти.  
Если прямо пойдёшь – сгоришь,  
И назад повернёшь – сгоришь.  
Я стою посреди моста,  
До чего ж пустота густа!  
А Земля подо мной внизу  
И, заснув, я по ней ползу  
На работу или в кино –  
Это, в сущности, всё равно.  
Я гляжу сквозь газетный лист,  
Как стреляют и пляшут твист,  
И теряюсь среди мелочей,  
Волгой кажется каждый ручей,  
Словно я и не видел реки...  
А мгновенья прозренья редки.  
Но сознание гасит ночь,  
Все заботы уходят прочь.  
Я куда-то лечу, расту –  
Просыпаюсь: стою на мосту...  
Озираюсь – вокруг ни души,  
Только звезды звенят в тиши.  
.....  
Подожди меня, не спеши...

*9 февраля 1965*

## МОНОЛОГ

Я – человек, не больше и не меньше.  
Творец, мечтатель, я – как знак вопроса,  
Неумолимо и неистребимо  
Стою на рубеже тысячелетий.

Я не судья, не ангел и не дьявол,  
Не с облаков гляжу на муравейник,  
Где копошатся сотни миллионов  
Живых существ. Нет, я один из них,  
Такой же, как и все, почти такой же.  
Я, видимо, один из тех немногих,  
Которые несчастнее других,  
А впрочем, что я говорю – счастливей!

В великой, бесконечной книге жизни  
Они не буквы – знаки препинанья,  
Друг друга потерявшие из виду,  
И в этом беспощадность их судьбы.

Да, я один из них. Я – знак вопроса.  
И вот упрямо и неумолимо,  
Как пугало среди беспечных грядок,  
Я встал на рубеже тысячелетий.

*1965*

## ЛЮЦИФЕР

Не ради денег предан был Христос.  
Серебренники? Чушь! Он не был продан.  
Кто верит в это, тот по-детски прост,  
Он был покинут Богом и народом.

Пусть ложь грязна, а истина чиста,  
Но как мутны параграфы и строфы,  
И каждый, кто пошёл тропой Христа,  
Восходит неизбежно на Голгофу.

И не читать бы нам священных книг,  
Несущих в мир пророческое слово,  
Да дьявол – гениальнейший шутник, –  
Устроил воскресение Христово.

Он дал необходимый капитал,  
Тоской и страхом души унавозил,  
Святое слово и святой металл  
Возил повсюду он в своём обозе.

Летят, летят на дно столетий дни,  
Его стада жуют его солому,  
Он до поры останется в тени.  
Он не тщеславен. Пусть кадят другому.

*1965*

## ИСКУШЕНИЕ

Всё суета сует...  
Кому он нужен – след,  
Оставленный тобой?  
К чему неравный бой,  
Который ты ведёшь?  
Всем миром правит ложь,  
И каменной стены  
Ведь лбом не прошибёшь.  
Нам правила даны  
Игры. И та игра,  
Как этот мир, стара,  
И в мире нет иной.  
Понять давно пора,  
Что в этом смысл двойной.  
Всё остальное бред,  
Другой дороги нет.  
Куда ты ни пойдёшь,  
Повсюду встретишь ложь.  
Всё суета сует...  
    Ты мне поверил?  
                                – Нет.

1965

## ПУТЬ

Что ж, времени не скажешь: – Погоди!  
Пылит дорога, гнётся мостовая,  
И прожитые годы позади,  
Как горные вершины, застывают.

Всё уже каменистая тропа,  
А память, как дырявая копилка,  
И замедляет снежная крупа  
И золотые блёстки, и опилки.

Уходишь вдаль, где каждый кустик – дом,  
Где затихают яростные споры.  
Оглянешься – и различишь с трудом,  
Где пена облаков, где горы.

*10 февраля 1965*

## ПЕСНЯ КЛОПА

Жизнь моя однообразна,  
Как моё меню.  
Сторожит меня опасность  
Десять раз на дню.

Как врага, боюсь я света –  
Прячусь глубже в щель.  
Словно главное – лишь это,  
Словно – в этом цель.

Страх меня гнетёт и давит,  
Как тяжёлый груз.  
Не стремлюсь давно я к славе,  
Подвигов боюсь.

Гаснет свет, и, как обычно,  
Я спешу на бой.  
Ждёт меня моя добыча,  
Хлеб насущный мой.

Но кормилец мой ужасен,  
Спит, не чуя ног,  
Но и сонный так опасен,  
Что – помилуй, Бог!

Утром рано пятна рдеют  
Знаками беды.  
И трагически рдеют  
Славные ряды.

*Март 1965*





*Дмитрию Кипишидзе*

Труд царит здесь спозаранку,  
И плоды его заметны.  
Солнце золотит чеканку  
И ласкает инструменты.

На столе – коньяк и чача,  
За столом друзья и гости.  
И хозяин наш горячий  
За искусство выпить просит.

За творцов его, не ждущих  
Ни богатства, ни почёта.  
Для которых цель – не кущи,  
А любимая работа.

Что ж, за это выпить нужно,  
Можно – и в огонь за это!  
Поднимают кружки дружно  
Сам Мито и два поэта.

Мы, приехавшие, чтобы  
Грузию узнать получше,  
И старик отец, что пробыл  
Восемнадцать лет в отлучке.

«Добрую я вижу завязь,  
Славное, ребята, дело», –  
Говорит нам, улыбаясь  
Со стены Важа Пшавела.

*1965. Тбилиси*

*Чеканщику Кобе Гурули*

Под прозрачным небом синим  
Беспредельна даль сквозная.  
Скачет рыцарь по равнине,  
Конь усталости не знает.

В стену врезанный навечно,  
Воплотившийся в металле,  
Он спешит, предвидя встречу  
С тем, к кому его послали.

«Ти-на-тин» – щебечут птицы,  
«Ти-на-тин» – лепечут травы,  
«Ти-на-тин» – царевне снится  
Автандил... И бой кровавый.

А ему – блуждать в потёмках  
Вместе с верным Таризлем...  
Сквозь века летит к потомкам  
Мудрый голос Руставели.

И, завидуя героям,  
Удостоенным бессмертья,  
Юноши вздохнут порою...  
Очень грустно им, поверьте.

Но глядят они с надеждой  
В те космические дали,  
Что в своей тоске безбрежной  
Столько лет героев ждали.

*14 апреля 1965. Тбилиси*

Не душистый ладан славословья,  
Не лавров тонкие шипы,  
Всегда окрашенные кровью,  
Не одобрение толпы –

Иное дорого поэту,  
Когда, не бросив взгляда вниз,  
Он, в сердце заключив планету,  
Летит в космическую высь.

Его всевидящему взгляду  
Открыты разные миры,  
И в этом видит он награду  
Испепеляющей игры.

Но догорает папироса,  
Звучит зловещий бой часов,  
И снова крылья альбатроса  
Цепляются за мусор слов.

*5 мая 1965*

Я научился растворяться в слове,  
Стушаться в нём и выпадать в осадок,  
И, обходя условности условий,  
Усвоил я, что мёд лишь с дёгтем сладок.

Я научился комнатную стену  
В экран звучащий превращать мгновенно  
И узнавать действительную цену  
Тому, что прежде просто было ценно.

Я научился не жалеть о прошлом,  
Которое таится в настоящем,  
И радоваться тем засохшим крошкам,  
Что падают сквозь прутья в тёмный ящик.

*Июнь 1965*

*И. Бродскому*

Ленинград, Ленинград, не черни своё светлое имя,  
Поднимись на защиту поэта от своры громил!  
Над Невой, над проспектами и площадями твоими  
Чёрный крест загорелся и весь горизонт озарил.

Суд идёт – и зловещие тени на город ложатся,  
Суд идёт – разрисован чертями дурацкий колпак.  
На поэта повешен дешёвый ярлык тунеядца  
И гогочет толпа подлецов, дураков и зевак.

Перед этим судом и с защитником он беззащитен.  
По знакомым канонам разыгран трагический фарс.  
Справедливости ищите вы? Здесь её не ищите!  
Отправляйтесь за нею лучше ракетой на Марс!

Ленинград, Ленинград, вновь поэты уходят в изгнание.  
Но я верю, что совесть не будет, как прежде, нема.  
Не спасут от презренья ни пышные фразы, ни званья.  
Суд идёт! Суд идёт! Подлецам не избегнуть клейма!

1965

Видишь: гаснет свет и рвётся нить.  
Безнадёжно инструмент расстроен.  
Даже близким всё не объяснить,  
Можно только – самое простое.

Бесполезно рассыпать слова  
И глядеть в глаза с тоской звериной.  
Даже губы молча целовать  
Можно лишь заснув наполовину.

Стенка. Диалектика любви.  
Мы бессильны перед этой силой.  
По-французски это – се ля ви,  
А по-русски – Господи, помилуй!

*Июнь 1965*

Слепая жажда отрицанья,  
Словами ржавыми бряцанье,  
Стремленье вырваться из круга,  
Оцепенение испуга.  
Мечта, раскинувшая крылья,  
Печать привычного бессилья,  
И на орле, как и на решке,  
Есть отблеск дьявольской усмешки.  
Под белым платьем всепрощенья –  
Проклятье недовоплощенья.

*1965*

Что-то сбудется, что-то не сбудется,  
Перемелется всё, позабудется...

*Г. Иванов*

Всё на свете перемелется:  
Грусть, и радость, и беда,  
И тоска твоя – безделица,  
Что растает без следа.

Горечь в росах растворяется,  
И в лучах закатных – злость.  
Всё на свете повторяется,  
Так уж это повелось.

Из-под снега обречённого  
К солнцу тянется трава,  
Шепчут волны моря Чёрного  
Непонятные слова.

Может быть, на древнегреческом,  
А быть может, на своём.  
Мы не слушаем. Мы мечемся,  
Песни дикие поём.

Ветер буйного столетия  
Крылья мельницы кружит,  
И одни лишь междометия  
Прорывают рубежи.

Можешь верить, если верится,  
А не то – махнуть рукой.  
Всё, что жизнью перемелется,  
Станет прахом – не мукой...

*1965*



## НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Вылупился таракан  
Из куриного яйца.  
Сделал из усов аркан  
И накинул на птенца.

И на нём пустился вскачь,  
Оглушительно крича;  
Налетев на детский мяч,  
Провалился внутрь мяча.

Мяч подпрыгнул к потолку,  
Прямо в воздухе повис,  
Прокричал «Ку-ка-ре-ку»  
И свалился камнем вниз.

*Февраль 1965*

## ДЕСЯТЫЙ КРУГ

Санчо Панса верил в Дон Кихота,  
Верил в Бога, в золото, в перину.  
Санчо Панса твёрдо знал: работа  
Колесом сгибает людям спину.

Дон Кихот же верил в благородство  
И ещё в своё предназначенье,  
И хоть это не было юродством,  
Но вело к нелепым приключениям.

А сейчас глядит Сервантес с болью,  
Как, влекомый мрачной тенью Данта,  
Едет по российскому раздолью  
Санчо, оседлавший Росинанта.

*1965*

Ухожу от плотности  
В пустоту.  
Ухожу от сложности  
В простоту.  
Меряясь улыбкою  
С пауком,  
Паутину липкую  
Рву стихом.  
Лунною бесплотностью  
Дорожу,  
По строке над пропастью  
Прохожу.  
У ловушек пороху –  
Силы нет.  
Оставляю по верху  
Лёгкий след.  
На ночь ставлю пугало  
У дверей,  
Чтоб пугать до судорог  
Упырей.  
И взлетая в ложную  
Пустоту,  
Ухожу от сложности  
В простоту.

*1966*

## ЛОЖЬ

Спрятана ложь за семью замками,  
В стену бетонную замурована;  
Стережёт её чёрный камень –  
Лишь ему эта честь дарована.

Ветер вверху шелестит песками,  
Радуюсь яркости неба ясного.  
Скрыт от взоров тюремщик-камень,  
Скрыт от солнца, что кружит ястребом.

Не приведёт ни одна дорога  
К логову лжи, погребённой заживо.  
Стало правды на свете много,  
Правда нынче своя у каждого.

Голая правда повсюду бродит,  
Шумно победу над ложью празднует,  
Сеет ненависть к ней в народе  
И клеймит её душу грязную.

Рушится всё, что считалось вечным.  
Краски поблёкли и звуки съёжились.  
Недруг чудится в каждом встречном.  
Сны пропали, кошмары ожили.

Взрослые смотрят с тревогой в завтра,  
Стали глаза у детей печальными.  
Рубит головы людям правда.  
Стонет ложь за семью печатями.

1966

## НА МОГИЛЕ БОРИСОВА-МУСАТОВА

Родная ширь тебя манила  
И красок праздничная пляска.  
Здесь над Окой твоя могила –  
Судьбы свершенье и развязка.

Скамья с приокской панорамой,  
Шиповника кусты густые  
И лес вдали,  
Как будто в раму  
Замкнувший небо над Россией.

Плита с фигуркой  
(Скорбный камень,  
Где правда сочеталась с ложью)  
Согрета добрыми руками,  
Сложившими цветы к подножью.

Тебя природа одарила  
Всею,  
Что когда-то взгляд ласкало,  
Здесь,  
Где мечтала и Марина  
Лежать,  
Закрыв глаза устало.

*1966. Таруса*

## НИКОЛА-НА-ОСТРОВЕ

*Э. Штейнбергу*

Ты помнишь Святое болото  
и остров Николы-на-Острове,  
как будто зовущий кого-то,  
кто скрылся за дальними соснами.

И клюкву, что каплями крови  
краснела на кочках пружинистых,  
и ветер, сгустившийся в слове,  
которого слуху не вынести?

Ты знаешь, я верю лишь в разум,  
и то с оговоркой привычною,  
давно скептицизма заразу  
несу, как беспримесно-личное.

От гордости всё да от страха,  
от хитрости да осторожности.  
Торгуют духовностью праха,  
предвидя любые возможности.

Не очень-то многого стоит  
порыв под лохмотьями пёстрыми.  
Но это болото Святое  
и этот Никола-на-Острове...

1966

*Мандельштаму*

Похищенный угрюмой тенью Данта,  
Он прошептал: – Нелепо и смешно! –  
Смеяться над собою не грешно  
Тому, чей лоб прожжён клеймом таланта  
И чьим плечам безмерный груз Атланта  
Принять хоть на мгновенье суждено.

1966

*Цветаевой*

Кому глядеть на солнце, не мигая,  
Позволено?! Как дерзок этот взгляд!  
Кипят в нём, не сливаясь, мёд и яд,  
А в глубине беспомощность нагая.  
Но жизнь – цена не слишком дорогая  
За сотканный бессмертными наряд.

1966

*Пастернаку*

Ему звезда надзвёздная светила.  
Она и охраняла и вела,  
Но замедляла гордый взмах крыла  
Упрямая, недремлющая сила.  
Сама земля поэту не простила  
Того, что так была ему мила.

1966

*Ахматовой*

Как часто раскрывалась пасть дракона!  
И Реквием отчаянья звучал.  
Жестокий выбор что-то означал,  
Но молча улыбалась Персефона.  
И по стихам катилось эхо стоны,  
Который был началом всех начал.

1966



## ОДУВАНЧИКИ

Мы порхаем, окунаясь в пустоту,  
одуванчики срываем на лету,  
а когда уносит ветер лёгкий пух,  
остаётся нам тогда одно из двух:  
или слёзы над потерей проливать,  
или снова одуванчики срывать...

*1966*

## МОЯ НЕФЕРТИТИ

Э.

Раскрылся божественный лотос,  
Но из него вместо солнца  
Ты в этот раз появилась,  
Сияя красой нетленной.  
От сна пробудились травы,  
Цветы глубоко вздохнули,  
А быстрые лани и тигры  
Застыли, как изваянья.  
И цапли, вытянув шеи,  
Раскрыв свои длинные клювы,  
Растерянно и восхищённо  
Глядели на это чудо.  
И ветер остановился  
Над величавым Нилом,  
Чьи воды внезапно встали,  
Как слёзы бессмертных светлы.  
И перед тобой склонились  
Люди ста поколений.  
Когда ты сошла на землю,  
На небо вернулись боги.

*Октябрь 1966*

Была весна, и весь сияющий  
Мир мыльным пузырьём высвечивал.  
Он кем-то пущен был играючи  
В простор круговращенья вечного.

Я шёл по улице, подтянутой  
Лучами солнечными к облаку,  
Приглядываясь как-то заново  
К её восторженному облику.

А прошлое с листа рассветного  
Ежеминутно рожки корчило,  
И город что-то мне советовал  
Скороговоркой неразборчивой.

*6 декабря 1966*

## ПЕСНЯ

Так уж вышло, так случилось –  
Долго ль до греха! –  
С буйным ветром обручилась  
Тихая река.

Закружились в хороводе  
Стайки облаков.  
«Во саду ли, в огороде...»  
Тополь спел без слов.

В сонном небе ночью поздней,  
Затаив печаль,  
Перемигивались звёзды,  
Словно невзначай.

А наутро растерялись  
Даже облака:  
С робким ветров целовалась  
Буйная река.

*Декабрь 1966*

## АРГОНАВТЫ

Пора, пора!  
Корабль готов к отплытию,  
Развёрнуты на мачтах паруса.  
Пусть ваши души,  
Всем ветрам открытые,  
Качает море на своих весах.

Вперёд! Нас не пугают испытания –  
Мы с курса не собьёмся ни на миг!  
Торопит море нас в дорогу дальнюю,  
Призывно шелестят страницы книг.

Улыбкой молодой Колхида светится,  
С Мтацминдой спорит мудрая Кура,  
И песня, что явилась доброй вестницей,  
Торопит нас: пора, пора, пора!

Оклеив небо чертежами чёткими,  
Мы обогнём Родос, Пирей и Крит,  
Пусть чёрный флаг, ветрами перечёркнутый,  
Над бригантиной коршуном парит.

Пусть призрачный, под небесами бледными,  
В поэзию вошедший, как в залив,  
Окутанный туманом и легендами,  
«Голландец» смутно промелькнёт вдали.

И «Мэри Глостер» пусть со дна поднимется,  
Чтоб мы её приветствовать могли,  
Когда встречать нас тесным строем двинутся  
Похищенные морем корабли.

Друзья советы нам дают полезные,  
А чайки в сотый раз кричат: – Пора!  
Пора, за золотым руном поэзии  
Сегодня отправляется корабль!..

*1966*

Время, ты в бесплотности своей  
Самая весома из истин,  
Ты в глубины неземных морей  
Окунаешь солнечные кисти!

Неприметно за мазком мазок  
Ты на холст накладываешь краски,  
Мир просторен, светел и высок,  
Словно отраженье доброй сказки.

Память... Словно в море острова,  
И над каждым островом по флагу...  
Чувства вырождаются в слова,  
Тени слов ложатся на бумагу...

*1966*

## УТРО НА ОКЕ

Я из дома вышел нынче рано,  
А ворон застал за старым спором.  
Утро пахнет гарью и туманом,  
Тающими снами и простором.

На траве лежат сухие сети,  
И садок готов к приёму рыбы,  
И тиха Ока в минуты эти,  
Что плывут, как облачные глыбы,

Над лесами, рощами, полями,  
Над неторопливою Тарусой,  
Что в Оку глядится дни за днями,  
К водам головой склонившись русой.

Шёпотом зовёшь нетерпеливо,  
Заставляешь всё забыть и бросить...  
Мне навстречу выбегает ива,  
Пряча в тень предательскую проседь.

*1966. Таруса*



## ПРОЩАНИЕ С ЧУХЛОМОЙ

*Э. Штейнбергу*

Болота да леса,  
Колдобины дорог.  
Неяркая краса,  
Чей лик по-русски строг.

Певучий росплеск слов,  
Где корни и родство,  
Да северных ветров  
Лихое озорство.

Дыхание зимы  
Разбило летний зной.  
Здесь причастились мы  
Из чаши чухломской.

Нам вслед гремит гроза,  
Глядят из-за ветвей  
Застывшие глаза  
Глухонемых церквей.

*8 июня 1967. Чухлома*

Э.

Жду тебя,  
Ослепший и оглохший,  
Растворившийся в тиши,  
Жду тебя,  
А нить всё тоньше, тоньше...  
Поспеши.  
Жду тебя,  
Раздавленный туманом  
Образов и слов.  
Память оком недреманным  
Шарит в гуще снов.  
Жду тебя,  
Всё остальное – мимо,  
Остального нет.  
Временная связь неуловима.  
Омут. Бред.  
Мир вокруг  
На атомы дробится,  
Мир дробя,  
Порываясь перевоплотиться,  
Жду тебя.

*Июнь 1967. Нижнее Пшати*

## У САМОГО ЧЁРНОГО МОРЯ

Сухуми испаряется вдали,  
И горы не видны – лишь ошутимы,  
И зыбкий жар струится от земли,  
И облака проходят где-то мимо.

Среди шального буйства алычи  
Расположились грозди винограда.  
Сливаются в сплошной поток лучи,  
И тот поток – нам кара и награда.

Играет море пенною волной.  
Оно, не зная боли и сомнений,  
Смеётся откровенно надо мной,  
И смех его дробится в лёгкой пене.

А ветерок, сдувая пыль с меня,  
Колышет на горячей гальке тени.  
Пятнистая, косматая свинья  
Задумчиво глядит на том Монтеня.

*18 июля 1967. Нижнее Пшати*

## АБХАЗИЯ

Волшебный край! Земля чудес!  
Здесь море слева, горы справа.  
Над головой разлив небес,  
Вокруг цветов и трав отрава.

Быков и чаек голоса,  
И вездесущих лоз узоры,  
И ошетилившейся флоры  
Неповторимая краса.

Край экзотических плодов  
(Не снов ли наших отражень?),  
Развешанных в тени садов,  
Как ёлочные украшения.

И всюду, где за рядом ряд,  
Как войско, выстроились палки,  
На стеблях вьющихся висят  
Ещё незрелые мочалки.

*20 июля 1967. Нижнее Пишпи*

## ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЕ

Собой, в себе, и для себя,  
Лишь тень свою лаская взором,  
Жить, прихоти свои любя,  
Всё прочее считая вздором.

И признавать лишь тот закон,  
Который сам себе поставил,  
С упрямой верою, что он  
Превыше всех житейских правил.

А после прятать свой каприз  
То в шутке дьявольской, то в стоне,  
Как тот блистательный маркиз  
В богоугодном Шарантоне.

*27 июля 1967. Нижнее Пишапи*

Всё небо в праздничном уборе.  
Хрустят под ветром облачка.  
А я в зелёном Чёрном море  
Ловлю бычка на червячка.

Сейчас мне море по колено,  
И я гляжу на поплавок  
Самозабвенно, вдохновенно –  
Не человек, а полубог.

Всё повседневное забыто.  
Сюда не вхожа суета,  
И мутноватым волнам быта  
Уже не доплеснуть сюда.

Толчок. И вот качнулось море,  
Выплёвывая мой крючок,  
И с неземной тоской во взоре  
На гальку шлёпнулся бычок.

– Да стоит ли с жарой бороться,  
Забыв часам бесценным счёт,  
Чтоб дюжиной морских уродцев  
Разжиться, если повезёт?! –

Об этом бесполезно спорить.  
Все правы. Каждому своё.  
Со мной не споря, входит море  
В моё земное бытие.

*1967. Нижнее Пишпи*

Э.

Ни о чём не проси,  
Просто свет погаси,  
Руку дай, и глаза  
На минуту закрой.  
Видишь, южного неба  
Горячую синь?  
Узнаёшь ли волны  
Черноморский покрой?  
Ни о чём не жалея,  
Падай в море скорей,  
И про берег ненужный  
Забудь навсегда.  
Видишь, в небо плывут  
Паруса кораблей?  
Вот исчезнут – и к ним  
Не отыщешь следа.  
Так смелее плыви,  
Уплывай от любви,  
От забот и обид  
И тревог уходи.  
Ни о чём не жалея,  
Никого не зови,  
Пустота позади,  
Пустота впереди.  
И в тебе пустота,  
Но иная, не та,  
Что сейчас догорает  
В закатном огне...

Так забудь обо всём,  
Что хоронит мечта,  
И усни на волне,  
Чтоб проснуться на дне.

*Август 1967. Нижнее Пишти*



Э.

Раздвинулся простор сквозной,  
Растаял без осадка зной.  
Береговая полоса  
Дугой замкнула небеса.

Реклама двух миров. Рубеж.  
Настой вечерний густ и свеж,  
И в голубой дали видна  
Ещё безликая луна.

Покой. Мы здесь одни с тобой.  
Лениво пенится прибой.  
По зарифмованным волнам  
Закат подкатывает к нам.

*Август 1967. Нижнее Пишпи*

Напором девятого вала  
Законы природы нарушены.  
Но жрут как ни в чём не бывало  
Тела, что покинуты душами.

Куда и зачем улетели  
Под звуки воскресного пения?  
Поладить, видать, не сумели,  
А ждать не хватило терпения.

Ах, души наивные эти!  
На что им, сердешным, надеяться?  
Они, как и прежде, в ответе  
За всё, что телами содеется.

А те, от свободы дурея,  
Взалкали греха благодатного.  
Вернуться бы душам скорее,  
Да кто же их примет обратно-то?!

*1967. Нижнее Пишани*

## ОСЕННЕЕ

Э.

Пролети надо мной,  
Протяни мне крыло.  
Видишь, горькой листвой  
Все пути замело.

Отсыревшая мгла  
Гасит солнечный луч.  
И не видно крыла  
В чёрной завязи туч.

Глухо ветер гудит:  
То ль пытается петь,  
То ли просто сердит,  
Что не может взлететь...

За высокой стеной  
Так по-детски светло.  
Пролети надо мной.  
Протяни мне крыло!

*3 октября 1967*

Умирают старые дома,  
Те, что различались не по номеру.  
Побродив когда-то вдоволь по миру,  
Прилеплялись к месту терема.

Вписывались в уличный пейзаж,  
Принося с собой неповторимое,  
Открывали нам миры незримые,  
Превращали город в вернисаж.

Этот мрачен, беззаботен тот,  
Странные, прекрасные, нелепые...  
На одних – застыли львы свирепые,  
На других – русалок хоровод.

Вышедших из сказок и из снов,  
Их всё меньше.

Эти же – подобия.

Серые безликие надгробия  
На могилах тех, других, домов.

*1967*

Мгновенье не остановилось.  
Ужалило и пролетело.  
Зачем же мне царица снилась,  
Как платье, сбросившая тело?

И почему с тоской покорной  
Дракон встречал меня у брода?  
Он, истекая кровью чёрной,  
Дрожащей лапой трогал воду.

И для чего звезда упала  
На дно безводного колодца?  
Мгновенье? Но ведь это мало –  
Ещё полжизни остаётся.

*1968*

## ШУТКА

*Л. Б<режневу>*

Хорошо на свете жить,  
если не об чем тужить.  
Цельными днями шевелю бровями.

Вытворяю, что хочу,  
шар земной ногой верчу.  
Цельными днями шевелю бровями.

Ну, а если брови сбрить,  
чем бы стал я шевелить?  
Цельными днями шевелю бровями.  
Эх!

*Январь 1968*

## РОДИНА

Есть слово Родина и есть ещё Земля,  
которая досталась нам в наследство,  
которая растила наше детство,  
как яблони растит и тополя.

Она дарила нам тепло и свет  
и песни тростника на зорях росных.  
Она и ныне нас врачует, взрослых,  
и свят её прикосновений свет.

И мы себя не можем отделить  
от солнечного, терпкого, земного.  
Мы часть его, и это вновь и снова  
нам постигать и жизнь благодарить.

Есть слово Родина и есть ещё слова  
такого же высокого значенья.  
И есть Земля – всех мер пересечение,  
которая всегда во всём права.

*Февраль 1968*

*И. А. Бунину*

Гляжу почти с другой планеты  
Сквозь твердь спрессованных веков,  
Сквозь все закаты и рассветы,  
Что спрятаны на дне зрачков,

Сквозь окрыляющие грозы  
И обездушенную тьму,  
Сквозь толщу беспросветной прозы  
И звездопадов кутерьму

На эту ровную дорогу,  
На этот беспощадный путь  
И понимаю понемногу,  
Что всё пойму когда-нибудь.

Туда, где тёмные аллеи  
Уходят в тающую даль,  
Иду, о прошлом не жалея.  
Лишь в будущем чего-то жаль.

*1 апреля 1968*



*Л. Иоффе*

Исчадье страсти и страданья –  
Предсмертный крик первопричин,  
Два совмещённых содроганья  
Двух отвлечённых величин.

Застывшее навеки пламя,  
Гримаса вольтовой дуги  
И выброшенные волнами  
Спасательные те круги.

Чего ещё тебе хотелось?  
Притянут лодкой материк.  
В опустошённость, в опустелость  
Скатился двуединый крик.

Но плеть, сплетённая из мрака  
И света, бьёт в последний раз  
По оттиску созвездья Рака  
В кристаллах потускневших глаз.

*Июнь 1968*

## ПОСЕЩЕНИЕ БОЛЬНИЦЫ ИМ. КАЩЕНКО\*

Я иду на Голгофу с авоськой в руке,  
Мимо окон, прикрывших решётками боль,  
Окна, окна немые, как буквы в строке  
Иностранного текста, слепые как ноль.

В землю прочно корнями вросли корпуса.  
Здесь больничный покой, здесь тюремная тишь.  
Если красный кирпич этот тронешь рукой,  
Холод склепа всем телом своим ощутишь.

А за окнами бледные лица, глаза...  
А в глазах отложила личинки тоска.  
И увозят людей и привозят назад,  
Человек замирает, как тигр для броска.

Или просто в тупом равнодушье лежат,  
Или бродят от наших тревог вдалеке  
В странном мире, что красными стенками сжат...

.....  
Я иду на Голгофу с авоськой в руке...

1968

---

\* Посещение матери в больнице.

## СИГУЛДА

Облака ныряют в реку,  
В небе плавая.  
К морю  
Сквозь лесов опеку  
Рвётся Гауя.

Славят ветры верность Розы  
В дни суровые.  
Из пещеры  
Льются слёзы  
Родниковые.

То ли ива это плачет,  
То ли иволга,  
То ли горе  
В гору прячет  
Город Сигулда.

Башня смотрит на лицо  
То, печальное.  
Лес вокруг башни,  
Что кольцо  
Обручальное.

*Август 1968. Сигулда*

Хвала вам, рыцари зеркала!  
Рази мишень, стрела прибора!  
Над прахом Реймского собора  
Звезда-ракета отмерцала.

Когда на нас покой нисходит,  
Проглатывает мысль зевота,  
И обрубают якорь кто-то,  
И кто-то жалостью исходит.

Но вы, верны своей присяге,  
Проходите сквозь тайну слепо,  
И ваши галстуки – как стяги,  
И молот разбивает слепок.

Земли последний оборот.  
Какого чуда ждёт народ?

*1968*

## БОГУ

Ты не жди меня,  
Не жги меня,  
Не мучай;  
Не надейся  
Ни на слабость,  
Ни на случай;  
Не заманивай  
Клеймёнными  
Дарами,  
Не замаливай,  
Подмигивая  
Браме;  
Не кивай  
На Магомета  
И на Будду –  
Я путей  
Ни в Ад, ни в Рай  
Искать не буду.  
Я на облаке  
Умчусь  
В такие дали,  
Где с тобою  
Повстречаемся  
Едва ли.  
И тогда,  
Скрутив  
Тугой пружиной  
Слово,  
Может, выдумаю  
Я  
Тебя – другого.

*5 января 1969*

Ещё дышу и огоньки роняю  
На дно остановившейся реки,  
Ещё из тела бесов изгоняю  
И прячу их в извилины строки,  
Ещё в снегах мерцанье почек вижу,  
Во что-то верю и чего-то жду;  
К запретной двери подхожу всё ближе,  
Не покоряясь Божьему суду.  
И может быть, судьба моя такая –  
Брести пустынной анфиладой дней,  
Чтоб убедиться, что стена – глухая  
И дверь лишь нарисована на ней.

*20 февраля 1969*

Э.

Всё то же, всё та же, всё ты же –  
Всё строже, всё слаже, всё ближе.  
Как жадно земля впитала  
Морскую пенную влагу!  
Ни мрамора, ни металла,  
Лишь тень легла на бумагу.  
Лишь солнце в зрачки упало  
И в них утонуло сразу,  
И матовый блеск опала  
Призывно явился глазу.  
С тех пор я других не вижу.  
Другие – пятно в тумане.  
Пусть многое время слижет,  
Пусть многое в Лету канет.  
Всё то же, всё та же, всё ты же –  
Всё строже, всё слаже, всё ближе.

*Февраль 1969*

## ЛЕВША, ИЛИ ОДА КОЛЛЕКТИВИЗМУ

На факт зияющий такой  
Нельзя взирать без гнева –  
Все пишут правой рукой,  
А он шурует левой.

Уж верно это неспроста  
И не случайно это.  
Что совесть явно не чиста,  
Тут верная примета.

Не зря же он плюёт на всех,  
Писать как все не хочет.  
Вопче, проверить бы не грех,  
Чего он левой стрóчит.

*Февраль 1969*



## ПЕСНЯ

Возлюбила нынче моль нафталин.  
Ох, и зверский у её аппетит!  
Потребляет нафталин лишь один,  
Ничего иного жрать на хотит.

Ёлки-палки, хоть играй на трубе!  
Между прочим, это ж вам не сирень:  
Привожу я, скажем, Ньюрку к себе,  
А у ей от нафталину – мигрень.

А намедни уморился вконец,  
Чуть копыты не свинтил через боль:  
Замостырил нафталину в супец  
Вместо соли, растуды её моль!

Ну и жисть – хоть повисай на суку!  
Я бегу домой с работы скорей.  
Половинку для себя волоку  
И пакетик для домашних зверей.

*Март 1969*

## ПЕСЕНКА

Когда поэт и эрудит  
В тюрьму случайно угодит,  
Жалеть его не надо –  
Тюрьма ему награда  
За едкий ум,  
За гордый нрав  
И что всегда  
Преступно прав,  
Что памятлив сверх меры  
И не приемлет веры  
В жрецов Большой Дубины  
И в мыслящие спины  
Служителей Прогресса,  
В руках которых пресса.  
Когда поэтов душит пресс,  
Видней становится прогресс.

*Апрель 1969*

## СЧИТАЛКА

Раз-два-три-четыре-пять,  
Что с поэтов нынче взять?!  
Покатился колобком,  
Превратился в снежный ком.  
На сугроб вскочил петух,  
Кукарекнул и потух.  
Хи-хи-хи да ха-ха-ха,  
Не отыщешь петуха.  
Раз-два-три-четыре-пять,  
Ну, кого бы нам распять?  
Доски есть и гвозди есть,  
Есть и теща, есть и тесть.  
Ха-ха-ха да хи-хи-хи,  
Искупленье за грехи.  
Кто умён и даровит,  
След запутать норовит.  
По волнам, по облакам  
Нынче здесь, а завтра там.  
Спит, воды набравши в рот,  
А под пломбой – анекдот.  
До чего ж подлец востёр!  
Вот его бы на костёр!  
Раз-два-три-четыре-пять,  
Пахнет жареным опять.

*Апрель 1969*

Порой в потоке мутных вод  
с душою разлучится тело,  
и поглотит водоворот  
покой, возделанный умело.

Земля качнётся под ногой,  
звезда сорвётся с поднебесья,  
скрипя, согнётся мысль дугой,  
рассыплется на звуки песня.

Но тает в горле вязкий ком  
из боли, горечи, метаний...  
И взгляд кружится мотыльком  
над яковлевскими цветами\*.

*1969*

---

\* Яковлевские цветы – акварели и гуаши художника В. Яковлева.

Не покоя ли порог?  
Даже птицы замолчали!  
Сухожилия дорог  
Перерезаны лучами.

И как будто вмёрзли в зной  
И вросли в пространство это,  
Нежностью своей резной  
Украшая кромку лета,

Терпким солнцем налиты,  
Словно мёдом вязким, соты,  
Беспризорные цветы  
Изумительной работы.

*Лето 1969. Село Камяница под Ужгородом*

Э.

Ещё безмолвна чуткая струна,  
Протянутая от души до дома,  
А в небе закарпатская луна  
Сияет безупречно и весома.

Здесь воздух полон щебетаньем трав  
И разукрашен сочными плодами.  
Здесь очень просто, ленью лень поправ,  
Преобразиться в мудреца с годами.

Но мы судьбы подобной избежим,  
Нам в эту землю не врати корнями.  
Другие луны будут плыть над нами  
И равнодушно вслед глядеть – чужим.

*1969. Село Камяница под Ужгородом*

Путь всё длинней  
срок всё короче.  
Дно дней  
и ночи  
звериные глаза  
на образа  
глядят.

*Июль 1969. Село Камяница под Ужгородом*

## НАШ КОСТЁР

*Алисе Беловицкой*

Костёр – на плоту,  
Искры гаснут на лету...  
Песня рвётся в высоту,  
Только жаль, поют не ту.  
Мягкий, сонный блеск воды,  
Сглаживающий следы;  
Хрупкий купол тишины  
(Сосны речи лишены.  
Потому что ветер стих).  
В зарождающийся стих  
Все слова спешат войти.  
Столько разных слов в пути!  
Наш костёр – на берегу  
В зачарованном кругу.  
Отстранясь от суеты.  
Вечер звёзды и цветы  
В золотую пыль растёр  
И просыпал в наш костёр.  
Вечер в ночь перегорел.  
Тишь и темень.  
Сон созрел.

*1969*



Божья милость?  
Какая малость.  
Часто снилось,  
да не сбывалось.  
Проносилось –  
едва касалось.

Колосилось,  
а что досталось?!

*Август 1969*

## ДИСТРОФИКИ\*

Смотрите, великие, я поднимаюсь,  
Весь окутанный тиной строк,  
Навстречу солнцу, навстречу маю,  
Навстречу весне, наступившей не в срок.

Ветрами оваян, пройду по земле я,  
Осколками песен весёлых звеня,  
И жаркое солнце, от счастья пьянея,  
Лучистой улыбкой согреет меня!

1958

Что ж, скажу сейчас безо лжи,  
Раз пришёл для признанья срок,  
Я тебе не могу предложить  
Ничего, кроме тёплых строк,

Тех, что в сердце пробивши брешь,  
Отыскали к бумаге путь.  
Больше нет ничего – хоть режь.  
Остальное – когда-нибудь...

1959

---

\* «Дистрофики» – так автор называл стихотворения из двух строф.

Ты был предметом жалости,  
А стал объектом зависти.  
Так расскажи, пожалуйста,  
Продрался как сквозь заросли?

Но ты молчишь уклончиво.  
Не сглазить бы... Удача та...  
А жизнь ещё не кончена,  
А жизнь так поздно начата...

*1963*

### ЧЕРВЬ СОМНЕНЬЯ

Червь сомненья кушать хочет,  
Червь сомненья души точит,  
Он вгрызается, как в грушу  
В облюбованную душу.

Он жуёт неторопливо,  
Углубясь в неё, как в сливу,  
И, попробуйте, не сгиньте  
В этом чёрном лабиринте!

*11 сентября 1964*

## СОН

Золу этих лет сквозь стихи просеяв,  
Фонарь погасив и забросив бочку,  
Иду в глухомань, где доднесь Рассея,  
Одега в берёзовую сорочку.

Иду по тропинке, забытой всеми,  
Кусты раздвигаю, топчу крапиву  
И вместе с нею топчу я время,  
Что нас топтало нетерпеливо.

*1964*

А если только правду говорить,  
Отбросив прочь услужливое «но»?  
А если только то другим дарить,  
Что самому тебе уже дано?

Что ты нашёл, добыл, завоевал,  
Во что поверил раз и навсегда.  
Готов ли ты встречать за шквалом шквал?  
Конечно, я готов... Но... Впрочем, да!

*1966*

Э.

Ты планета, на которой я живу.  
Ты мой горький хлеб и терпкое вино.  
Зыбкий сон, меня настигший наяву  
и распахнутое в непогоду окно.

Ты оазисом очнувшийся мираж,  
лунных бликов неразгаданный кроссворд.  
Ты отточенный судьбою карандаш,  
что подсунул мне усталый, грустный чёрт.

*Вторая половина 1960-х*

Я не был ни в Париже, ни в Одессе,  
не тосковал в тени воздушных пагод,  
в Собор Петра не торопился к мессе,  
не исчезал в морских просторах на год.

Я не входил в гондолу ранней ранью,  
пустив ко дну тревогу и усталость.  
Не оттого, что не было желанья,  
а просто как-то всё не получалось...

*1968*

Безлюдье, беспитиье, беззверье...  
Лавинный обвал тишины.  
Сквозь брешь в пирамиде беззверья  
Сочатся зловещие сны.

Приходят они – ниоткуда,  
Уходят они – в никуда,  
И гасит надежду на чудо  
Застывшая в небе звезда.

*19 февраля 1969*

## ДЕЛА

*А. А. Штейнбергу*

Я сегодня сделал много дел,  
Времени напрасно не терял.  
Я корону на гору надел,  
В облака за жемчугом нырял.

Я зарубки сделал на ручье,  
Выбил пыль из нескольких дорог  
И на тонком солнечном луче  
Завязал на память узелок.

*1969*

## МЕЛОЧЬ\*

Мысль в океане тщетно ищет брода  
И не решили умники досель:  
Цель жизни – продолженье рода,  
А если средство – какова же цель?

—

Что мне человеческое стадо?  
Я ведь не пророк и не пастух.  
Мне от жизни лишь всего и надо,  
Чтоб не скоро вещей свет потух.

—

*На книге А. Жида*

Перу жидов принадлежит  
немало дельных книг и песен,  
Андре же, собственно, не жид,  
однако тоже интересен.

—

*На книге К. Джерома*

Согласен в лодку, на плот, на паром,  
оставив на суше будней накипь,  
согласен втроём, вчетвером, впятером,  
но пусть среди нас не будет собаки.

---

\* «Мелочь» – так автор называл короткие стихотворения.

## Зима

Не наградой за труды –  
Манной, посланною с неба,  
За ночь выросли скирды  
Свежескошенного снега.

—

*Н. Полиссар*

Я раньше вблизи таких ярких не видел –  
Цинична ты и беспечна.  
Но даже роденовский «Вечный идол»  
Не может пленять нас вечно.

—

*А. Беловицкой (надпись на книге)*

Столетия, как строчки на листе.  
Кем нам душа дана и кем обратно взята?  
На этом трижды проклятом кресте  
Всё человечество распято.  
Один и тот же мы проходим путь...  
О теле помни, о душе забудь.

—

Долго был он безутешен,  
Наконец явился Флешин

*1957–1967*



## ПЕСНЯ НЕПОКОРЁННЫХ

Мы – марраны.  
Нас часто жалеют бараны.  
Инквизиции псы  
Наших промахов ждут.  
Нам никто не наложит  
Повязки на раны.  
Нас врачуют огнём,  
Призывая на суд.  
Мы – марраны.  
Нас ветер пустыни развеял  
По бесплодным полям,  
По гнилым городам.  
Вечный призрак Исхода  
Явился евреям,  
Или, как говорят христиане,  
Жидам.  
Мы – марраны.  
И путь наш костры освещают.  
Пожинают серпом нас,  
Молотят крестом.  
В мире этом  
Нам сносную жизнь обещают  
И блаженство  
Почти беспросветное – в том.  
Надо только от кривды  
Великой отречься  
И блудливую  
Жалкую правду принять.  
Мы идём сквозь костры,  
Гордо выпрямив плечи.  
Мы – марраны,  
Хранители в мире огня!

*3 января 1970*

## СЫНУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ

Ты прав, и всё же  
Остаётся нам  
Змеиной кожи  
Неуютный хлам.

Отбросить кожу  
Эту не спеши.  
Она дороже  
Тела и души!

В её узорах  
Затаился зной,  
Чуть слышный шорох,  
Аромат лесной.

Прикосновений,  
Вечности следы.  
Побег весенний  
С почками беды.

На кожу эту  
С радугой закат  
Назло поэту  
Бился об заклад.

Не тонет кожа,  
Не горит в огне.  
В ней отзвук дрожи,  
Что жила во мне.

*27 марта 1970*

Разблёскивая строчки-светлячки  
Среди неувядаемого мрака,  
Гляжу в порозовевшие очки  
На зыбкий контур собственного брака.

Кардиограмма взлёта моего!  
Разбитый счастьем слепок поражений  
Весь мир, что за пределами его –  
Лишь кладбище зеркальных отражений.

Цветенье обесцененной души...  
Что в этой жизни может быть дороже?  
И пусть в насторожившийся тиши  
Сжимается клочок ослиной кожи.

*12 апреля 1970*

Нам только кажется, что мы  
Творим свою святую волю,  
Освобождая свет из тьмы  
И наслаждение из боли.

Всё это видимость одна,  
Неловкие уловки Рока –  
Ведь нам обычно не видна  
Ступенчатая подоплёка.

В игру непостижимых сил  
Затягивает жадно танец,  
Пока закат не погасил  
Наш лихорадочный румянец.

И заглушает наши сны  
С бесцеремонностью невежды  
Импровизация весны  
На тему веры и надежды.

*14 апреля 1970*

В тени возвышенных дубов,  
В глуши душистого покоя  
Пусть мне привидится такое,  
К чему я вовсе не готов.

Пусть зазвучат из глубины  
Земной оборванные струны,  
И неродившиеся луны  
Закроют стёртый лик луны.

Боюсь я только одного:  
Переживу ли возвращенье  
В мир деловитого вращения  
И не разрушу ли его.

*20 июня 1970. Зервинай*

Былого золотые рыбки, где вы?  
Где сон, забытый на лесной опушке?  
Я в прошлое своё забросил невод  
И вытащил лишь тину и ракушки.

И слизь отёрши со всего, что было,  
Увидел я святых мгновений мощи.  
И некто, глядя мне в лицо уныло,  
Прошелестел: – Смотри на вещи проще!

Но я не мог принять его совета,  
Я перестал совсем смотреть на вещи.  
Я просто отворил калитку в лето,  
И оборвался чей-то смех зловещий.

По травам и лучам бреду куда-то,  
Весёлым звоном солнечным наполнен.  
И вновь пьянят меня полынь и мята,  
И золотом одаривает полдень.

*20 июня 1970. Зервинай*

Э.

А нам, поэтам, нечего терять.  
Венчают нас не люди и не боги.  
Нам пыльные горбатые дороги  
Вручают стих, как шпаги рукоять.

Ты скажешь: – Это слишком романтично, –  
А ложь порой и в истине сквозит.  
Поэзия – убогий реквизит,  
На сцене разместившийся привычно. –

Ты не права. А если и права,  
Я этого вовеки не признаю,  
И пусть тропинка тонкая, лесная  
Подскажет мне последние слова.

*21 июня 1970. Зервинай*

Э.

Твой голос, воплощённый в тёмном взгляде,  
Добро творил и отвращал беду,  
По тонкому прогнувшемуся льду  
Спеша ко мне и по листам тетради.

Он эхом отражался в зеркалах  
И тенью шёл за мною приглушённо,  
Звездой парил во мраке отрешённо,  
Лампадным огоньком сиял в углах.

Он излучал покой застывшей лавы  
И был непостижимо уплотнён  
И вездесущ, как благовеста звон,  
К земле пригнувший луговые травы.

Из голоса и взгляда жгучий сплав,  
Скреплённый восковою оболочкой...  
Разрушу ли твой образ брэнной строчкой,  
К источнику бессмертного припав?

*27 июня 1970. Зервинай*



В погоде сегодня остуда,  
День жёваный ёжится зябко,  
И тучи ползут ниоткуда,  
И дерево никнет, как тряпка.

А воздух, сырой и тяжёлый,  
Сквозь души людские сочится,  
И дубом, вернувшимся в жёлудь,  
Мгновение в вечность стучится.

Пускай же бесследно растает  
Зияющей скудости дата.  
Июньская пыль городская  
И та запропала куда-то!

*Июнь 1970*

## ПОЭТ

Свинцовый нимб над головой  
И лик твой вызолочен долгом,  
И златоустою молвой  
Ты так блистательно оболган!

Составом, загнанным в тупик,  
Прогорклой пылью на дороге,  
Очнувшись, постамент из книг  
Ты оттолкнул и прыгнул в дроги.

Сбежал от ужаса, исчез,  
Одежды шутовские скинул,  
Мертвящим чадом черных месс  
Отравленный наполовину.

Но от тебя не отреклась  
Газет и площадей бескрылость.  
Она, имеющая власть,  
Тебе оказывает милость.

*1970*

## ПРОМЕТЕЙ

Орёл клевал исправно печень,  
Зевс крякал удовлетворённо,  
В скалу вращались с хрустом плечи  
Под злое карканье воронье.

А мысль к вершинам отдалённым  
Рвалась, отбросив покрывало,  
И перед взором просветлённым  
Видение креста вставало.

Костры, застенки, тюрьмы, печи –  
Еретиков святое братство...  
Орёл выклёвывает печень,  
Стараясь до души добратся.

*1970*

Я лежу на самом дне тишины,  
Опрокинутый навзничь в Лету.  
Мысли, стенами чуткими отражены,  
Осыпаются неприметно.

И вбирают в себя белизну листа.  
И, приструненные магнитом,  
Замирают на жёсткой груди моста,  
Проходя сквозь графитное сито.

Отступает всё дальше берег реки,  
Но дыхание чьё-то – рядом.  
И пыльца невесомых крыльев строки  
Прилипает к скользящим взглядам.

*1970*

## ПУШКИН

Минувший век... Он в нём, он где-то там  
Остался. Нам достались только крохи.  
И бродим мы по пушкинским местам,  
Ища приметы пушкинской эпохи.

Мы разминулись. В сущности, пустяк.  
Два смежных века, слитых воедино.  
У них один порыв, один костяк.  
Их истинная грань неуследима.

И всюду Пушкин – в рощах и лугах  
Родной земли, в полях её широких  
Живёт поэт и держит мир в руках  
И словом перечёркивает сроки.

Не для него забвения река.  
И метит песня жизнь глубокой метой.  
И лёгкая певучая строка  
Сияет вечной радугой над Летой.

*1970*

## ВЕТЕР

Земля до травинки промокла,  
И небо размыто.  
А ветер простуженный в окна  
Стучится сердито.

Никто его в дом не пускает –  
Он гость нежеланный.  
Протянет дорога пустая  
Остывшей баланды.

Незрелую ягоду, может,  
Рябина подбросит.  
И снова тупая похожесть  
Тропинок и просек.

Он ищет тепла и покоя,  
Со следа сбиваясь,  
Угрюмой надеждой изгоя  
Одной согреваясь.

Раздуть он пытается пламя,  
Хоть силы иссякли,  
За искры огня принимая  
Блестящие капли.

*Июнь 1970*

Каждый стих мне кажется последним,  
За которым – пустота пустот.  
Стал я удивительно поседлив  
И ленив, как перезрелый плод.

Каждый день мне кажется подарком  
С ядовито-ярким ярлыком,  
Гнусным, как луна над зоопарком,  
Призрачным, как дума ни о ком.

Каждый крик мне кажется прощаньем  
С чем-то отлетевшим навсегда.  
Каждый взгляд мне кажется печальным,  
Обречённой – каждая звезда.

*Июнь 1970*

Как гром, скатившийся со скал,  
Как венценосное сиянье,  
Как ослепительный накал  
Молниеносного слиянья –

Был этот беспредметный миг,  
Паривший в запредельных сферах,  
Производя незримый сдвиг  
В стандартах, правилах и мерах.

Он ничего не возвестил  
И никого не обессмертил.  
Он просто мир в себя вместил  
И души насадил на вертел.

*Июнь 1970*



## АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ

Фатальное стечение нечистот  
Предвосхищает обновленье мира.  
Секиры взмах – и он уже не тот.  
И символом становится секира.

Молчим ли мы, поём или орём –  
Дела уже непоправимо плохи,  
Коль свадьба гильотины с топором  
Становится мистерией эпохи.

Когда зерно, изъеденное ржой,  
Ложится в землю, вспаханную злобой,  
Ты видишь: этот мир тебе чужой.  
Со всей его гуманностью особой.

Нет, не постичь тебе его высот,  
Не таять от речей его сиятельств.  
Фатальное стечение нечистот.  
Гнилые испаренья обстоятельств.

*Июль 1970*

Плывут усталые челны  
И каждый рвётся за черту,  
Выкраивая из волны  
Неприхотливую мечту.

Плывут среди холодных звёзд,  
Живущих на вершинах гор;  
Дорожка лунная – как мост  
В перенасыщенный раствор.

Скользя, как тени по стене,  
По тёмным волнам тишины,  
Со всех концов земли ко мне  
Плывут челны, плывут челны.

*23 ноября 1970*

На слух определяя краски,  
На ошупь отзвуки лова,  
Пробраться на опушку сказки  
Тропинкой трели соловья.

В укромных кронах заблудиться,  
Зерно забвения найти,  
И вдруг понять, что зверь и птица  
Знаменья на твоём пути.

Упрямым циркулем намечен  
Путь без начала и конца.  
Свинцом ложится нам на плечи  
Инопланетная пыльца.

Но высаженная в пустыне  
Рассада северных снегов  
Уже шеренгами густыми  
Идёт в атаку на богов.

*22 ноября 1970*

Не трубит призывно рог.  
Душу греет снег.  
Пересортица дорог!  
Перепутья рек!

Ах, откуда и куда  
Ты явился тут?  
Лебеда да лобуда  
Вдоль пути цветут.

Не пугает их мороз.  
Снег не снег – цветы!  
Трупы скошенных берёз –  
Поперёк пути.

Путь?! Да ты замшелым пнём  
Стал давным-давно.  
Глянешь в зеркало, а в нём  
Пусто и темно.

*2 декабря 1970*

## ШУТКА

Э.

Со смертью ты давно накоротке,  
ведёшь её, как пса, на поводке.  
Ведёшь её! А ей, наоборот,  
всё кажется, она тебя ведёт.

И невдомёк, что всё давно не так,  
а ты, не отпуская ни на шаг,  
её повсюду водишь за собой  
и ласково зовёшь «своей судьбой».

Ты изучала, жизнью жизнь поправ,  
её повадки и строптивый нрав.  
При свете солнца и порой ночной –  
и вот она уж сделалась ручной.

Теперь, пожалуй, ты начнёшь скучать,  
но ведь нельзя всё сызнава начать!  
И я развязки неизбежной жду,  
жаляя смерть, попавшую в беду.

*8 декабря 1970*

Пружиною, закрученную туго,  
Упруго разворачивалась fuga.  
Она собой пространство заполняла,  
Которого ей становилось мало.  
Ей не было положено предела.  
Она летала всюду, где хотела,  
Легко крылом остывших душ касалась,  
Излечивая слабость и усталость,  
И звуков освежающая сила  
В безумие гармонию вносила.  
Но как бы взлёты ни были высоки,  
Не зря бродили в ней земные соки.  
Она небесной выси причащалась  
И птицею на землю возвращалась.

*1970*

О, волны сирени,  
Пробейтесь весенним прибоем.  
Сквозь рёбра строений,  
Сквозь серое и голубое!

Над словом и делом, –  
Сметая прогнившие нити, –  
Над чёрным и белым,  
Как крылья меня поднимите!

Вся в брызгах и в пене,  
Смеясь над земными путями,  
Мне ветку сирени  
Весна над снегами протянет.

*1970*

Генацвале. Шени Чириме.  
Ласковая твёрдость этих слов.  
Вызрели в ночи (чем ночь черней,  
Тем надёжней верности весло).  
Раковины светлых душ людских  
Те слова – жемчужины хранят,  
Чтобы ты, однажды вынув их,  
Мог по-братски одарить меня.  
Словом можно все замки сломать.  
Слово – светит факелом во тьме.  
Сколько теплоты в простых словах:  
Генацвале, Шени Чириме!

*1970. Тбилиси*



## КАХЕТИНСКАЯ ДОРОГА

Мы ехали в Кахетию, и пела  
Земля вокруг на сотню голосов.  
Звучало громко слово «Сакартвело»  
И не было других в той песне слов.

Иори, ты видала столько горя.  
Взгляни: сегодня вид уже не тот.  
Живой водой омытая, Самгори  
Улыбкой бело-розовой цветёт.

Земля апрельским солнцем обогрета,  
Она стара и всё-таки нова.  
Над родиной героев и поэтов  
Безоблачного неба синева.

О, край, политый кровью и слезами,  
Где связь времён по-прежнему крепка,  
Где солнце на долину Алазани  
Спускается с Кавказского хребта!

Здесь Грузии судьба в боях решалась  
И, помня всех непрошенных гостей,  
Тень прошлого над нами возвышалась  
Развалинами грозных крепостей.

*1970. Тбилиси*

Всё своё унесу с собой.  
Все следы замету стихами.  
Да и те в полумгле рябой  
Растворятся в утильном хламе.

В чьей-то памяти, чуждой мне,  
Неуместно торчать занозой.  
Всё моё пусть сгорит в огне  
Облетевшей дешёвой прозой.

Словно не было ни меня,  
Ни отдельной моей Вселенной,  
Обретённой на гребне дня  
В непреложности белопенной.

Не хочу оставлять мостов,  
Ни к чему возрождаться в тлене.  
Сдует ветер золу костров  
И забытые где-то тени.

*Январь 1971*

Пусть отцветает всё, что в жизни мило,  
Чтобы душа безвременно окрепла.  
Копает Время в памяти могилы  
И засыпает их горстями пепла.

И не собрать в потёмках и не склеить  
Разбитых радуг ржавые обломки.  
Удел живых – отчаиваясь, верить  
И замирать у пенящейся кромки;

Брести вслепую в зарослях созвездий,  
Цепляться за колючку озаренья  
И засыпать к утру в уютной бездне  
На перекрёстке разных точек зренья.

Мы по частям себя хороним в прошлом,  
Не оттого ли будущее пусто?  
Быть может, отыскать простое в сложном  
И есть предел высокого искусства!

*Февраль 1971*

Лавровый лист и лавровый венок.  
Дней неизбежных пряная приправа.  
Что славы вкус и кулинаров слава,  
Когда над головой сверкнёт клинок?!

Пусть этот миг от глаз пугливых скрыт.  
Он, затаившись, набирает силу.  
И не в земле, во времени могилу  
Старательно копает Вечный Жид.

Но в жизни есть и сны и зеркала,  
Движенье звуков, постоянство красок,  
И есть набор смешных нелепых масок,  
И у волны всегда в долгу скала.

*Апрель 1971*

Мелкотравчатая поросль  
Беспокойства и обид...  
Ищут люди в мире порознь  
Корни вечных пирамид.

Водопадов крылья ищут,  
Ищут почки облаков  
И, вкусив земную пищу,  
Совлекают с дней покров.

Видя призрачный свет  
За высокой горой,  
Ищем то, чего нет  
И находим, порой.

*Апрель 1971*

Здесь в основанье Вавилонской башни  
– Гнильё и сор.  
И с днём грядущим долгий день вчерашний  
Не кончил спор.  
Здесь голоса и кости человечьи  
Нашли приют.  
В углу вороны, вскормленные речью,  
Слова клюют.  
И пусть отсюда не пробиться к свету  
И к тишине –  
Тысячелетья, канувшие в Лету,  
Плывут ко мне.  
Они сейчас не айсбергам подобны,  
А городам,  
Где все дома просторны и удобны  
На диво нам.  
Где даже горе кажется не злобным,  
А смерть лишь сон.  
Где кружат ангелы над местом лобным,  
Смягчая стон.  
А башня эта, как змея вползает  
В грядущий день.  
И ангел светлый, взглядом даль пронзая,  
Отходит в тень.

*Апрель 1971*

Э.

Соломинки друг для друга,  
Чем стали мы для себя?  
Органного хора фуга  
Бушует стекло дробя.

А небо сползает влево  
И вправо скользит закат,  
И чьё-то вещает чрево  
Нам истины невпопад.

А дни под ногами вязнут  
И ночи в мозгу дымят,  
И капает яд на язвы,  
В рассрочку добытый яд!

Я оси земной не сдвину,  
На это не хватит сил!  
Удержит лишь тот лавину,  
Кто звёзды рукой гасил.

А по небу тучи мчатся,  
Родившиеся во мне.  
Как долго ещё качаться  
Соломинкам на волне?

*Май 1971*

Мы склонны всюду видеть свет.  
Мне кажется, однако,  
Что в мире этом Света нет,  
А есть оттенки Мрака.

Но так уж наш устроен глаз  
Пронзительный и зоркий,  
Что Мрак обманывает нас  
Без всякой оговорки.

Да, мы дальтоникам сродни  
И сообличны совам.  
Нам ночи кажутся на дни  
Похожими, и словом

Пытаясь мир преобразить,  
Мы только Тьму сгущаем  
И Зло пытаюсь поразить,  
Сражаемся с вещами.

К чему нам Свет? В нём скоплен яд,  
Его лучи, как змеи,  
Он, к счастью, там, куда наш взгляд  
Пробиться не сумеет.

*8 июня 1971*



## МОЙ СТИХ

*А. С. Пушкину*

Хоть обойду воинственную рать  
И место ссылки упразднённой темы,  
Мне в карты всё равно не проиграть  
Главу из недописанной поэмы.

Мой стих не будет принят и в заклад,  
Он взять меня не сможет на поруки!  
Его бездарный завтрашний закат  
Рассыплет на мерцающие звуки.

А был он верным посохом в пути,  
Костром в ненастье и крылом в полёте.  
И ангелом, явленным во плоти,  
И дьяволом, отрёкшимся от плоти.

*Июнь 1971*

В мире, где кричит во сне трава  
И от напряженья воздух сух,  
Есть простые тихие слова,  
Лёгкие, как тополиный пух.

В мире, изготовленном для сов,  
Гадов, носорогов и гиен,  
Только сила первозданных слов  
Отметает суету и тлен.

Так пройди вдоль ночи не спеша,  
Вслушайся, взглядишь, во тьму врати.  
В тихом слове светится душа,  
Жаждущая тело обрести.

*13 июня 1971*

## ЗЛО

*Л. Аннинскому*

Его клеймили яростно пророки,  
Разоблачали, гнали, обличали,  
С ним было столько на земле мороки,  
Что небеса темнели от печали.

Его старались обуздать законом.  
Его пытались оседлать молитвой.  
И некий светлый час во время Оно  
Маячил вдалеке последней битвой.

Но, сняв наклейки «высоко» и «низко»,  
Дидактики пирог лишив начинки,  
Оно в Добро с усмешкой сатанинской  
Откладывало жадные личинки,

Вот, говорят, Добро всё глубже пашет,  
А Зла всё меньше в мире остаётся...  
Но если Зло уйдёт из жизни нашей,  
Вам снова расщепить Добро придётся.

*1971*

В мире масок и обличий  
Я неузнанный брожу.  
Со звериного на птичий  
Я стихи перевожу.

И сквозь дебри соответствий  
Пробираясь наугад,  
По следам причин и следствий  
Волочу тяжёлый взгляд.

Остывает солнце в луже.  
Тянут образы баржу.  
То получше, то похуже  
Я стихи перевожу.

*1971*

## СКАЗКА ОБ ОДНОМ ЖЕЛАНИИ

Золотую рыбку на исходе дня  
Вытащил бродяга прямо из огня.  
Вытащил и сразу словно онемел,  
И лицо-то стало белое, как мел.

Тут, однако, рыбка, чтобы мир сберечь,  
Такову к бродяге обратила речь:  
«Выпала удача здесь тебе, дружок.  
На чудесном месте ты костёр зажжёг.

Ты теперь обратно брось в огонь меня.  
Мне не жить на свете без того огня.  
Этим ты заслужишь славное житьё –  
Я могу желанье выполнить твоё.

Лишь одно. Подумай, не спеши сболтнуть,  
Чтоб не ошибиться, выйдя в долгий путь».  
Видно, был бродяга разумом богат.  
Поглядел бродяга на литой закат,

Усмехнулся рыбке, бороду поскрёб  
И сказал, кепчонку сдвинувши на лоб:  
«Что ж, пожалуй, хватит мне и одного.  
Вот моё желанье. Выполни его!

Я желаю, чтобы, – покряхтел старик,  
Все мои желанья исполнились вмиг!» –  
Тут настало время Рыбке онеметь.  
Золото как будто подменила медь.

Покачала только Рыбка плавником,  
А потом сказала, лишь вздохнув тайком:  
«То, что обещала, выполню. Прощай!  
Только это место впредь не посещай!»

Так они расстались. Догорел костёр.  
Отблески заката ветер с неба стёр.  
А того бродягу с пылью в бороде  
С той поры никто уж не встречал нигде.

*1971*

## ПАРОДИЯ НА Э. ЛИМОНОВА

По лесу усатая Мавра  
бродила,  
роняя в передник  
огромные крупные слёзы  
и высохший хвост  
от селёдки  
сжимала дробливой рукой.  
А в это же самое время  
сапожник Вавила Панфилович  
лежал шибко пьяный в сарае,  
кулак запусивши в ноздрю.  
Не ведал Вавила Панфилович,  
что в это же самое время  
петух, соскочивши с наседки,  
на утку в сомнение глядел.

*1971*

## ПЕСНЯ

Э.

Я люблю тебя.  
Тебя  
Люблю.  
Сколько моря надо кораблю?  
Сколько надо космоса звезде?  
Я люблю тебя всегда, везде.  
Я зову тебя.  
Тебя  
Зову.  
Открываю неба синеву  
Родниковой выделки ключом  
И к тебе лечу прямым лучом.  
Я гляжу в тебя.  
В тебя  
Гляжу  
И всё больше света нахожу.  
Наши взгляды встретились в пути,  
Слышу шёпот: – Жду, быстрее лети! –  
Я спешу к тебе.  
К тебе  
Спешу.  
Ветер быть мне спутником прошу.  
Сколько в спелом колосе тепла!  
Я лечу к тебе и ночь светла.

1971



## МОРЕ

Море сравнивают часто  
чёрте с чем.  
Ну, а волны просто мчатся,  
что им чернь!

И надежды, и тревоги –  
всё на дно.  
Кто там, гады или боги –  
всё одно.

Никакой духовной пищи –  
ночь на дне!  
А чего-то море ищет  
в глубине.

Обволакивает светом  
сгустки тьмы  
и волнуется при этом –  
как и мы.

*11 декабря 1971*

Шаг и ещё шаг.  
Вышел ишак  
На большак.  
Спину сдавил мешок.  
Солнце наддаст – ожог.  
Словно верста – вершок.  
У ишака – шок.  
Ползёт по зрачку жук.  
Песню поёт ашуг  
О том, как за шагом шаг  
К гибели шёл ишак.

*Февраль 1972*

## ЧУДО

Среди бесчисленных чудес,  
Которые меня лепили,  
Был миг, что умер и воскрес,  
На грани небыли и были,  
Тот миг (он верно стал звездой!),  
Когда всё смутное окрепло  
И заметался недруг мой,  
Как праведник, влетевший в пекло.

Случается, что жизнь идёт  
Беззвучной музыкой ведома.  
В студёный свой звездоворот  
Ночь вызвала меня из дома.

И я увидел наяву  
Согретую дыханьем снега  
Развёрнутую синеву  
Безукоризненного неба.

*Июль 1972. Зарасай*

Сегодня рыба не ловилась,  
Поэтому поймал я барсука.  
Его настигла твёрдая рука  
И шкурка мягкая сушилась  
На чердаке в хлеву,  
Во тьме почти кромешной,  
А сам он похоронен был, конечно,  
И небо я в свидетели зову  
Того, что совершилось всё, как надо,  
Согласно беспощадности обряда.

*Июль 1972. Зарасай*

Щеку щекочат усики зари.  
Не так уж далеко до озаренья!  
Ну, а пока дай хлеба и варенья  
И пальцы нетерпеньем одари.

На смуглую ладонь ложится день  
Всей тяжестью земного притяженья.  
А на границе головокруженья  
В безмолвие возносится сирень.

Нет, миновать его я не хочу,  
Как станцию, размытую зевотой,  
Как штрих в ряду, что узаконен квотой,  
Привязанной к летящему лучу.

Из глубины сомкнувшейся травы  
Упасть на облака и затеряться.  
Пускай мгновенья голубые длятся  
И пусть вокруг вода наполнит рвы.

Я в этом дне останусь навсегда  
Его неотторжимою частицей,  
Чтоб тайн освобожденья причаститься  
И ждать с надеждой высшего суда.

*30 сентября 1972*

*Л. Иоффе*

Не спасёт и стиха икона –  
Обескровленный мёртвый срез.  
Ничего ты не снимешь с кона.  
Ветер пену сдувает с лона  
Бутафорских твоих небес.

Жизнь со смертью шагает в ногу.  
Необъятного – не объять!  
Не трубить над проспектом рогу,  
Как змею разруби дорогу,  
И срастутся куски опять.

Ты – ославленный странник странный  
Без надежды и без венца.  
Ждёт бродягу не подвиг бранный –  
Камень жертвенный безымянный  
И кремнёвый топор жреца.

*Октябрь 1972*

## НОВОСЕЛЬЕ

У лягушек новоселье.  
Прискакали в новый пруд  
И устроили веселье  
Замечательное тут.  
Пригласили всех зверюшек,  
Кроме самых-самых злых,  
Посмотреть да и послушать  
Выступленья молодых.  
Начинали праздник пляской  
У расколотого пня.  
(Пень глядел вокруг с опаской,  
Столько было в ней огня!)  
Хор солистов-медалистов  
Лягушачий гимн пропел.  
Даже я, хваля артистов,  
Сам поквакать захотел!  
Прыгуны старались очень,  
Забавляя весь народ.  
Под луною, ближе к ночи,  
Закружился хоровод.  
Поглядев лихие пляски  
И спортивную игру,  
Я зверятам выдал маски  
Обезьян и кенгуру,  
Муравьедов и тюленей,  
И пингвинов, и слонят,  
И жирафов, и оленей,  
И котят, и соболят.

Это всё для маскарада  
Я заранее припас.  
То-то гости были рады  
Посмешить себя и нас!  
Замелькали всюду маски,  
Что за дивный карнавал!  
Лес в такой волшебной сказке  
Даже в детстве не бывал.  
Заглядевшись на веселье,  
Две звезды упали в пруд.  
Так что справить новоселье  
Им своё случилось тут.  
Всё кружилось и вертелось,  
И под носом у меня  
Ночь едва не загорелась  
От бенгальского огня.  
Разносили деловито  
Сорок восемь лягушат  
Освежающий напиток  
Муравьиный лимонад.

*1972*



## ОСУЖДЕНЬЕ ГАМЛЕТА

*В. Высоцкому*

Гул затих и голосов не слышно.  
Гамлет исчезает в полутьме.  
Вот и эти, у кого не вышло,  
В Пóтьме, или правильной, в Потьмé.  
Всё спокойно в Датском королевстве.  
Глупость в моде, горе от ума.  
Умных ограждают от последствий  
Следствий – сумасшедшие дома.  
Не слышны упрямцев монологи –  
Говорят, акустика плоха.  
Не понятны сытым их тревоги –  
Берегли бы лучше потроха!  
В наши дни строптивное юродство  
Даже у народа не в чести.  
Долг и честь... отвага... благородство...  
Что за ересь, Господи прости!

1972

## ДЮЙМОВОЧКА

С одуванчиком в руке  
По молочной, по реке,  
Вдоль кисельных берегов,  
Мимо сахарных домов  
Раз Дюймовочка плыла,  
Без причины весела.

Мягкий воздух был душист  
И кувшинки лёгкий лист  
Уносил её туда,  
Где и горе – не беда.  
Только двигаясь вперёд,  
Лист всё медленней плывёт.

Вот Дюймовочка его  
К берегу направила,  
Не понятно, для чего  
Нарушая правила.  
Это что за чепуха!  
Может, лодочка плоха?

Или манит так земля,  
Та, что здесь из киселя?  
Или солнце село?  
Нет, не в этом дело!  
Я скажу вам, так и быть.  
Дело в том, что дальше плыть  
Не имело смысла:  
Молоко прокисло!

1972

## ИГРЫ

Мы не в салочки играли,  
Мы в русалочки играли.  
Окунались и ныряли  
Так, что куклу потеряли,  
А вернее (вот дела)  
Маша просто уплыла?  
Может, скучно стало ей  
Долго жить среди людей  
И ушла она ко дну,  
В ту подводную страну,  
Где хрустальные дворцы –  
Золочёные венцы.  
И сады с фонтанами  
Очень, очень странными.  
Ну, да только всё равно  
Надоест ей скоро дно.  
А настанет тихий час  
Ей никак нельзя без нас.  
Будет Маша мучиться,  
По земле соскучится.  
И тогда, понятно,  
Приплывёт обратно,  
С нами рядом ляжет  
И про всё расскажет.

1972

## КАК Я БЫЛ ПРОКАЗНИКОМ

### 1

Однажды я пошёл на пруд –  
Наш пруд не так уж мал! –  
И золотую рыбку тут  
На удочку поймал.

Горела рыбка, что огонь,  
Раздутый добела,  
Хотя она со всех сторон  
Холодная была.

Я видел точно, не во сне,  
Как чешуя горит.  
А рыбка улыбнулась мне  
И тихо говорит:

«Меня отпустишь в камыши –  
Тебе я силу дам.  
За что ты взяться ни реши –  
Всё сможешь сделать сам».

Я отпустил её скорей,  
Запрыгал и запел.  
Не то чтоб я поверил ей,  
А просто пожалел!

Пускай она живёт в пруду –  
Ей надо есть и пить.  
А я сюда ещё приду,  
Чтоб с ней поговорить.

## 2

Сказал мне дядя Павел: –  
«Луна полна чудес!»  
Я лесенку приставил  
И на Луну полез.

Ребят ведь в космонавты  
Пока что не берут!  
Смелее в путь! А завтра  
Я снова тут как тут.

Ну, лезу я. Сначала  
Всё было, как всегда.  
Слегка меня качало,  
Но это ж ерунда!

А после там, повыше,  
Стал очень мёрзнуть я,  
Ведь я в дорогу вышел  
Без тёплого белья!

И хоть хотели ноги  
Побегать по Луне,  
На Землю с полдороги  
Пришлось вернуться мне.

Нет, обожду покуда,  
В ракете полечу.  
Космической простудой  
Болеть я не хочу!

## 3

Дел у меня немного,  
Но трудные дела!  
Вчера меня дорога  
Чуть-чуть не увела.  
Её я о здоровье,  
Как водится, спросил.  
Пока тепло, светло мне,  
Да маловато сил, –

Дорога отвечала  
И пыль погнала вдаль,  
И мне её сначала  
Немного стало жаль,  
Потом она по зною  
Звала меня идти.  
– Пошли, – скрипит, – со мною,  
Поговорим в пути.  
Хотя он и немалый,  
Домой придёшь опять.  
– Я вижу, что, пожалуй,  
Могу не устоять.  
Тогда я понемногу  
Стал отступать на край,  
Потом скатал дорогу  
И сунул за сарай.

4

Я взял большие ножницы  
У мамы на печи  
И потихоньку солнышку  
Подстриг его лучи.  
Оно и не заметило  
(Какая в том беда?!),  
Весь день с утра до вечера  
Сияло, как всегда.  
Лишь холоднее сделалось,  
И ветер налетел,  
Хотя, поверьте, этого  
Я вовсе не хотел!  
Конечно, что ж тут страшного,  
Ну, просто, через пруд  
Лучи до дома нашего  
Теперь не достают.  
Но вдруг сказал я солнышку:  
– Уж ты меня прости,  
Лучи до завтра всё-таки  
Ты снова отрасти!

## 5

Давно я так не уставал!  
Я петуха нарисовал!  
А мама вечером пришла –  
В шкафу печенья не нашла.  
Я петуха ей показал.  
– Какой обжора! – я сказал.  
Ну мог ли знать я наперёд,  
Что всё печенье он склюёт?!

## 6

Сегодня адская жара  
Играла в салочки со мной.  
Давно дождю полить пора,  
А тучи ходят стороной!  
Я вышел из дому молчком,  
На тучу главную взглянул,  
Я зацепил её крючком  
И прямо к дому подтянул.  
Всё ловко вышло у меня.  
Но был я сам тому не рад:  
По голове моей, звеня,  
Забарабанил крупный град.  
Одно лишь было хорошо:  
Я под сосной укрыться смог.  
И очень скоро град прошёл,  
И ветер тучу уволок.  
Смеялась туча на лету,  
Гудела голова моя.  
Я тучу зацепил не ту,  
Пожадничал зачем-то я!

Я решил на деле  
Стать хорошим. Сразу!  
Как мне надоели  
Разные проказы!  
Я решил, что с лета  
Будет всё иначе.  
Ничего, что это  
Трудная задача.  
В общем, если надо,  
Я могу смириться.  
Будет мама рада.  
Папа загордится.  
То, что стать примерным  
Даже интересно,  
Просто мне, наверно,  
Было неизвестно.  
Позовут однажды  
Поиграть ребята,  
Я отвечу важно:  
– Бегать? Скучновато! –  
Никакого шума,  
Никакого гама!  
Рисовать и думать  
Мне велела мама.  
Я теперь проказником  
Буду лишь по праздникам!

1972



## СОРОКОНОЖКА

*Эммочке Д.*

У сороконожки  
Совсем немного дел,  
Сидя на дорожке,  
Я это подглядел.

Вот сороконожка  
Ползёт куда-нибудь,  
Проползёт немножко,  
Присядет отдохнуть.

Выгибая спинку  
И тяжело дыша,  
Лёгкую травинку  
Потащит не спеша.

Муравьи – хоть крошки –  
Хлопочут целый день.  
А сороконожке –  
Работать, видно, лень.

Ну, а если мне бы  
Досталось столько ног,  
Я бы за день с неба  
Все тучи уволок!

1973

## АНТИБАСНЯ

Из бриллианта вытекла вода  
И сразу стал он тусклым, как слюда.  
Мораль простая:  
Не о чем тужить  
Тем,  
Кто привык  
Водою дорожить.

*1972*

Не в лаптях, не с котомкой убогой,  
Не с корявым, простым посошком,  
Но просёлочной всё же дорогой  
Я бродил по России пешком.

Слушал я перезвоны рассвета,  
Упирался зрачком в поплавок,  
Спал в стогу, и в награду за это  
Был избавлен от многих тревог.

Но заботы, меня карауля,  
Лишь росли, оставаясь в дому.  
Ну, а я – бумеранг, а не пуля;  
Верен дому я был своему.

*1972*

Я на возвышенное зорок  
И потому, как жизнь сама,  
У египтян мне древних дорог  
Пирамидальный склад ума.

Они с богами в мире жили,  
Неколебимый чтили трон  
И мудрость ясную вложили  
В обряд предвечных похорон.

С тех пор прошли тысячелетья  
Солдатским шагом по земле.  
Но зябь души успел согреть я  
В древнеегипетской золе.

*1972*

## ВЕЧНОЗЕЛЁНОЕ ЭХО

Может, и я соскользнул в прозябание с неба.  
Знаю точно одно: я с рожденья в долгу у огня.  
Белую розу из высокогорного снега –  
Я ношу на груди, и она согревает меня.

Свет вземной в этом полураскрытом бутоне  
И кристаллы иной, незапятнанной сверхтишины.  
Всё сохранил я в неволе, в толпе и в притоне  
Потому, что огнём все вопросы давно решены.

Встречных веков я касаюсь всевидящим смехом.  
От безлюдья темно в ослепительно ясной дали.  
Жизни отвергнутой вечнозелёное эхо  
Покидает простор и уходит в глубины земли.

1972

Слова, слова...  
Приливы и отливы.  
Звезда права,  
А мы нетерпеливы.

Но наша спесь  
По горло в землю врыта.  
Знак свыше днесь –  
Разбитое корыто.

То вещей знак,  
А вовсе не зловещий.  
Дар жизни – знак.  
Пусть пропадают вещи!

Дар жизни – свет.  
Не блеск, не отблеск света,  
Покуда нет  
Нам третьего завета.

*1972*

## СТИХИ

Я выдуваю их, как стеклодув,  
А чаще, как божественный ребёнок,  
Что с помощью соломинок и пены,  
Обычной, мыльной, вовсе не морской,  
Творит, не постигая смысла чуда,  
Созвездия сияющих миров.

Беспечно отделяясь от меня  
И унося души моей частицу,  
Они летят, подхваченные ветром,  
Подобно искрам щедрого костра.  
И я гляжу на зримый образ счастья,  
Смеющийся над хрупкостью своей.

Одни из них погаснут, чуть взлетя,  
Не выдержав чудовищной нагрузки,  
Другие полетят навстречу солнцу,  
Расплёскивая краски на пути,  
Быть может, кто-то их полёт увидит  
И даже остановится на миг.

Я их забыл. Я равнодушен к ним.  
Они в плену у ветра – я свободен,  
Хотя, возможно, это заблужденье.  
И, как обычно, всё наоборот.  
Но я ведь тоже только шар из пены,  
Что лёгким дуновеньем оживлён.

1972

## ПРИЗЫВ

Нанизывая облака на ветви,  
Деревья вышли в шумную весну.  
Конец пришёл заснеженному сну.  
Звучит призыв сквозь шума пелену,  
И в душах звук рождается ответный.

Он подчиняет ритму суету,  
Указывает путь ветрам и водам,  
И, обладая неизменным кодом,  
Его деревья ловят на лету,  
Друг друга поздравляя с Новым годом.

*Февраль 1973*



## ЗЕМНОЕ

Эх, Земля, душегубка зелёная!  
Безответственной жизни прибой!  
Ты, небесным огнём опалённая,  
Остаёшься самою собой.

Оглушаешь певучими соками,  
Вовлекаешь в свой водоворот.  
Полоснувши по сердцу осокою,  
Увлекаешь куда-то вперёд.

И ярмо твоего притяжения  
Превращается в радугу вдруг;  
И к неведомой цели движение  
Замыкается в огненный круг.

Ты любви оболочка телесная,  
Душу вылушит ласка твоя.  
Я стою над сияющей бездною  
В тусклом свете лучей бытия.

И гляжу с перезрелой усмешкою,  
Обречённый томиться и ждать;  
Наполняюсь покоем и мешкаю  
О своём на ромашке гадать.

*Март 1973*

Сплавляясь в мартовском горниле,  
Печаль весне сдала ключи,  
И заструились, забурлили  
Артериальные ручьи.

Захлёбываясь в их потоке,  
Себя боясь в нём потерять,  
Слова, сцепившиеся в строки,  
Выплёскиваются в тетрадь.

И застывают муравьиным  
Потешным войском на плацу.  
А ветер гонит по равнинам  
Сухую звёздную пыльцу.

*1973*

## ГОСТИНИЦА

Э.

Я горю среди сугробов Коми,  
Ты паришь в укромном нашем доме.  
Ты одна и пустота в придачу.  
Я решаю ложную задачу.  
Я пытаюсь вырезать пространство,  
Вычеркнуть явлений постоянство.  
С временем всерьёз играю в прятки  
И твержу, что, в общем, всё в порядке.  
В общем да, а в частности – иначе.  
Я решаю мнимые задачи.  
Я судьбу застрявшую решаю.  
Этим ей решить себя мешаю.  
Оттого, что всё перемешалось,  
Пустота и та не раз решалась.  
Перевал, провал, воронья кара.  
Я лежу в кармане Сыктывкара\*.

*Март 1973. Сыктывкар*

---

\* В Сыктывкар автор летал по заданию газеты «Литературная Россия».

Был Гефсиманский сад,  
Был Рай и рядом Ад,  
И Равви на волне не оступился  
Лишь для того, чтоб острый луч приснился  
Кому-то миллион смертей назад.  
А может, было всё наоборот,  
И сон явился вышним дуновеньем  
И тайным знаком вышнего знаменья,  
Что освятил «Хождение в народ».

*Май 1973*

## СТОЛИЧНЫЙ МАНЕКЕН

(песня)

Ох (не будь помянут к ночи!),  
Объявился... Ну, короче,  
Слух ползёт, не опровергнутый никем,  
Что по улицам столицы  
Бродит стройный, яснолицый,  
Сексуально одарённый манекен.

Всюду хилые мужчины,  
Бородой прикрыв морщины,  
Изнывают от хлопот и забот.  
А у этого на роже завсегда одно и то же:  
Профиль вдумчивый, а фас – наоборот!

У него такая хватка,  
Что невредно б для порядка  
Жён из дому по ночам не выпускать.  
Потому секс-манекены  
Оставляют всюду гены,  
И потом их можно в детях отыскать.

1973

## ВЫДОХ

*Всем посвящённым посвящаю*

Самозабвенна красок чистота.  
Сияет стих мозаикой Равенны.  
Из пенного потока Гипокрены  
Он вышел на немую гладь листа.

Века его вспоили звонким соком,  
Вселенная взлелеяла его.  
Он мой и в нём так мало моего,  
Хоть он рождён мечтою о высоком!

К нему ведут со всех вершин следы.  
Он перекрёсток жизней безвозмездных.  
Над океаном пресловутой бездны  
Он замер в ожидании беды.

Прошли по строкам орды и когорты,  
Осела пыль, растаял едкий дым.  
И дух Астарты в глубине аорты  
Указывает звёзды молодым.

1973

## ЛУНАТИЧЕСКОЕ

Э.

Не Эллада златорунная  
Тишины твоей отрада.  
Ты не солнечная – лунная,  
Вся, от голоса до взгляда.

Сокровенное, бесплотное  
В дебрях памяти гнездится.  
За спиной крыло свободное  
Развернула чудо-птица.

Недвижима гладь озёрная.  
Тень Изиды ночь воздвигла.  
В глубь веков бросаю зёрна я,  
Чтобы связь времён возникла.

И ничьей не нужно помощи,  
Гасит звезды ожиданье.  
Ты идёшь ко мне из полночи  
По карнизу мирозданья.

*1973*

## РОДНИК ПЕЧАЛИ

Э.

Танагрская фигурка,  
Пленённая весталка,  
Порой – почти снегурка,  
Порой – почти русалка.

Ты смотришь без обиды,  
Не требуя защиты,  
На происки Изиды,  
На козни Афродиты.

В глуши тысячелетий  
Родник твоей печали,  
Где струи междометий,  
Как музыка, звучали,

Где в храмы заходили  
Подвыпившие боги,  
Чумазные от пыли,  
Прихваченной с дороги.

Крылатой и беспечной  
И ты была вначале.  
Поёт о жизни вечной  
Родник твоей печали.

*1973*



Как прочно вписан я отныне  
В трёхкомнатную тишину,  
Где на меня глядит сквозь тьму  
Глаз вопиющего в пустыне!

Но, склеивая миражи  
Двоякочуждого пространства,  
Опровергает постоянство  
Размежеванья рубежи.

И словно не было быля,  
Смыкавшегося с явным бредом,  
И не бросался ветер следом,  
Въявь прахом времени пыли.

Как однозначна пустоты  
Всепоглощающая прорва!  
Как пустоте душа покорна,  
Когда лишь помыслы чисты!

*1973*

## ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

Белокрылая флейта и мёда певучий поток...  
Острова выплывали и таяли в небе пустынном.  
Ветер бил в паруса, направляя корабль на Восток,  
И героям казалась минута сомненья постыдной.

Мимолётные волны вели о бессмертии спор,  
Распевали, маня, свои лучшие песни сирены...  
У Язона в ушах не стихал оглушающий хор,  
И рябило в глазах от клубящейся бешено пены.

А потом серый ужас этапа и мёрзлый барак,  
Хриплый лай конвоиров и яростный натиск собачий,  
За Уральским хребтом паруса окунулись во мрак,  
И лежать у костра в этой жизни казалось удачей.

Беззаботно шумят на ветру молодые леса.  
Век летит под откос, и на миг задержаться не в силах,  
И над смрадом содомским раздельно звучат голоса,  
Те, которых не скрыть в похороненных тайно могилах.

*1973*

## ПРЕДОЩУЩЕНИЕ

Выйду я из дома, сгину в белизне,  
И никто не спросит ветер обо мне,  
И не скажет месяц, где меня искать,  
Умный пёс не сможет след горячий взять.

Растворюсь беззлобно в медленном дыму,  
Прилечу незримо к дому своему.  
Не рванусь к порогу, не сойду с небес –  
Ведь для притяженья требуется вес!

Но унылым ритмом раскачав тоску,  
Я скользну лучом остывшим по песку,  
По листве ослепшей, по немой росе.  
Прошепчу неслышно: – Все прощайте, все! –

И пойму внезапно: – Всё-таки я был,  
Если всё земное да конца любил.

*Декабрь 1973*

## АНТИПОДЫ

Были Лопа с Антилопой  
Злейшими врагами.  
Антилопа, встретив Лопу,  
Зло трясла рогами.  
До того они несхожи,  
Прямо – антиподы!  
Примирить никто не может  
Эти две породы.  
То, что любит Антилопа,  
Лопа ненавидит.  
И того, что видит Лопа,  
Враг её не видит.  
И, конечно, если Лопа  
С кем-то очень дружит,  
Этот кто-то Антилопе  
Лишь мишенью служит.  
Поглядит любой и скажет:  
Это – Антилопа!  
Но никто не слышал даже  
Кто такая – Лопа!

1973

Если жизнь убога,  
Попроси у Бога  
Ярких красок,  
Нежных звуков,  
Гордых слов.  
Позади дорога,  
Впереди дорога,  
А над головою хрупкий кров.

Не проси защиты,  
Сказку не ищи ты.  
Сказка в детстве  
Остаётся  
Навсегда.  
Жизнь и так богата,  
Сто миров на брата  
И всего одна на всех беда!

*Февраль 1974*

Мне в прошлое указывают путь  
Грядущего назойливые знаки.  
Я спрашиваю зреющие злаки,  
Настанет ли оно когда-нибудь.

Вернётся ли счастливая пора,  
Когда упрямец добряки сжигали  
На площадях, и этим помогали  
Очиститься? О, детская игра!

Не соскочить с орбиты налегке.  
Нет в мире этом встречного движенья.  
Нас пожирают наши достижения,  
И пустота маячит вдалеке.

Мне призрачный указывает путь  
Всё то, что отцвело и отзвучало.  
Упасть. Очнуться. Всё начать сначала.  
В другое измеренье соскользнуть.

*Март 1974*

Пишу во всеоружии судьбы  
Историю беспамятства людского.  
И столько жизни вкладываю в слово,  
Что стонут поваплённые гробы.

А между строк такая благодать!  
Весеннее распаханное чудо!  
И чудится, что мир – сокровищ груда,  
Что незачем терзаться и гадать.

А надо просто тихо воспарить  
Над этим нутряным великолепьем,  
Не заслонимым наглым лихолетьем  
И о весне бессвязно говорить.

Из памяти всю горечь оброню.  
Хоть ненадолго ношу эту сброшу.  
Пусть самого себя я огорошу,  
Но пищи в этот раз не дам огню.

Нельзя же наплевать на благодать,  
Которая ни в чём не виновата!  
Я не могу в Иуде видеть брата,  
Но мог бы руку Каину подать.

*Март 1974*

Видишь, времени проседь?  
Гасит звёзды река.  
Всё, что годы уносят, –  
Возвращают века;

Всё, что надо, хранится,  
Остальное – труха!  
Где проходит граница  
Правоты и греха?

Как извлечь из наследства  
Драгоценный отвар,  
Если цели и средства –  
Некомплектный товар!

Смесь цветов и колючек...  
То и это не так...  
Все хотят, чтобы лучше,  
А выходит бардак.

Чертежи без изъяну –  
Вычислительный век!  
Глядь, опять в обезьяну  
Ускользнул человек.

Дух монгольский и скифский  
Души держит в тисках.  
Усмехаются сфинксы  
В шелестящих песках.

*30 марта 1974*



Век безответный, век последний...  
Стыдливый блеск могильных плит,  
Онкологические бредни,  
Цветной и серый «общепит».

Ты ненавистен мне и дорог.  
Нелепый, ты по праву мой.  
Век-провокаатор, льстивый враг,  
Истец истории самой!

Прощальный взмах тысячелетия –  
Век синтетических затей.  
Ну, как бы мог тебя воспеть я,  
Икарком проклятый Антей!

Ведь я в тебя насильно втиснут,  
Как в рамку жёсткую портрет.  
А жизнь ведёт со смертью диспут,  
Во тьму преображая свет.

*Апрель 1974*

Э.

Не о тебе ли пели соловьи,  
Не по тебе ли волны тосковали,  
Пока я вымирал в полуподвале,  
Тасуя иероглифы свои\*.

Мне не могло ничем помочь вино.  
Одни лишь книги, книги в три наката.  
Сад Эрмитаж любил меня когда-то.  
И это ведь не каждому дано!

Всё было по колено воробью  
До этой ослепительнейшей встречи.  
И если уж я прошлое люблю,  
То не своё, а общечеловечье.

*Июль 1974. Таруса*

---

\* Автор учился в Институте востоковедения на китайском отделении.

## НЕПОГОДЬ

Лил дождь с утра до вечера  
На вишни и акации,  
И в нём была замечена  
Утечка информации.

Долбили струйки хилые  
С маниакальным рвением  
Строения унылые  
И дачное терпение.

Слиняло пламя знамени,  
Иллюзии утрачены,  
Рождается сознание,  
Что все мы одурачены.

*27 июля 1974. Таруса*

Немыслимую ересь постоянства  
Мне буйная эпоха не простит.  
Не ограждён мой медоносный скит  
Эгидой обольстительного пьянства;

Не вписан он в нерукотворный круг,  
Очерченный магическим заклятьем;  
Не предаюсь оккультным я занятиям  
И не приму от нечисти услуг.

Мне недосуг ловить случайный знак.  
Приглядываясь к звёздам и планетам —  
Быть звездочётом скучно, и при этом  
Намёк звезды не угадать никак.

*Август 1974. Таруса*

## ИНТЕР-НАЦИ-ОНАЛЬНОЕ

*(Наш ответ)*

Сияют параллельные улыбки.  
Шумят стальными ветками сады.  
Зачем в расчётах исправлять ошибки?  
Займёмся-ка охраною среды!

А то и вовсе выставим охрану  
Не то что у среды – у четверга!  
Недаром же при помощи урану  
Мы отстояли стойло от врага.

Неверующих надо переделать,  
(Поди ж ты, выползают из щелей,  
Кричат о чём-то, впрочем, это мелочь,  
Особенно, когда вопит еврей).

Чего им надо, что им не молчитя?!  
Начальству лучше видно, что к чему.  
И мы готовы, если что случится,  
Пресечь свободомании чуму!

Нам всё едино, жид или татарин.  
Мы интер-наци-оналисты все.  
Но если уж ударим, то ударим,  
Покажем мать Кузьмы во всей красе!

Мы всё равно достроим это зданье,  
Поставим вышки с четырёх сторон,  
Распределим посты, дадим заданья,  
Чтоб не пролез какой хамелеон.

Потомки ждут, бедняги, не дождутся,  
Когда мы зону подготовим им.  
Вокруг шумит камыш, деревья гнутся  
И пахнет чем-то близким и родным.

*1974. Таруса*

*Борису Поплавскому*

Разбитый взгляд, тоска, недоуменье,  
Самоуправство безответных строк.  
И не хватает силы и умения,  
И чертит круг неторопливый рок.

Не знаю, было ль этому начало  
И можно ли уход считать концом.  
И эта жизнь ведь что-то означала!  
Она ж была не сборником канцон!

Но, остывая, нелегко согреться  
И сохранить надолго ясный взгляд,  
В снегах далёких заблудилось детство,  
И вечным сном померкший день объят.

*Октябрь 1974*

## ДИСТРОФИКИ

Увы, жреца не слушает народ,  
Ступивший на порог лихой години.  
Ничто отныне Трои не спасёт,  
Лаокоон же примет месть Афины.

Потомство злополучного коня  
Наполнит ржаньем два тысячелетья  
И в беспредельность вынесет меня,  
Подхлестнутого атомною плетью!

*1970*

Э.

Я соберу тебе букет из молний.  
Не спрашивай, не бойся ничего!  
Водой певучей баночку наполни  
И в эту воду опусти его.

Когда-нибудь бутоны грозовые  
Заискрятся на стеблях огневых,  
И ты увидишь мир, как бы впервые,  
Преображённый искренностью их.

*Июль 1970*



Э.

Похитила с неба звезду волна морская,  
И в синий простор унесла её, лаская.  
Она окружила звезду покорной пеной,  
Казалась небесной звезда волне сиреной.

Но вышла на берег звезда из пены зыбкой  
И мир озарила своей голубой улыбкой.  
Судьба нас в пути свела в грозу, в ненастье,  
И годы прошли сквозь нас тропинкой счастья.

*23 ноября 1970*

В какой-то миг, в негаданном году,  
Печаль в румянец яркий пряча,  
Я с ветки утомлённой упаду  
На землю яблоком горячим.

И Ньютона незрячий взгляд  
Скользнёт неуловимой тенью,  
И разобьётся о закат  
Закон земного тяготенья.

*23 ноября 1970*

## ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

Девичье платье не спасло Ахилла –  
У Одиссея точный был расчёт.  
Не скрыть свой нрав, когда такая сила  
По жилам титаническим течёт.

И к славе приведёт звезда героя,  
И будет он в сражении сражён,  
И станет ему памятником Троя,  
Оплаканная тысячами жён.

*1971*

У одного верблюда горб,  
у другого – их два.  
Который из них больше горд,  
я догадался едва.

Не стоит на тупость свою пенять,  
поскольку ясно одно:  
верблюжьих чувств глубину понять  
безгорбому – не дано.

*1972*

Скворец однажды  
Встретил носорога.  
Ну до чего ж в тот день  
Была грязна дорога!

При чём тут носорог?  
А также и скворец?  
Да ты, читатель,  
Просто молодец!

*1972*

Вполполыханья теплится душа.  
Троянский конь, Пегаска вислоухий  
С беззубой откровенностью старухи  
Жуёт события не спеша.

Свет изоконный претворён в вино  
И выпит ночью прямо под забором.  
А звёзды не собрали кворум  
Давным-давно...

*1972*

Печать доподлинной печали  
Повисла на ветвях берёзы.  
Не оттого ли, что вначале,  
Ещё до Слова, были слёзы?

Не оттого ли, что хранится  
В слезе берёзового сока  
Всё то, что просветляет лица,  
И всё, что старит их до срока?!

*Июнь 1973*

## РАБОТА

Перевожу грузин,  
Впрягаясь, как в арбу.  
Перевожу грузин  
На собственном горбу.

От берегов Куры,  
С которыми дружу,  
К московским берегам  
Грузин перевожу.

*1974*

**Ноябрь 1974 – 1977**

**Лефортово. Вежайка. Микунь**

Тонка тетрадка эта и скромна.  
Гроши давно ли стоила она?  
Но вот в неё вписал я эти строки.  
Скажи, какая ей теперь цена?!

А. Ф.



## ПЕРВЫЙ ЛЕФОРТОВСКИЙ

Мне камерный удушливый покой  
Не может принести успокоенья,  
А прошлое скользит размытой тенью  
И к будущему тянется рукой.

Но будущего нет, и потому  
Пусть лучше эта тень совсем растает.  
И без того дыханья не хватает,  
Когда плывёшь в оскаленную тьму.

*2 ноября 1974. Лефортово\**

---

\* С 1 ноября 1974 г. по 11 сентября 1975 г. автор находился и писал стихи в следственном изоляторе КГБ Лефортово.



Что тело без души, душа без тела?  
Невнятен схоластический туман.  
Стоит у рампы в резком гриме дела,  
Злодей, чья жизнь и смерть один обман.

Прорвётся неподдельная усмешка,  
Беспорный жест и несомненный взгляд.  
Здесь что-то есть похожее, конечно.  
Но эта маска, поза и наряд!

Бессмертье? Что ж, останется навеки  
Архивный оттиск мира моего.  
А путь крутой от Чухломы до Мекки...  
Кто по следам луча пройдёт его?

*3 ноября 1974. Лефортово*

Ночь разрублена на две половины,  
А которая моя – и не помню.  
Я барахтаюсь под лаской лавины,  
Я распевом её душу наполню.

Не подсказывай мне лучше, не надо.  
Образуется само понемногу.  
Окрыляется свечой колоннада,  
Чтобы вычеканить к полдню дорогу.

Только всё это иллюзий приманки,  
Перепахана дорога тревогой.  
И пробиться можно, разве, на танке,  
А надеяться лишь только на Бога.

*15 ноября 1974. Лефортово*

У Галилея был суровый нрав.  
Монетам он планеты предпочёл.  
По-своему, и он, конечно, прав,  
Но отреченьем был он удручён.

Зато старик потомкам доверял  
(Поныне неизвестно почему!)  
И перед сном упрямо повторял:  
– Потомки разберутся, что к чему!

Катилась слеза по бороде,  
Обида прожигала до костей.  
Ведь жил он в размышленье и труде  
В эпоху смехотворных скоростей!

Под ним земля вертелась, как волчок,  
А люди говорили: – Чепуха!  
Да ежли бы и так, так ты – молчок,  
А то ить далеко ли до греха?!

Глядит в костёр, мигая, Водолей.  
И тьма глотает искры на лету.  
Уходит от потомков Галилей  
За еле различимую черту.

*15 ноября 1974. Лефортово*

## БОТФОРТОВО\*

Ботфортово – прелестный уголок!  
Здесь вечером такая тишина!  
Опустится на плечи потолок  
И вот уже душа отрешена  
От суеты, с которой враждовал,  
От всех соблазнов, пивших кровь твою.  
Кто здесь расположился на привал,  
Тот пребывает в камерном раю.  
Какая келья, просто Божий дар!  
Да воссияет медитаций свет  
В стенах, где опочил душевный жар,  
Где на вопрос готовится ответ!  
Исследователь был предельно мил.  
Мы вместе вышли в долгий этот путь.  
Не я ли пожеланье обронил  
В другое измеренье соскользнуть?..

*16 ноября 1974. Лефортово*

---

\* Ботфортово – Лефортово

Э.

По краю пропасти скользя,  
Ползу, с самим собой в борьбе.  
Мне многого теперь нельзя –  
Ну, скажем, думать о тебе.

Нельзя в минувшее уйти,  
Где луч привычно ворожит,  
Переставляя на пути  
Непроизвольный реквизит,

Нельзя упасть в его тепло  
И навсегда остаться в нём  
(Оно навеки истекло,  
Когда за тем осталось днём).

Мне в полутьме идти вперёд  
(Не этого ль я ждал давно?).  
А что от прошлого сберёг,  
Сегодня знать мне не дано.

*17 ноября 1974. Лефортово*

Остывает под ветром душа  
(Когда ж это кончится?!).  
Мне навстречу идёт не спеша  
Моё одиночество.

Вот всё ближе подходит оно,  
Глядит этак пристально.  
Это я с ним безбрежно давно  
Простился на пристани.

Думал, может, расстался навек,  
Грустил даже изредка  
(До чего же нелеп человек,  
Особенно издали!).

Вновь мою ты стала судьбой –  
И солнцем, и тучею.  
Изменились мы только с тобой  
И, видно, не к лучшему.

*17 ноября 1974. Лефортово*

Э.

Цветы удерживают память.  
Сквозь лепестки сочатся вёсны,  
Чтоб явью радужной ударить  
По тишине, вспоившей сосны.

Перепахать поля забвенья,  
Соединить немые звенья  
И вырваться из окруженья  
В мелодию преображенья.

Но лепестки укромно тают,  
Вполоборота ночь встречая.  
Цветам дыханья не хватает,  
А может, крика дальних чаек,

Сверкнувшей холодно плотвицы,  
Омытого волною взгляда...  
Сквозь лепестки сочатся лица  
И размывает их прохлада.

*17 ноября 1974. Лефортово*

## ОЗОРНАЯ ПОЛЕЧКА

Э.

Раз ку-ку, два ку-ку...  
Солнце за гору ушло.  
Я строку волоку  
Сквозь игольное ушко.

Полоснул по глазам  
Обнажённый нагло мрак.  
Точно в срок, по часам,  
За рекой свистнет рак.

И смеюсь я навзрыд,  
И глотаю уголёк.  
Горизонт в землю врыт.  
Млечный путь ещё далёк.

Подойдёт синева  
Прямо к сердцу моему.  
Унесёт все слова  
В развернувшуюся тьму.

Я вослед полечу,  
Пресекая маяту,  
И тебя научу  
Растворяться на лету.

*18 ноября 1974. Лефортово*



Э.

Из волны тебе платье скрою,  
А луну приколю к рукаву,  
И пыльцы золотую струю  
В изголовье пролью наяву.

Горький пепел отравленных лет  
Превращу в молодое зерно,  
Чтоб, тепло излучая и свет,  
Проросло в твоём сердце оно.

Я дыханье твоё соберу  
В необъятную, ясную ночь,  
Чтоб развеять его поутру  
И бессилье своё превозмочь.

Погляди на ладонь и звезду,  
Оттолкнись от земли и лети.  
Видишь, огненной лавой внизу  
Перерезаны наши пути?

Никогда не жалея ни о чём,  
Не проси ни о чём никогда.  
Дверь открыта хрустальным ключом.  
Погляди: вот ладонь, вот звезда...

*18 ноября 1974. Лефортово*

Последний век, не прекословь злословью!  
Ты обманул поверивших в тебя.  
Ты слишком гордо умывался кровью,  
Ростки надежды на корню губя.

Ты жизни пульс ускорил до предела  
И создал мир могучих муравьёв.  
Ты слово смело переплавил в дело  
И закупорил в колбах львиный рёв.

К чему мне тупорылые ракеты,  
Пожравшие глубокие леса.  
Неторопливость вдумчивая, где ты?  
Земли незамутнённая краса...

Что делать нам в космическом просторе,  
Любителям на зеркало пенять,  
Когда мы дома самое простое  
Не можем убедительно понять?!

Засыпана мечта землёй сырою.  
Как тесно ей, как душно ей в гробу!  
И видится планета мне порою  
Галерою, прикованной к рабу.

*18 ноября 1974. Лефортово*

Э.

Ты скажи мне как-нибудь,  
Коль придётся к слову,  
Что труднее разогнуть,  
Спину иль подкову?

А не скажешь – не беда,  
Сам пробьюсь к ответу.  
Разгрызёт скалу вода,  
Утекая в Лету.

Я на той скале стою,  
Далью опоясан.  
На звезду гляжу свою,  
Вырванную с мясом.

*19 ноября 1974. Лефортово*

Где вы, мудрые тираны  
Древнегреческой поры?  
Ваши девственные страны  
Брали мудрость в топоры.

Плач дробил в Салюсе песни,  
Сбил плоды кровавый град.  
Разве можно верить персам,  
Прямодушный Поликрат?!

Пусть бы всё переменялось,  
Да потом, не в этот раз.  
Славный Ивик, сделай милость,  
Сочини стихи для нас!

Впереди Афинский полдень,  
Взлёты Римского орла,  
Впереди всё то, что помним  
(До сих пор зола тепла!).

Срез истории причудлив.  
Глянешь – глаз не оторвёшь.  
Чьи-то троны, чьи-то кудри,  
Чьё-то сердце, чей-то нож...

В юность мира нет возврата.  
Что ж, и этот гнил, да мил.  
Только жаль, что Поликрата  
Перс коварно заманил!

*19 ноября 1974. Лефортово*

Э.

От земного ухожу,  
От небесного далёк.  
На ладошку положу  
Задремавший уголёк.

Сдую пепла бахрому,  
Подыму душевный жар,  
Все дары ему верну,  
Да и свой добавлю дар.

И победно догорит  
На ладони у меня  
Уголёк-метеорит –  
Прах небесного огня.

*20 ноября 1974. Лефортово*

Спасибо, жизнь, за этот перебор,  
За камерную музыку страдания,  
За то, что ты явилась на свиданье,  
За равнодушно выметенный сор!

Хлещи меня солёною лозой  
И с поводка спускай лихую свору.  
Я не ропщу. Нет повода для спору  
С морскою и небесной бирюзой.

Я потерял к твоим щедротам вкус  
И заслужил все перевоплощенья,  
Которые не кара и не мщенье,  
Но отблески рассыпавшихся бус!

Не предъявляю перечня потерь.  
Коль не добрал чего – не сожалею.  
Оставь мне, жизнь, тенистую аллею,  
Там, впереди, куда гляжу теперь!

*20 ноября 1974. Лефортово*

Не чудо ли, что я стихи пишу,  
Что тянется рука к карандашу  
Теперь, когда «распалась связь времён»,  
Когда смятением я обременён?!

Покорная душа карандаша  
Вычерчивает график не спеша  
Моей тревоги и моей судьбы.  
К чему мне телеграфные столбы,  
Спешащие в глухую пустоту,  
Глотающую мысли на лету?

Но месиво в поникшей голове  
Рождает песню, а глядишь, и две.  
И невдомёк тогда карандашу,  
Что это письма я себе пишу.

*20 ноября 1974. Лефортово*

Не задачи решать,  
Не брести за тоскующей тенью –  
Научиться дышать  
Горным воздухом грехопаденья;

Улыбаться огню,  
Что сжигает мосты-переправы,  
Поклониться коню,  
Что Пегасом назвался для славы.

Не забрасывать сеть,  
Чая рыбку поймать золотую –  
Научиться свистеть,  
Когда нечисть победно лютует.

И вылуцивать свет  
Из гнилого махрового мрака,  
Стать одной из планет,  
Ну, хотя бы в созвездии Рака.

*20 ноября 1974. Лефортово*



О, златокудрая пора,  
Когда вся жизнь была игра!  
Быков, героев и богов  
Гомер воспел – и был таков!  
Но источал недаром яд  
Циклопа объективный взгляд.  
Он что-то чувствовал, подлец,  
Извёлся даже под конец.  
Он знал: не выйдет «на авось»,  
Поскольку видел нас насквозь.  
Злорадно морщил узкий лоб  
Отсталый умственно циклоп.

*20 ноября 1974. Лефортово*

...И стал я шутом и актёром,  
А роль мне судьба навязала  
Такую, что в поезде скором  
Я в Ад бы рванулся с вокзала.

То кармы пути, то расплата  
За годы слепого паренья.  
От жёсткого взгляда Пилата  
Сжимается стихотворенье.

А сцена в прожекторном свете  
Уже каруселью кружится,  
И в каждом таится ответе  
Зерна первородства крупица.

А свет ослепляет и душит,  
Смеётся, пугает и манит.  
И чьи-то невнятные души  
Качаются в липком тумане.

Собьётся прожектор с прицела,  
В глазу шевельнётся соринка,  
И преображается сцена  
В классический тип лабиринта.

Ну, как тут с фальшивой подковой  
Идти на звезду голубую,  
Прижаться к струе родниковой,  
Взойти на траву луговую?!

*21 ноября 1974. Лефортово*

Что-то сахар горек,  
Что-то соль безвкусна.  
Выхожу во дворик,  
В нём и солнцу грустно.  
Мир мой муравьиный  
Сжался до предела.  
Путь, кружной и длинный,  
Заарканил дело!  
Вырванные с корнем  
Яблони и вишни  
По оврагам чёрным  
В путь со мною вышли.  
А куда иду я,  
Не пойму покуда.  
Может, набреду я  
На чужое чудо.  
Погляжу, дотронусь,  
На себя примерю.  
Кабы мне дородность,  
Да не те потери!  
Отложу в сторонку,  
Зашагаю мимо.  
Там, за поворотом,  
Даль необозрима.

*21 ноября 1974. Лефортово*

Остываю, лёгким становлюсь,  
От всего земного отрешаюсь.  
Всё перевернулось? Перебыюсь!  
Наши драмы только чья-то шалость.

На мгновенье остановит взгляд  
Пестрота сухой змеиной кожи.  
Годы чинно выстроились в ряд.  
Свет и тьма, а в сущности, всё то же.

Суэта захлёстывает нас,  
Точно кладь оттягивает плечи.  
Здравствуй, старина Экклезиаст,  
Я давно мечтал об этой встрече!

*21 ноября 1974. Лефортово*

Ах, Франсуа Вийон,  
Ты удивлён?  
Ты одурел от этого комфорта?  
И говоришь, смеясь:  
– Какого чёрта!  
Да ты не узник,  
А удельный князь!  
Да, знаю, Франсуа,  
Соломы клоч  
И от свечи коптился потолок,  
В мозгу качалась  
Виселицы тень,  
Спасенье приносил  
Счастливый день.  
И снова на канате ты плясал,  
И кто-нибудь, ворча, тебя спасал.  
Игра с огнём,  
Случайностей игра.  
Так день за днём  
До возгласа: – Пора!  
То не венец –  
Пеньковый воротник.  
Но ты ушёл  
Под переплёты книг.  
Я знаю, что ты висельником был,  
Преступно свой растрчивая пыл.  
Искусно ты, однако,  
Между дел  
Стихи кропал,

Переходя предел,  
Положенный бродягам и ворам,  
Ты совместил так дерзко  
Блеск и срам!  
Ах, Франсуа,  
Скорей, смелей входи.  
У тех, кто замкнут,  
Вечность впереди.  
Свободна койка,  
Будет и обед.  
Подумай, не спеши  
Ответить – нет!  
Ты дух эпохи  
Тут постиг бы вмиг.  
А Франсуа сквозь смех:  
– Уже постиг!  
Но мне милей  
Свеча, соломы клок, –  
Сказал и вышел  
Через потолок.

*22 ноября 1974. Лефортово*

Обживаю новую планету,  
С греками компанию вожу,  
Соблюдаю строгую диету  
И, тоскливо глядя на мулету,  
По арене солнечной кружу.

А точней, жуёт меня трясина,  
Тщательно жуёт, не торопясь.  
Где-то воет жалостная псина,  
Где-то с лавром шепчется осина  
И выходят призраки на связь.

Не за что руками ухватиться,  
Ясен безнадежно небосвод.  
И вдали не Синяя ли птица  
Вяжет петли в облаке, как спица,  
Беззаконий составляя свод?

Или эта связь причин и следствий  
Огненным орнаментом горит?  
Слишком высоко, почти в соседстве  
С тем, что воссияло в глупом детстве  
На мгновенье, как метеорит.

А трясина намертво со вкусом  
Всасывает жизнь мою, урча.  
И не может быть благого знака,  
Но к чему и тело ставить на кон,  
Душу загубивши сгоряча?!

*22 ноября 1974. Лефортово*

Когда стучат кормушки по утрам  
И коридор озвучен деловито,  
Я чувствую, что вовсе не упрям.  
Куда уж мне до дятла и термита!

Когда лежу в отбойной тишине  
На дне артезианского колодца,  
Я понимаю, что отныне мне  
Глядеть в глубины неба остаётся.

Когда, беседой острой утомлён,  
Я на плечи накидываю келью,  
В опустошённом черепе моём  
Звенит кузнечик над главною щелью.

А правила, в загон войдя гуртом,  
Огородившись хмуро рамкой чёрной,  
Меня упорно убеждают в том,  
Что всё разумно в мире и бесспорно.

*23 ноября 1974. Лефортово*



Перепутав на беду  
Бланки виз,  
Не пойму, куда бреду,  
Вверх ли, вниз...

Завертел круговорот –  
Сущий Ад.  
Может, я иду вперёд,  
Может – взад.

Воссиял над головой  
Жидкий свет.  
То ли я ещё живой,  
То ли – нет.

*23 ноября 1974. Лефортово*

Так вот и пишут книги  
Те, что горят – не гаснут,  
Век отражая в миге,  
Тёмное сделав ясным.

Жаждет бумага слова,  
Яростного замеса,  
Доброго или злого,  
Лишь бы литого веса.

Чтобы открытым текстом,  
Крупным, объёмным планом;  
Чтоб никуда не деться  
И не сказаться пьяным.

Можно расслышать чётко  
(Только была б охота!):  
Спрашивает о чём-то  
Гамлет у Дон-Кихота.

*23 ноября 1974. Лефортово*

В дрёме телеграфные столбы.  
Что им делать с тишиной такую?  
Винтовая лестница судьбы  
Намертво прикована к покою.

Пусть в тени прямоугольных плит,  
Помнящих и Цезаря, и Брута,  
Всюду закипает и бурлит  
Варево, посоленное круто.

Мчатся волны, устрасая взгляд,  
Но слепые в радости и горе,  
Бури лишь поверхность бороздят,  
В глубине всегда спокойно море.

И земли терзая тонкий пласт,  
Человек напрасно суетится.  
Час придёт, и успокоит нас  
Невесомая античастица.

*24 ноября 1974. Лефортово*

Э.

И рядом дом, а дома нет.  
И ночь светла, а где он, свет?  
Весь мир огромный отсечён,  
Лучом отрезан и мечом.  
Тьма позади, тьма впереди.  
Но погоди, не уходи.  
Так редко я тебя зову,  
Чтоб не во сне, а наяву.  
Мне страшно быть с тобой вдвоём  
На пепелище том твоём.  
А надо мной моя вина  
Кружит с тоской веретена.  
Вот совершится самосуд  
И душу черти унесут.  
Меня упрямо выбрал путь.  
Он мой. Мне некуда свернуть.  
Но ты не плачь, не прячь лица.  
Мы неразлучны до конца,  
Хоть в катакомбах этих лет  
Жестоко ранит ясный свет.  
Звезда моя, сто раз на дню  
Я от себя тебя гоню.  
И всё ж тебе не быть одной,  
Ведь ты не там, а тут со мной.

*26 ноября 1974. Лефортово*

## ЖИЗНЬ

Это не стихи – тут сразу набело.  
Навсегда. Что сделано, то сделано.  
И смешны все «если бы» и «надо бы»  
В редколесье чёрного и белого.

Это не игра – тут всё ответственно.  
Глина сразу застывает набело.  
Далеко видать с вершины бедствия  
Всё, что по-особенному памятно.

Облачный узор не повторяется.  
Пламя отрекается от прошлого.  
То, что обронил, в пыли теряется,  
Превращаясь в путевое крошево.

Ржавые глаза тупой грамматики  
Никогда не воссияют радугой.  
Пусть клюют унылые догматики  
Комбикорм, замешенный на патоке.

Жить наперекор причинной одури,  
В новых главах выправляя линию,  
Смело над былиною и одою  
Развернув зелёное и синее!

*28 ноября 1974. Лефортово*

Вяжется сказка недолго.  
Мало – довязывай сам уж.  
Вышла за Серого Волка  
Красная Шапочка замуж.

Гости впотьмах веселились,  
«Горько» рычали некстати,  
Заячьей кровью упились,  
Бабушку съели в томате.

Свадьбы такой не видали  
Даже дубы-аксакалы.  
От умиленья рыдали  
Все холостые шакалы.

Красная Шапочка шибко  
Перепила (и напрасно!).  
Кто её съел по ошибке  
Даже супругу не ясно.

*3 декабря 1974. Лефортово*

Э.

Возрастание скоростей,  
Землю сплющивая беспечно,  
Самогонный разгон вестей  
Обеспечивает навечно.

А в анютиных глазках страх,  
Златорунной пылью осыпан.  
И уже не пылью, а прах  
Ловит время голодным ситом.

Тает неба святая синь  
И сочится в земные щели.  
Я кричу: – Перестань! Застынь!  
Но, раскачивая качели,

И расплёскивая морей  
Концентрированную влагу,  
Стрелки движутся всё скорей  
По приказу: – Назад ни шагу!

В перегонку пуская прах  
И швыряя природу в топку,  
Я затапываю впотьмах  
В тридешатое царство тропку.

*7 декабря 1974. Лефортово*

Сны, остывшие к утру,  
Выпадут в осадок.  
Тишиной глаза протру,  
А рассвет не сладок.

Новый день парит в дыму,  
Коршуном косится,  
Я гляжу и не пойму,  
Что это за птица.

Тени бледные порой  
Вкруг меня петляют.  
Лоб досадной мошкаррой  
Думы облепляют.

Подступает мир потерь,  
Пальцем в спину тыча,  
Я для хищников теперь  
Лёгкая добыча.

Как пробиться в синеву  
С тёплой позолотой?  
Лижет ноги наяву  
Доброе болото.

*8 декабря 1974. Лефортово*



Когда Пегас на Геликоне  
Скалу копытом пробуравил,  
На всей земле смеялись кони,  
Хоть это было против правил.

А музы по росе бежали,  
Спеша к потоку Гиппокрены,  
Где свет невиданной скрижали  
Вдруг воссиял из чистой пены.

Да утолит столетий жажду  
Бессмертья зыбкого источник,  
В котором отразится каждый,  
Кто сплёл венок из лёгких строчек,

Кто верой мир преображая,  
Раздвинул вглубь и вширь мгновенья,  
Неся на праздник урожая  
Плоды святого вдохновенья.

И эта ягодка, быть может,  
Его живой водой омыта...  
А началось-то всё, о, Боже!  
С удара конского копыта!

*18 декабря 1974. Лефортово*

Летит моя ракета  
С прицепом на Луну,  
А для чего мне это,  
Никак я не пойму.

Взойду на лунный гребень,  
На Землю погляжу.  
Земля скатилась в небе  
Куда-то на межу.

А там остался терем  
С отрадою моей.  
Зачем же я поверил  
Газетам, а не ей.

Орбита у ракеты  
Надета набекрень.  
Ах, где ты, где ты, где ты,  
Тот ясный майский день!

Вернусь ли в край родимый,  
Никак не разглядеть.  
Но мне необходимо  
Про терем этот петь!

*Декабрь 1974. Лефортово*

## ФАНТАСМАГОРИЯ

Э.

Где призраки шныряют  
по тараканьим тропам,  
Облезлые вампиры  
зазывают на троих,  
Там ангелы торгуют  
петрушкой и укропом,  
А черти закупают  
всю провизию у них.  
Где человечьи души  
разменной монетой,  
А тело невесомо  
и не ценится ни в грош,  
Там смерть считают самой  
хорошею приметой,  
А самым лучшим топливом  
штампованную ложь.  
Где время растворяет  
в себе земные соки,  
Чтоб двинуть по корням его  
в дремучие дубы,  
Тяжёлыми плодами  
там вызревают сроки,  
Надежды колосятся  
на плантациях судьбы.  
Туристы добродушно  
экзотику глотают,  
Клюют под шутки тонкие  
рекламный винегрет.

И призраку порою  
    терпенья не хватает,  
Чтоб на вопрос безбожный  
    дать уклончивый ответ.  
Где до рассвета в покер  
    играют домовые,  
Пока летают ведьмы  
    для разминки на шабаш,  
Там нищие глазуют  
    на звезды дармовые –  
Всё ищут мир уютный,  
    чтобы выменять на наш.

*Декабрь 1974. Лефортово*

Истекают сроки. Вечность на исходе.  
Время леденеет на ветру.  
В мире законном что-то происходит.  
Это понимаешь поутру.

Где-то бедокурят снежные обвалы,  
Океан глотает облака,  
И поля туманом полнятся кровавым,  
Из окна не видимым пока.

В мире всё сместилось как-то незаметно.  
То ли кто-то воздух подменил,  
То ли, заблудившись, пьяная комета  
Врезалась в резервуар чернил.

Так или иначе, происходит что-то.  
И на трон возводится вина.  
Метроном ошибок, сбившийся со счёта,  
Вышибает стёкла из окна.

*Декабрь 1974. Лефортово*

Ах облака, и вы без лишних слов  
Покинули меня. О, времена, о, нравы!  
И если вы ещё и в этом правы,  
То впору отказаться и от снов.

Ах облака, ну что вам дальний путь,  
Всё тот же каждый век – движение по кругу.  
В Земле одну на всех вы обрели подругу,  
А на меня вам некогда взглянуть.

Ах облака, представьте, вы нужны  
Мне именно сейчас. Ну, что б вам задержаться.  
Но только тени на порог ложатся,  
И в них чужие сны отражены.

*Декабрь 1974. Лефортово*

Нежными чешуйками сакуры  
Взгляд заблудший даль запорошил.  
А в тяжёлом замке небо хмуро  
И поют, хрипя, карандаши.

Сигаретный дым берёт за горло,  
Валит навзничь, сдавливая грудь.  
И сочится прошлое упорно,  
И течёт бесследно, словно ртуть.

Пряная, медвяная отравы,  
Солнечных мгновений голоса...  
Разве дал я этой жизни право  
Возвратиться хоть на полчаса?!

Знаю, та, грядущая, убога,  
Но я вырвусь, над землёй взлечу.  
Путнику – протёртая дорога.  
Бездорожье вечности – лучу.

*5 января 1975. Лефортово*

Ускоряется пульсация,  
Тише, сердце, не спеши!  
Не такая уж сенсация  
Ампутация души.

Вот и кончилось парение,  
Рухнул мир внутри и вне.  
Обострившееся зрение,  
Что ты дашь отныне мне?

Слепоты благодеяние,  
Глухоты бездонный дар!  
О волшебное сияние  
Разбивается Икар!

Видишь, тело виснет гирею,  
И с подмостков убран Рай?  
Как же я, бряцающая лирою,  
Воспою светлейший край?!

Заглянувши в бездну гулкую,  
Отшатнулся не дыша.  
Вот иду по переулку я,  
Где жила моя душа.

Чёрный взгляд подьемлю горестно,  
Не молюсь и не ропщу.  
Видишь, небо тканью пористой  
Преградило путь лучу?

*17 января 1975. Лефортово*



## ИЗ ЦИКЛА «РУСЬ»

Ни кандалного, ни колокольного  
Перезвона, сердце, не проси!  
Сколько счастья утопло невольного  
В горьких омутах донной Руси!

И людские плоты терпеливые  
Уносил осерчавший поток,  
И взлетал под плакучею ивою  
Озарённый слезою платок.

Гуси-лебеди в облаке таяли,  
После падали в жаркую синь.  
Шли двуперстники тропами тайными  
И, крестясь, возглашали: «Аминь!»

Прорастает сквозь ближнее – дальнее.  
Те же пчёлы и те же цветы.  
Ах, зеркальная тайна страдания,  
Непорочная завязь мечты!

Омывает века заповедные  
Сладкозвучной былины волна  
И туманную думой заветною  
Придорожная песня полна.

Отголоски остались да отблески,  
Окрылённой души купола.  
Гуси-лебеди сгинули в облаке,  
Буйный посвист метель замела.

*20 января 1975. Лефортово*

Э.

Я болен манией двуличия.  
Болезнь, увы, неизлечима.  
И оттого уже всё личное  
Недостовечно, как личина.

Я жизнь веду горизонтальную,  
Бесчеловечную такую,  
Что с нежностью сакраментальной  
По вертикальному тоскую.

И, распаясь на молекулы,  
От беспощадности тупея,  
Перебираю строки блёклые  
С нелепой жадностью плебея.

Когда звезда благополучия  
Угасла в безымянной луже,  
Мне выдало себя за лучшее  
То, что всегда казалось хуже.

В предназначения не веруя,  
Предначертаний не приемля,  
Земную жизнь плодами меряю,  
Бессмертьем удобряя землю.

*21 января 1975. Лефортово*

Что можно нацедить из этих лет,  
Коль в них прогоркли жизненные соки,  
И милостью безнравственной осоки  
Цветы лелеют заалевший след?

Как уберечь душистое тепло  
Завещанных тебе несоответствий,  
Благословив на перекрёстке бедствий  
То время, что так скоро истекло?

Кто в силах эти дебри превозмочь,  
Насквозь пройти слои фантасмагорий  
И приласкать живой улыбкой море,  
И одарить прощальным взглядом ночь?

Мне этот бой уже не по плечу  
(Вот и разгадка: узковаты плечи!).  
Я отвернусь, я отклонюсь от встречи.  
Всегда за всё наличными плачу.

*21 января 1975. Лефортово*

Ну, а теперь весёленькое что-нибудь,  
Нельзя же целый день доить тоску!  
Хоть облачко пустить бы, что ли, по небу  
Или пугач преподнести виску.

Да разве мало в жизни тёплых радостей!  
Лишь хоботок поглубже окуни!  
И ангел чистоты и аккуратности  
С нездешним вздохом скроется в тени.

Уж тут и вурдалаку станет весело,  
Несовместимость забивает клин.  
И адский хохот сотрясает месиво  
Из вымерших элегий и былин.

Мне этот мир давно на ощупь нравится.  
На вкус, на цвет – по всем статьям хорош!  
А что не так, то в скорости исправится.  
Нет, не отдам его за стёртый грош.

*21 января 1975. Лефортово*

Паутинки в траве  
От росы провисли,  
Уползает в лесок  
Тающий туман.  
Жадно пьют синеву  
Утренние мысли,  
И заря на селе  
Ходит по домам.

А в озёрной тиши  
Вызревает лето,  
Скоро голос подаст,  
Крыльями взмахнёт.  
Сколько песен в ночи  
У костра пропето,  
Сколько смеха унёс  
Ветер-вертолёт!

Размотайся тропа,  
Сказочным клубочком,  
А потом собери  
Звезды на привал.  
Прилетит ветерок,  
Скажет: – Ну и ночка!  
И поведает нам  
Где он побывал!

Если кончен поход,  
Значит, песня спета,  
Не беда, что теперь  
Нам не по пути.

Каждый столько возьмёт  
И тепла и света,  
Сколько в сердце своём  
Сможет унести.

*21 января 1975. Лефортово*

Хорошо бы уйти в златокудрые горы Эллады,  
Пастухов и простушек-пастушек собрать у костра.  
Ну, а если они будут странному гостю не рады,  
Ты поймёшь, наконец, что тоска твоя слишком остра.

Или просто входи поутру в городские ворота  
И на Гревскую площадь с толпою зевак поспеши.  
Очень радостно знать, что сейчас не тебя, а кого-то  
Обезглавит палач, во спасенье заблудшей души.

А не то проскользни в голубые нагорья Тибета,  
Где спокойные храмы дорогу приблизят к тебе.  
И, отмеченный здесь шаровидной печатью обета,  
Умились, покорись охряной ламаистской судьбе.

Хорошо бы уйти, в неподкупной дали затеряться,  
Отдышаться немного, предвечного ветра хлебнуть.  
Пусть Колумб не спешит, пусть, краснея от славы пиратской,  
Океан кораблям перекроет единственный путь.

Гасит звезды мечта. Время нас и на миг не отпустит.  
Словно пули в обойме, нацелены точно вперёд,  
Мы грустим у пруда, мы цепляемся взглядом за кустик,  
А потом на буксир нас чужая ракета берёт.

*22 января 1975. Лефортово*

Дар постиженья многих величин  
(Конечно же, не всех, помилуй Боже!),  
Наклонность к извлечению причин  
Из группы следствий (тех, что помоложе!).

С годами всё роднее высота,  
Объятней обозримое пространство,  
Яснее жизнь освистанная, та,  
Рождённая прологом постоянства.

Способность видеть и не цепенеть,  
Отчаянье в печаль преображая,  
И взглядом переламаывая плеть,  
Беду встречать как отблеск урожая.

А выше мне подняться не дано –  
Нужна иная степень посвященья.  
Мой путь запрограммирован давно,  
Весь молний и лучей пересечение.

*27 января 1975. Лефортово*



Э.

Я гляжу на каргу  
Тусклыми огарками –  
У судьбы на горбу  
Рюкзачок с подарками.

Уж она для меня  
Припасла, сердешная,  
Из воды и огня  
Варево кромешное,

Да наряд-людоед  
И тоску колючую.  
Сколько зим, сколько лет  
Выпало по случаю?!

Не скупится судьба,  
Выдаст, что положено.  
От столба до столба  
Колея проложена.

*6 февраля 1975. Лефортово*

Э.

Сам с собой играю в прятки.  
Блеф? Игра воображенья?  
Но ведь если всё в порядке,  
Значит, нет и пораженья.

И успехи, и провалы –  
Наше внутреннее дело.  
Нынче много, завтра мало;  
Было чёрным, стало белым.

Главное – переключиться  
Из квартиры в мир абстрактный,  
Ну, а время всюду мчится,  
Словно в пьесе многоактной.

И для Родины не жалко –  
Там находки, тут потери.  
В балагане стало жарко –  
Вышибай смелее двери!

Главное – обособленье,  
Подавленье всех эмоций,  
Усвоение явленья  
На основе древних лоций.

Годы просто не реальны,  
Дни – совсем другая штука.  
Берег ближний, берег дальний,  
И с самим собой разлука.

*6 февраля 1975. Лефортово*

## СТИХИ О ЧЁМ

Черепки – черепов обломки.  
Чем их склеивать и зачем?  
Стоны мёртвых не очень громки.  
Коли носишь звезду в котомке,  
Лучше если ты глух и нем.

На пространство натянешь время,  
И получится решето.  
А удача пирует с теми,  
Кто не бросит на камень семя  
И поведает всем про то.

Мудрецами любого толка  
Исторический прах пестрит.  
Заржавела в стогу иголка,  
Стал червяк фабрикантом шёлка,  
На подагру сменив гастрит.

Опечатанный склад извилин –  
Гордый памятник жарких лет.  
Старый сад на дрова распилен,  
Глухо ухаёт умный филин,  
Компостируя в Рай билет.

*7 февраля 1975. Лефортово*

Э.

И прошла тропинкой невесомой,  
Век пересекла наискосок,  
Одаряя терпкостью особой,  
Вся – как остывающий песок.

Незаметно ветви подрезала,  
Терпеливо иссушала ствол.  
А однажды не с того вокзала  
На рассвете поезд отошёл.

От истоков горечи горячей  
Безоглядно, сказочно, легко,  
Безнадёжность в беззаботность пряча,  
Я заехал слишком далеко.

И в самой нелепости чудесна,  
Всей неистребимой глубиной,  
Грустная и радостная песня  
Высветляет небо надо мной.

Годы – в дым, десятилетия – прахом.  
Но с улыбкой пёстрой, налегке,  
Сквозь поля, засеянные страхом,  
Мне спешить в тиши к моей реке.

И не видеть скорбного предела,  
Даже под откос уже скользя.  
Ночь не зря с тоской в глаза глядела,  
Знала, что укрыться в них нельзя.

*10 февраля 1975. Лефортово*

Э.

Возникал и рассыпался снова,  
Вырастал и на глазах мельчал.  
Весь, как есть, переливался в слово  
И покорность року означал.

Обладал причудливой вселенной,  
Цену знал планетам и себе  
И росинку ясности нетленной  
Простодушно доверял судьбе.

Но качался между полюсами  
Маятник живой души моей  
И была полна она лесами,  
Облаками, сказками морей.

Прошлого застывшее сиянье,  
Ретуши спасительный резон,  
Напряженье противостоянья,  
С едким дымом смешанный озон...

Мне теперь глушить бальзам забвенья,  
Под ноги глядеть, не на луну;  
Собственной прикидываясь тенью,  
Ревновать к амёбе и зерну.

Стоя у излучины разлуки,  
Потерявши сразу всё и всех,  
Голосить, заламывая звуки,  
Кутаться в чужой дырявый смех.

*12 февраля 1975. Лефортово*

Осколки сердца застряли в теле,  
Такая слабость, что меркнет свет.  
Четвёртый месяц. Конец недели,  
А к воскресенью дороги нет.

Февраль сосульки развесил в душах,  
Весна в порядок приводит сеть.  
Ещё немного, и хор лягушек  
Начнёт в канавах о счастье петь.

В коробке тесной толпятся тени  
Усохших вёсен, истлевших лет.  
Преображенье переплетений,  
Потусторонний кордебалет.

Да, что-то было, о чём-то пелось,  
Легко взлетала к луне волна.  
Приснилась юность, мелькнула зрелость,  
А вот и старость во тьме видна.

Что взять на память у жизни этой?  
Как узаконить её полёт?  
Воскресший отзвук весны отпетой  
Зачем тревожит? Куда зовёт?

*13 февраля 1975. Лефортово*

Э.

Зервинай... грибная благодать,  
Сосен терпеливое раздумье.  
Всё в себя вместить и всё отдать  
Здесь легко, спасаясь от безумья.

Ула, Ула! Как ты там одна  
Коротаешь голубые годы?  
Дрёма закоряженного дна  
Умиротворяет ли невзгоды?

Берег осыпается крутой  
Под корнями выморочных сосен,  
И дешёвой хвойною крупой  
Кормится земля, встречая осень.

А к смородиновым берегам  
Липнут самоцветные стрекозы,  
Гордо демонстрируя врагам  
Аристократические позы.

Здесь озёра знают обо мне  
Многое, чего и сам не знаю;  
В этой беззаветной стороне  
Полнозвучна ягода лесная.

Не сейчас, потом, когда-нибудь  
Я сюда вернусь ещё, быть может...  
Ула! Вновь пересеки мой путь,  
Как в тот год, что баснословно прожит!

*14 февраля 1975. Лефортово*

Э.

Коридоры, годы, двери,  
Белые столбы...  
Может, каждая потеря  
Вовсе – дар судьбы?

В нежном шёпоте осоки  
Оторопь обид.  
Коротки земные сроки,  
Зелены на вид!

Даром ночь не даст лекарства,  
Нет, не так проста!  
О, врождённое лукавство  
Лисьего хвоста!

Приспособлюсь, перестрою  
Схему, мир кляня,  
И возьму, пожалуй, Трою  
С помощью коня.

Но ведь мир-то мой не вечен,  
Подожди, постой!  
Разве в шутку я обвенчан  
С мудрой простотой?

Млечный путь, поля, бараки,  
Жгучие снега.  
Жизнь, горящая во мраке,  
Вольтова дуга...

*14 февраля 1975. Лефортово*



## ПЕСЕНКА О ЗЕРКАЛЕ

Я гляжу и падаю невесомо,  
Оглушённый шалостью глазомера:  
Отражает зеркало Робинзона,  
Предлагает зеркало Гулливера.

Что же это делается, что творится?!  
Что я с ними общего достигаю?!  
Мне чужие отроду эти лица.  
У меня и линия вся другая!

Разве ж я завидовал ихней славе?  
Что это за фокусы – превращения?  
Не на эту лошадь я вовсе ставил.  
Мне, как зайцу тряпочка, – приключенья.

Лучше уж ты, зеркало, выдай гнома,  
Что дымит под ёлочкой на опушке.  
У него не все ещё, может, дома,  
Да хозяин в собственной он избушке.

А бродяг-любителей спрячь подальше,  
На поруки выдай их коллективу!  
Но вообще-то, зеркало, ты без фальши  
Отражай реальную перспективу!

*15 февраля 1975. Лефортово*

Тонет прошлое в дыму,  
Прошлым поле не засеешь,  
Но напомнил Чухлому  
Мне Виталий Алексеич\*.

Спиннинг, удочки, рюкзак –  
Боевое снаряжение.  
Стихший ветер – верный знак.  
Будет с окунем сражение.

У плотины жерех ждёт  
В озорном водовороте...  
Кто, ведя обратный счёт,  
Этот мёртвый день воротит?

Или то, когда шалил  
На Святом болоте ветер.  
Чем он так щемяще мил,  
Чем неисто щимо светел?

Были в нём шаги легки,  
А в лесу роилась прелесть;  
Сочной клюквы огоньки  
Под ногами загорелись.

И с тех пор они горят,  
Прожигая дни и ночи.  
Годы встали в длинный ряд,  
С каждым годом день короче.

*17 февраля 1975. Лефортово*

---

\* Виталий Алексеевич – один из следователей КГБ, который вёл дело А. Е. Флешина.

Это просто ход конём  
На пути удачи.  
С каждым годом, с каждым днём  
Всё сложнее задачи.

Высота вилять не даст.  
С лишним расстанешься.  
Только выбросив балласт,  
Высоты коснёшься.

Только свой горящий дом  
Озарит потёмки.  
Кто, куда и кем ведом,  
Не поймут потомки.

В жизни их, насквозь прямой,  
Будет всё логично.  
Даже стих погнутый мой  
Оскорбит их лично.

Наши чуждые миры  
Не соприкоснутся.  
Спи, мой милый, до поры,  
Не спеши проснуться!

*18 февраля 1975. Лефортово*

Наверное, кому-то всё же надо,  
Чтоб я в коробке каменной лежал,  
Чтоб лезвие отточенного взгляда  
Ржавело, как заброшенный кинжал.

Трёхцветная тупая панорама.  
Существованье вестника в норе.  
Трагедия? Иль может, мелодрама?  
Как странно, что я умер в октябре!

Не думайте, мол, зависть одолела.  
Ей и сегодня нечего поджечь.  
Какое мне существенное дело  
До чьих-то дальних радостей и встреч?!

Чудесное творится в полумраке,  
Его рождает солнечный заряд,  
Отчаянье врачующие маки  
Незримо в глубине его горят.

Остывшее, раздавленное тенью,  
Чужое сердце ёжится во мне.  
Мне кажется, всё меньше нетерпенья  
И жажды осаждается на дне.

Сама собой идёт переоценка,  
Да и на это не хватает сил.  
Добротная, со вмятинами стенка...  
Такую и в бреду я не просил.

*20 февраля 1975. Лефортово*

Э.

Опалённый дыханьем пекла,  
Ощувший наследственный жар,  
Драгоценную пряжу из пепла  
Получил я от осени в дар.

Вот меж пальцев незримо струится  
Сопряжённая с вечностью нить.  
Ею вышита Синяя птица,  
Пожелавшая мир изменить.

И другая, что непостижимо  
Оживает, коснувшись огня.  
Хоть всегда обещание лживо,  
Трижды лживо оно для меня!

Что мне делать с державною нитью,  
Неподвластной напору стихий?!  
Не верёвку же вить по наитью,  
Не вплетать же лукаво в стихи,

Чтобы вечность в сознании окрепла,  
Каждый миг раскалив добела...  
И заменит ли пряжа из пепла  
Всё, что осень, шутя, отняла?

*21 февраля 1975. Лефортово*

Наперекор уму  
я не сойду с ума,  
я крепко зацеплюсь хвостом за ветку,  
возьму прогноз погоды на заметку  
и будет мне легка  
дорожная сума.

Прощай, душевный быт  
с убыточным теплом.  
Бродяге нищета в пути подруга.  
Благополучье – квадратура круга,  
тем более, когда  
дворцы идут на слом.

Да будет лёгок шаг.  
Всё остальное – бред.  
Сокровища мои – любовь и ярость.  
Встречай меня, нечаянная старость,  
но поскорей сожги  
парадный свой портрет!

Стерильную тоску  
не стану выкупать.  
Пусть с другим добром лежит в закладе,  
но эти две зелёные тетради\*  
хотелось бы пока  
поглубже закопать.

*23 февраля 1975. Лефортово*

---

\* Две ученические тетради со стихами, написанными в Лефортовском изоляторе.

На все четыре лапы опуститься,  
Облаять побледневшую луну...  
Всё смелется, забудется, простится;  
Слегка земная ось переместится,  
И снова нить прильнёт к веретену.

Порою обезлюдевшего взгляда  
Коснётся опустевшая мечта,  
Готовая пригнуться, если надо,  
Нелепая, как тощая тирада  
В цитатах от макушки до хвоста.

Прыжок из мясорубки в душегубку.  
И, пробудившись, я вразброд кричу  
И выжимаю кровавую губку,  
Но уксуса струя течёт по кубку,  
Открытому и песне и лучу.

Высокопарно и высокомерно  
Звучит порой затравленная речь.  
В ней всё и сокровенно и неверно;  
Её разъяла ненароком скверна,  
Но это то, что я сумел сберечь.

*28 февраля 1975. Лефортово*

## ВЕСЕННЕЕ

Э.

Всё о главном говорю.  
Ночь, а не до сна.  
В марте по календарю  
Колесит весна.

Катит солнце ветерок  
По голубизне.  
На люблюю из дорог –  
Все ведут к весне.

А снега ещё белы,  
А пути темны.  
Но на кончике иглы  
Замирают сны.

Консервированный секс  
Углубляет взгляд.  
Ах, условный сей рефлекс,  
Холостой заряд!

Не тонул в пучине вод,  
Не горел в огне...  
Вижу, что весна идёт;  
Жаль, что не ко мне.

*1 марта 1975. Лефортово*



Э.

Какая разница, куда и с кем?!  
Звезда бесчувственна, земля кругла.  
Смешались линии, оракул нем,  
И память выжжена почти дотла.

Какая разница, когда и где?!  
Всё упрощается в конце пути.  
Остаток нежности скормив беде,  
Струю студёную не замути.

Всё перемелется в пыльцу и пыль.  
Всё переменится само собой.  
И, может, вызовет слепая быль  
Легенду зрячую на смертный бой.

А солнце изболоть пронзит лучом.  
Ну, эка невидаль, а всё же знак!  
Какая разница, кому о чём?!  
Не безразлично ли, за что и как?

*2 марта 1975. Лефортово*

За поэтапный курс омоложения  
Я эскулапам заплатил сполна.  
Слепая океанская волна  
Несла меня в купель преображенья.  
Освобождённый от мирских забот  
(А заодно от суетного груза!),  
Я знал, никем не узнанная муза  
В моё жильё пещерное придёт,  
Где не найдёт ни идиолов прелестных,  
Ни инородцев прозы и стиха,  
Ни призраков, при крике петуха  
Стартующих в ракетах одноместных.  
Мы растворимся в тишине вдвоём,  
И внешность мира нас не потревожит.  
А если станет холодно, быть может,  
Мы даже шкуру рваную найдём.

*2 марта 1975. Лефортово*

Э.

Старый пруд, пленённый сонной ряской  
Посредине памяти возник...  
Мир звучит сплошной зелёной краской,  
Словно в нём зелёный бьёт родник.

Облако в горячем небе плыло,  
Поднятое к солнцу тишиной.  
Где, когда, зачем всё это было?  
Кто в тот миг склонялся надо мной?

Обнажённый океан былого...  
Вышитые гладью острова...  
Как это случается, что Слово  
Звонко вырождается в слова?

Цельность разбивается тревогой  
На десятки маленьких забот.  
Цельность шепчет: подойди, потрогай  
Облако, скользнувшее за борт!

А вокруг трава полна безлюдья.  
Сны готовит луговой покой.  
И, примяв душистый клевер грудью,  
Я касаюсь прошлого рукой.

*3 марта 1975. Лефортово*

От земли оторваться,  
Остальное – пустяк.  
Побываю я, братцы,  
У Вселенной в гостях.

На щепотку навоза  
Погляжу с высоты  
(Там поэзию проза  
Называет на «ты»).

Звёзды разного толка  
Уясню не спеша;  
В платье алого шёлка  
Облачится душа.

И на плошки да пятна  
Поворчав свысока,  
Я направлю обратно  
Своего рысака.

Освежит меня ветер,  
Ослепит меня лес.  
До чего же на свете  
Много милых чудес!

*3 марта 1975. Лефортово*

Двустворчатой ракушки мир укромный –  
Приёмьш размагниченных полей,  
Взлелеянный вселенною огромной,  
Под нежным пухом звёздных тополей;

Проистечение мудрости подспудной,  
Обособленья персональный храм,  
Столь отрешённый от беседы нудной,  
И от гурманов, и от телеграмм!

Лежать, в подшёрсток илистый врасдая,  
По дну передвигаться не спеша  
И знать, что крепнет истина простая,  
В которой растворяется душа.

*4 марта 1975. Лефортово*

Э.

Прессует память многоцветье дней  
В холодные бесцветные брикеты.  
То – жизнь твоя. Ты заблудился в ней.  
И не поймёшь порой, зачем и где ты.

Десятилетий контуры встают.  
Виденья мозаичные двоятся.  
Вот над рекой надежды гнёзда выют  
И светлячки любви во тьме роятся.

Смешались ветры, сосны, облака;  
Рассыпались закаты и восходы,  
Но в будущее та, твоя река  
Несёт свои сияющие воды.

*4 марта 1975. Лефортово*

## ПЕСНЯ О ВЕЛИКОМ КОРМЧЕМ

До чего ж китайцам повезло.  
Те, кого ведёт великий Мао,  
Весело плодятся всем назло,  
Хоть и раньше было их немало.

Припев:  
Мао-дзе дун!  
Живи и здравствуй 10 000 лет!  
Мао-дзе-дун!  
Мао-дзе дун!  
Мы свой сыновний шлём тебе привет!

Уровень сознания возрос –  
Если что неясно в дацзыбао,  
Отвечает на любой вопрос  
Самый удивительный из Мао.

Припев.  
Мудрый Мао зорок и зубаст.  
Не проходит без потехи года.  
Спуску и Конфуцию не даст  
Фюрер косоглазого народа.

Припев.  
Добрый Мао бомбу полюбил.  
И, тоскуя, слёзы лил рекою.  
Белый свет сердешному не мил,  
Если бомбы нету под рукою.

Припев.

Огорчает Мао лишь одно:  
Не хватает старому землицы.  
И глядит частенько он в окно  
В сторону заклиненной границы.

Припев:  
Мао-дзе дун!  
Живи и здравствуй 10 000 лет!  
Мао-дзе-дун!  
Мао-дзе дун!  
Мы свой сыновний шлём тебе привет!

*5 марта 1975. Лефортово*



Я стал смеяться в прозе и стихах.  
С чего бы это и к чему бы это?  
Живу, как схиморожденный монах  
По правилам Новейшего Завета,

По всем статьям прокатан и протёрт,  
Я сдвинут фасом в сторону заката...  
Но потирает руки старый чёрт  
И манит искусительно куда-то.

Хотя я возраст неподкупный свой  
Не признаю всерьёз ещё покуда,  
Мой самоцветный нимб над головой  
Весь в дырах, неприемлемых для чуда.

Но если поглядеть со стороны  
(С Луны, к примеру, или из болота),  
То у судьбы все стороны равны,  
А кое-где цела и позолота.

Решив проблему «быть или не быть»  
Удолобиво и книголюбиво,  
Я из воды стремлюсь огонь добыть  
Себе и человечеству на диво.

*5 марта 1975. Лефортово*

## ВЕТЕР

Что за ветер! Охрипли деревья,  
Растерялись остатки листвы.  
Недобитая градом деревня  
С перепугу метнулась в кусты.

Отдохнувши какую-то малость,  
Выл он яро и лаял, как пёс,  
И дорога за корни цеплялась,  
Чтобы ветер её не унёс.

А потом он умчался куда-то,  
Равнодушный к добыче своей  
(То ли встретил беспутного брата,  
То ли в поле гулять веселей),

Возвратились ворота к забору,  
Причесалась лениво копна.  
Встать, печаль отряхнувши с оборок,  
Лишь сосна не сумела одна.

*6 марта 1975. Лефортово*

Чем больше на земле людей,  
Тем меньше у людей идей.  
И нам легко предположить,  
Что можно и без них прожить.  
Хоть из того ж они ребра,  
Но не доводят до добра!  
При том друг друга вечно жрут,  
Хотя их тоже создал труд.  
Зато спасёт людей от бед  
Идея фирмы «Людоед»,  
Поскольку ест она людей,  
Носителей иных идей.  
Обычно я душою чист,  
Но по натуре оптимист.  
И верю, отправляясь в тир,  
Что на земле настанет мир.

*6 марта 1975. Лефортово*

Э.

Порой мне кажется, что я ещё живу.  
Такая чушь в мозгу заколосится,  
Что жажду утолившая страница  
Блаженство возвращает наяву!

Тогда меняется значение величин  
И ландыш равен лампе Аладдина,  
И голая дрейфующая льдина  
Подсказывает песенный зачин.

Весна морзянкою долбит осевший лёд,  
Но разве он когда-нибудь растает?!  
А ландыши на льду не вырастают,  
И это мне известно наперёд.

Порой мне кажется, что ты ещё со мной.  
Пространство сжато верой в исцеленье.  
Но радости, не ведающей тленья,  
Искусственная тень не узнаёт.

*6 марта 1975. Лефортово*

## ПЕСЕНКА О ТОСКЕ

Что-то, братцы, у меня  
Набралось в груди огня  
Больно много для себя, для одного.  
А куда девать его,  
Нет понятия моего.  
Но нельзя же и не делать ничего.

Я сдержаться не могу,  
Я кричу своему врагу:  
– Эй, тоска, а ну вали отсюда вон!  
Не бери меня в полон,  
Отойди от всех сторон,  
А не то я нанесу тебе урон!

А она в ответ молчит,  
Только зуб у ей стучит.  
Он давно уже нацелен в мой портрет.  
И силов законных нет  
Обнажить её скелет,  
Хоть хватай семизарядный пистолет!

А вчера один подлец  
Истошил меня вконец,  
Всё входил он в положение моё:  
Это вредное старьё, грит,  
Ты снеси в утильсырьё, грит,  
И получишь на бутылку за неё.

*7 марта 1975. Лефортово*

Я воспевать не стану сорняки,  
Но всё же душу мне обида вспашет,  
Когда в полях исчезнут васильки  
И не найдётся места для ромашек.

Рассудок нем, когда пирует взгляд.  
Мне щедрость поля так знакома!  
Когда с него пришельцев удалят –  
О чём споют колосья и солома.

Стерильный вид по-своему хорош,  
Хозяйскому благоприятен глазу.  
А ты своей любви не узнаёшь,  
Тоску её улавливая сразу.

Вон васильки, бродя во ржи густой,  
Ромашкам улыбаются несмело.  
Ведь сорняки. Враги. Вопрос простой,  
А поглядишь – совсем иное дело.

*8 марта 1975. Лефортово*

## НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ИВАНА-ДУРАКА

### Вступление

Не для славы – для забавы  
Про Ивана я пишу.  
Если в чём мы с ним не правы,  
Извинить меня прошу.

Просто мне необходимо  
Позабавиться в пути,  
Потому что время мимо  
Не торопится пройти.

В жизни всякое бывало.  
Я, жуя окорока,  
Рассказать бы мог немало  
Про Ивана-дурака.

А до той поры чудесной  
Расскажу лишь (хоть кому!)  
Только то, что интересно  
Мне припомнить самому.

### Сказка первая

Знаешь сказку про Ивана-дурака?  
Жил-де с братьями сварливыми, пока  
Не попал за скромность в лагерный барак  
Добрый молодец, Иванушка-дурак.  
Он увидел здесь такие чудеса,  
Что сбежал бы за зелёные леса,  
Да охрана разбежаться не даёт,  
И ни взад нельзя податься, ни вперёд.  
Я не стану вам того изображать,  
От чего Иван пытался убежать.

Ясно всем, что там дурак увидеть мог,  
Где ни разу не бывал ни царь, ни Бог!  
Ну, а тем, кому порядок не знаком,  
Нет охоты и рассказывать о том!  
Не успел он, что к чему, ещё понять,  
Стали Ваню на работу выгонять.  
Клин, кувалда да лопата – весь набор,  
А в сноровке у бедняги недобор.  
Весь в поту, долбит землю наш дурак,  
Но до нормы не дотянется никак.  
Может, вскорости и вовсе бы пропал,  
Да случайно крокодила откопал.  
Несмотря на чрезвычайно странный вид,  
Крокодил ему толково говорит:  
– «Отпусти меня, Ванюша, не губи,  
Я и так уж натерпелся тут, вглуби!  
Я ж не сам расположился на привал,  
А карась меня, злодей, заколдовал.  
Я домой к родному Нилу побегу,  
А тебе в твоей заботе помогу.  
Как прикажешь, так послушно, сей момент,  
Сам работать будет каждый инструмент».  
Ну, Иван, понятно, тут возликовал,  
Крокодила в грязный нос поцеловал,  
И отправился довольный крокодил  
Прогрызать себе дорогу в мутный Нил.  
У Ивана тут иная жизнь пошла.  
Стал творить он богатырские дела.  
Сам не делает, сердешный, ничего,  
А лопата роет землю за него.  
И траншею, скинув лагерный мундир,  
Замеряет подобрешший бригадир.  
Регулярно стал Иван ходить в ларёк,  
Получает он усиленный паёк  
И на карточке растёт его доход –  
Пару тысяч накопил дурак за год!  
Кто-то был в бригаде ловок и хитёр,



Подглядел, да и лопату ту упёр,  
Подменил её, бродяга, под шумок,  
Только сделать ничего он с ней не мог.  
Через год освободился дурень мой  
И явился беспрепятственно домой.  
Он безнравственный насвистывал мотив  
И в кармане шевелил аккредитив.  
Но когда он цифру братьям показал,  
У старшего глаз наружу вылезал.  
Пошептались, Ване крикнули: – Привет!  
В тот же вечер схлопотали по пять лет.  
А Иван-дурак один живёт в дому,  
И пока что это нравится ему.

### Сказка вторая

Расскажу другую сказку вам теперь –  
Как увёл Иван шизоидную\* дверь.  
Приключилась раз с Иванушкой беда  
(Был дурак на пятом месяце тогда).  
Как обычно, он не делал ничего,  
И лопата рыла землю за него  
(Ну, а ты, мол, не печалься, отдыхай).  
Притащил ему бутылку вертухай.  
У Иванушки характер был простой,  
И бутылка скоро сделалась пустой.  
Он лопату похвалил, отлил, зевнул,  
Крокодила добрым словом помянул.  
Но поспать ему, бедняге, не пришлось –  
Жидкий дождик промочил его насквозь.  
Брёл с работы, спотыкаясь, наш герой  
И хватался за переднего порой.  
А когда уже дошёл до зоны он,  
Спьяну вдруг ему привиделся дракон.  
Хоть и быстро победил врага дурак,  
Не попал на этот раз в родной барак.  
А попал он в изолятор на пять дней,

---

\* ШИЗО – штрафной изолятор, отсюда «шизоидная дверь».

Чтобы стал ему барак ещё родней.  
Тут, конечно, очень он затосковал  
(В изоляторе он раньше не бывал),  
Но потом уснул, свернувшись, на боку  
И приснилася царевна дураку.  
А была царевна эта высший класс,  
И годилась хоть бы каждому из нас.  
Закружилась у Ивана голова  
(Ведь она шептала всякие слова  
И смеялась, и манила на кровать...)  
Ну, Иван, конечно, кончил тосковать  
И потом не меньше трёх ночей и дней  
Думал он с глубокой радостью о ней.  
В изоляторе не жизнь, а сущий ад.  
И дурак на третью ночь был шибко рад,  
Увидав, что, поскрипев слегка замком,  
Подмигнула дверь ему своим глазком.  
За намёк Иван её благодарит,  
– Ну-ка, дверь, откройся тихо, – говорит.  
Вмиг послушно отмыкается замок,  
Чтоб дурак наш на прогулку выйти смог.  
И наружная открылась, как часы.  
А Иван лишь улыбается в усы.  
Погулял (немного даже приустал),  
Пожевал (еду из тумбочки достал).  
Ночь поспал на мягкой коечке своей,  
Да в ШИЗО к утру вернулся поскорей.  
И в течение последних двух ночей  
Испарялся он отлично без ключей.  
А когда пришли его освободить,  
Не хотел Иван без двери уходить.  
Говорит он ей: – Давай, пошли со мной,  
Вон их сколько, обойдутся без одной!  
Шёл дурак, просторным воздухом дыша,  
Ну, а дверь за ним шагала не спеша,  
И, дивясь, глядел весь лагерьный народ,  
А начальство приседало у ворот.

Так с той дверью и вломился в свой барак  
Добрый молодец, Иванушка-дурак.

### Сказка третья

Третья сказка будет слаже первых двух,  
Потому что в ней живёт медовый дух.  
А случилось так, что Ваня-дурачок  
Зацепил однажды кума на крючок.  
Кум, прослышав про Ивановы труды,  
Подкатил к нему, мол, ты туды-сюды,  
У меня, мол, есть часы на верный пуд,  
Заграничные, да штой-то не идут.  
В воскресенье, мол, домой зайди ко мне,  
Не придётся пожалеть об этом дне.  
Дома есть и подходящий инструмент,  
С этим делом ты справишься в момент.  
Ну, не стал ему перечить наш Иван,  
Хоть иной имел на воскресенье план.  
После завтрака в законный выходной  
Вывел Ваню вертухай из проходной.  
И доставил прямо куму ко двору,  
Ну, а сам побёг назад играть в буру.  
На дворе во всём хозяйственный уют.  
Куры в луже солнце весело клюют.  
Огород, конечно, тоже дразнит взгляд,  
Рядом ульи чинно выстроились в ряд.  
Кум Ивана сразу в горницу ведёт,  
Инструмент ему различный выдаёт.  
А Иван кивает важно, держит понт.  
В лучшем виде, дескать, сделаем ремонт.  
Кум отправился куда-то по делам  
Да сказал, что всё проверит после сам.  
А дурак наш не проспал и часа тут,  
Глядь, часы уже, как новые, идут.  
И услышав их густой могучий бой,  
Дочка кумова примчалась – хвост трубой.  
Остальное тоже было всё при ней,

А причёска – так уж некуда модней!  
Смотрит ласково она на дурака,  
На плечо его легла её рука,  
Грудь волнуется, и взгляд её горит.  
– Ах, какой Вы чудный мастер! – говорит.  
Тут, конечно, наш дурак, ловя момент,  
Быстро вынул надлежащий инструмент  
И закрыл свою одежду на засов,  
Лишь когда раздался снова бой часов.  
Скоро прибыл и хозяин – хмурый кум,  
Почерневший от своих тяжёлых дум.  
Он пижаму полосатую надел  
И придирчиво работу оглядел.  
Но, поскольку в ней изъянов не нашёл,  
То сказал, что, дескать, ладно, хорошо.  
Натурально, даже кумова жена  
Мастерством его была поражена!  
Ну, о дочке и не стоит говорить –  
До отказа Ваня дал ей прикурить!  
А когда семейство кума село есть,  
И Ивану оказали эту честь.  
Только он в отдельной комнате сидел  
И картошку с огурцом от пуза ел.  
А оттуда, где семья сидит рядком,  
Пахнет рыбкою, курятиной, медком!  
Дух медовый дурака вконец добил  
(Почему-то он ужасно мёд любил!) –  
После, вышедши на двор для разных дел,  
Тачку старую Ванюша углядел.  
И приказ даёт (видать, попутал бес!)  
Ровно в полночь увезти все ульи в лес.  
В понедельник был большой переполох:  
Кто-то ночью ульи кума уволок.  
Хоть не тронули Ивана моего,  
Больше кум к себе домой не звал его.

*8–9 марта 1975. Лефортово*

## МАСКА

Она упрямо вклинивалась меж.  
И утверждала вихри совмещенья,  
В безумии зияющая брешь,  
Трагическая маска всепрощенья.

Абстрактные миры сметала прочь,  
Искусственные язвы выжигала,  
На рубежах удерживала ночь,  
И у змеи выдёргивала жало.

Она стеснялась мудрости своей,  
Она не знала, что такое сила,  
Но ярость приносила жертву ей,  
И зло её о милости просило.

Но след к ней заметала лебеда,  
Ей слишком редко люди знали цену.  
А что под ней таится, никогда  
Не выйдет беззащитное на сцену.

*9 марта 1975. Лефортово*

## ВЕСНА

Стекая с марта и бросаясь к маю,  
Через апрель струит сквозной поток...  
Я все её уловки с детства знаю,  
А всё шепчу: – И мне, и мне глоток!

Глоток – и вмиг зазеленели годы,  
Рассыпалась прозрачная стена.  
Грядущим захлебнувшиеся воды  
Усохшие стирают имена.

Всё заново, и словно всё впервые.  
Травой забвенья память заросла.  
Подхватят лодку воды огневые,  
И ни руля не надо, ни весла.

*10 марта 1975. Лефортово*

Я вдруг увидел прошлое своё  
Загромождённым непотребным хламом,  
Где всюду паутина липнет к рамам,  
Где рухлядь заболотила жильё.

О, сколько же безжизненных вещей,  
Смещений, сопряжений, искажений,  
Сошедших за победы поражений  
Мне надарил божественный Кощей.

Непросто тут порядок навести,  
Размусорить наплыв десятилетий,  
Где ходит по канату кто-то третий,  
С которым нам давно не по пути.

Всё лишнее из прошлого убрать  
Во славу братства воздуха и света  
И встретить словом вешнего привета  
Грядущих гроз воинственную рать.

*11 марта 1975. Лефортово*

Э.

Я был неистребимо травояден,  
Млекопитаньем тяжело удручён,  
И по ночам, умаявшийся за день,  
Пытал тоску неведомо о чём.

С девицами, от робости тупея,  
Я в сферах платонических витал.  
И каждая любовная затея  
Печаль струила в мой полуподвал.

Я убегал в тишайший угол сада,  
Где гнулись ветви от созревших звёзд,  
И здесь, таясь, ждала меня засада  
И пустота вставала в полный рост.

Я исчезал под книжным переплётом,  
Бродил, забывшись, по тропинкам строк  
И возвращался сгорбленным илотом  
В далёкий мир безжизненных дорог.

А в это время ты уже дышала,  
Косичками притягивала свет,  
И будущее молча вопрошала,  
Хотя в самой себе несла ответ.

И были взгляды не по-детски строги,  
И ты страшилась в лабиринт войти...  
Кто знал тогда, что наши две дороги –  
Лишь разветвление одного пути?!

Кто знал тогда, что впереди разлука  
С трясинной затаившихся болот,



Что старая, развесистая мўка  
Флодов не даст и в урожайный год?!

Менялось всё: предметов очертанья,  
Пейзаж, расположение светил.  
И песня, овладевшая гортанью,  
Прорвалась в мир, что ей же дань платил.

Двенадцать лет, двенадцать зим и вёсен!  
И каждый год сплетал для нас венок;  
Двенадцать раз нас осеняла осень  
И рассыпала золото у ног!

Но жизнь опять призвала на экзамен,  
Чтоб испытать, чего достойны мы.  
Прольёт ли свет у нас перед глазами,  
Вернёт ли солнце, взятое взаймы?

*12 марта 1975. Лефортово*

## ЛАСКОВАЯ ПЕСНЯ

Э.

Милая моя, бесповоротная,  
Ты одна теперь со мной осталась.  
Да печаль надёжная, добротная  
Мостиком легла в глухую старость.

Горлинка моя, чудесноглазая,  
Прошлое яснее понемногу.  
Было в жизни дорого мне разное –  
Лишь тебя одну беру в дорогу.

Горькая моя, неизъяснимая,  
Мне покоя не видать отныне.  
Подарил тебе лихую зиму я,  
Да и лето с привкусом полыни.

Умница моя благословенная,  
Хрупкая мерцающая льдинка,  
Нам с тобою вскорости, наверное,  
Впору будет шапка-невидимка.

Вечная моя, произвольная,  
Что мне делать со своей виною?  
Целый мир живой спалил невольно я,  
А теперь на пепелище вою.

Звёздочка моя неугасимая,  
Я не стану прошлое тревожить.  
Впереди заветное, красивое  
Что-то мы найдём ещё, быть может.

*13 марта 1975. Лефортово*

## В ЭВАКУАЦИИ

Где-то под Алма-Атою,  
Над колхозом Кызыл-ту  
Ветры кружатся и воют,  
Набирая высоту.

Дремлет чуткая равнина,  
Горы горбятся вдали.  
Белизной густой хранима,  
Нерушима плоть земли.

Но весна, порядок зная,  
Скоро свергнет стужи гнёт,  
И курай, трава степная,  
Солнца тёплого глотнёт.

Степь суровый вид изменит,  
Колыхнётся в берегах;  
Будут ласковые змеи  
Спины греть на бугорках.

Здесь когда-то разместился  
Интернатский шумный смех.  
Шла война. Вокруг светился  
Без кровинки мирный снег.

*13 марта 1975. Лефортово*

Э.

Да, всё чудесно вышло, чёрт возьми!  
Мы скоро станем славными людьми,  
Соседи будут в гости к нам ходить  
И мы рискнём чего-нибудь родить.  
Нам телевизор – хитроумный бес  
Откроет мир волнующих чудес.  
Всё будет просто, ясно, как бульон,  
Мы новое вино в мехи нальём,  
Наполним чаши – за глотком глоток  
Польётся с милым плеском в хоботок.  
Нас посетят заботливые сны,  
Нас приласкают прелести весны,  
И в душах станет явственно слышна  
Огромная пустая тишина.  
А что за старость у причала ждёт,  
Приплясывая задом наперёд!  
Так вступим же смелей на этот путь!  
(Не поскользнуться б только как-нибудь!)

*13 марта 1975. Лефортово*

Я сел на своего конька  
И долго не слезал.  
Внизу мотались облака  
На колокольнях скал.

Моря разбрызгивали свет,  
Дробя лучи волной,  
Осколки допотопных лет  
Кружились подо мной.

Развёртывалась кутерьма  
Баталий и пиров.  
Бродила по домам чума,  
Таская трупы в ров.

Горели ведьмы на кострах,  
Забыв про ведовство, –  
Мужья, испытывая страх,  
Блюли своё вдовство.

Отцов глушили сыновья,  
Облюбовавши трон.  
В моря народные кровя  
Текли со всех сторон.

И душегубцы-глухари  
Плясали по дворцам,  
Хотя сияние зари  
Клеймило ихний срам.

Я в том увидел добрый знак,  
Мир прошлого – гумно.  
А будущее как-никак  
Пока ещё темно.

*13 марта 1975. Лефортово*

## СОН

Э.

Ограбленный дотла, в лодчонке утлой  
Плыву  
И вижу всё, как наяву;  
Упруго разворачиваю утро,  
Взлетаю на волну,  
Иду ко дну  
И слышу голоса из преисподней:  
– Спеши, спеши! Не лучше ли сегодня?  
Нет, ничего ещё не решено!  
Плыву,  
Пересекаю синеву.  
Несут пшено...  
Ну, всё, как наяву!  
Открытый настезь день  
Проветривает свет.  
Мне шевельнуться лень.  
Куда исчезла тень?  
А, солнца в небе нет...  
Голубизна приподнятая есть,  
В голубизне нерукотворный свет,  
А солнца нет.  
Разносят волны весть...

*14 марта 1975. Лефортово*

## ГЛУБОКОМЫСЛЕННАЯ БОЛТОВНЯ

*(Перед поездкой в Институт Сербского)*

Природа вдохновения не ясна мне,  
Хотя плоды его красноречивы.  
Оставил сочный след резец на камне,  
Он именно таков не без причины.

Художник сочетал с мечтою камень,  
И в этом браке нечто народилось.  
Он, вроде, оживил его руками –  
На самом деле здесь душа трудилась.

Ещё одно чудное сочетание:  
Труд и душа, душевная работа...  
Но ведь не руки оставляют в камне  
То, что в себе носил годами кто-то!

Носил, пока не выплеснул наружу  
В блаженный миг восторженного мщенья.  
Так вдохновенье где-то рядом кружит,  
Подготавливая чудо воплощенья.

*15 марта 1975. Лефортово*

Дни идут гуськом, вперевалочку,  
Выйду я, присяду на лавочку,  
Подышу заботливым воздухом,  
Поболтаю с сереньким козликком.  
Всё вокруг родное, знакомое,  
Что в лесу, что в клубе – как дома я.  
На душе такое безмолвие!  
Не поймёшь, где гром, а где молния;  
Не видать, где туча, где облако  
По причине смутного облика.  
А в газете новости прежние –  
Кризисы кругом зарубежные.  
Ну, у нас-то всё, как положено –  
Жисть на достиженья помножена.  
Телевизор есть и махорочка,  
Маслицем намазана корочка.  
Потребляй товар-продовольствие,  
Получай своё удовольствие!  
Дни идут гуськом, вперевалочку,  
А пройдут, назад не воротятся.  
Палочку б найти, выручалочку:  
Выручить кого-нибудь хочется!

*16 марта 1975. Лефортово*



## АРХАИЧЕСКОЕ

Э.

Она явилась из волны прибрежной,  
Стесняясь невесомости своей.  
Душе её и замкнутой, и нежной  
Хотелось в тело прорасти скорей;

Касалась жизни лёгкими перстами,  
Памя в разливе траурных лучей.  
Когда лучи сиять переставали,  
Сияла глубина её очей.

Не всё земное, зримое – телесно.  
Одно лишь пламя чистоту хранит.  
Душе в холодном теле стало тесно  
И отлетело пламя от ланит.

О, повседневность – мельница святого,  
Я твоего помола не приму!  
Для новой встречи в доме всё готово,  
И ночь прильнула к сердцу моему.

*16 марта 1975. Лефортово*

## ФИНАЛ

Прекращу дозволенные речи,  
Сказочные судьбы оборву,  
По ветру пушу бывшие встречи,  
С корнем вырву хилую траву;

Праздничные будни позабуду,  
Выжгу это месиво дотла,  
Выкину разбитую посуду,  
Всё верну, что музыка дала.

С яростью затравленного зверя  
Буду скалить жёлтые клыки,  
А прибьют – невелика потеря!  
Вознесут меня мои грехи.

Выветрит их ангел наизнанку,  
Сдует с них благоговейно пыль...  
Подменила как-то спозаранку  
Сказку заколдованная быль.

*17 марта 1975. Лефортово*

## БЛАГОДАРИЮ...

Нет, нет, не уподоблюсь я Иову!  
Мне богохульство вовсе не к лицу.  
Приблизившись к божественному слову,  
Я окунаю хоботок в пыльцу.

На толпы неудачников с тревогой  
Сочувственно гляжу со стороны  
И ухожу зеркальной дорогой  
В дремучее приволье старины.

Благодарю за всходы отвращения  
К тысячелетию, что грядёт в дыму;  
Благодарю за полный курс лечения,  
За всё, что до конца ещё пойму.

За то, что в мир трагедии не муза,  
А жизнь сама, скорбя, меня ввела,  
За бескорыстие гордого союза,  
Связавшего и души и тела!

*17 марта 1975. Лефортово*

Э.

Из тигля вытекла слепящая струя  
Никем не предусмотренного сплава.  
Он изливался, Божий мир кроя,  
И позади потом кипела лава.

А сам он был холодным, словно ртуть,  
Стремительным и самоуглублённым.  
Он скрылся в море, но остался путь,  
Безжизненный, не тронутый зелёным.

Его и ныне сторонится зверь.  
И птица на него не приземлится.  
Он манит, как таинственная дверь,  
Которую тоска открыть стремится.

*18 марта 1975. Лефортово*

## ПЕСНЯ С ВЕТЕРКОМ

Постучал ко мне в окно Ветерок,  
Тихо шепчет: – Соберайся – и в путь!  
Выбирай себе одну из дорог,  
Да меня с собою взять не забудь!

А весна ополоснула зарю  
В молодой купели пенистых вод  
И в ответ я Ветерку говорю:  
– Обожди меня, дружок, у ворот!

Собираться мне недолго, поверь,  
Только сброшу я тревогу и грусть.  
Распахну легко скрипящую дверь  
И в редеющий туман окунусь.

Ждут на озере меня и в лесу,  
Звёзды ждут меня и ландыши ждут.  
Всё любимое в душе унесу –  
Остальное пусть останется тут.

Эту песню подарю я реке  
И не вспомню я в пути ни о ком.  
Надо выйти поутру налегке,  
Чтобы землю обойти с Ветерком.

*20 марта 1975. Лефортово*

## ХОРОШО!

Хорошо не думать ни о чём.  
Хорошо иметь замок с ключом.  
Мысли на замок запрёшь, а ключ  
Обменяешь на заблудший луч.  
И на нём блаженно воспаришь  
В мягко округлившуюся тишь.  
Вытолкнул открывшийся засов  
Бестолочь протёртых голосов,  
И опять густая тишина  
Признаков движенья лишена.  
Никакой досадной суеты,  
Да и сам ты – будто бы не ты,  
Потребляя ласковую тишь,  
Куколкою в коконе лежишь.  
На какой-то безразмерный срок  
Не видать ни тропок, ни дорог,  
Лишь одна сплошная целина,  
Та, что, наконец, оценена.  
Полусон, безжизненный покой,  
Весь до дна безумно не такой.  
Как же цепко он меня схватил,  
Этот мир без ветра и светил!  
Хорошо не думать ни о чём,  
Жизнь и смерть замкнув одним ключом.

*21 марта 1975. Лефортово*

*О. Мандельштаму*

Не оброни меня – оборони,  
Бессонная весенняя тревога,  
Яви же лик отверженного Бога,  
Того, что мне теперь вдвойне сродни!

Озвучивая память осторожно,  
В один пучок свяжи лучи дорог,  
Чтоб я сумел использовать урок  
В своей последней жизни подорожной.

Опреди меня, предупреди  
О родниках, отравленных страстями,  
О воронье, грустящем над костями  
У поворота мира, впереди.

На облаках вычерчивая знаки,  
Не оставляй следа в густой пыли.  
А лучше смажь, пока мираж вдали.  
Скажи, что там, на родине, в Итаке?..

*22 марта 1975. Лефортово*

*Марш*

Ничего не сказала,  
Только властно кивнула;  
От столба отвязала  
Разомлевшего мула.

Пыль взлетела лениво  
И окутала травы.  
Скрылась гостя за ивой,  
Где-то у переправы.

Тишина утверждала  
Самовластье покоя  
И легко побеждала  
Души с помощью зноя.

И хотелось разрушить  
Полусна отраженье,  
Чтобы мысли и души  
Вышли из окруженья;

Чтоб венчали колосья  
Рёв девятого вала.  
Не напрасно ведь гостя  
У меня побывала!

*23 апреля 1975. Лефортово*



## ИЗ ПУШКИНСКОГО ЦИКЛА

### 1. Читая Пушкина в издании «Просвещение»

Глаза от Пушкина устали,  
Мне «Просвещение» вредит.  
От шрифта чахнет аппетит  
И мысли гнуться перестали.

И всё же кельи душный вид  
Утратил свой характер низкий.  
Заря словесности российской  
Воображение живит.

Я в письмах пушкинских гуляю,  
Тревожу тени тополей;  
Дорожки праздничных аллей  
К невольным будням примеряю.

Кавказа поднебесный блеск...  
Санкт-Петербургские заботы...  
Мир неподдельной позолоты –  
Творец отравленных чудес!

### 2

Пушкин, о чём ты?  
Неужто жизнь горька?  
Строфы прочёл ты  
И падает рука.

Липкие нити  
Нависли надо лбом:  
Ангел-хранитель  
В мундире голубом!

Вестников славы,  
Спешащих на парад,  
Ворон двуглавый  
Пугает невпопад.

Царь благосклонно  
Кивает, как пажу:  
– Милость условна.  
Зарвёшься – накажу!

Знай своё место  
Да бредни позабудь!  
Нам ведь известно,  
Что не в хореях суть!

Будешь послушен –  
Пожалуйста, пиши!  
Мы же не душим  
Возвышенность души!..

Пушкин, куда ты?  
Там скалится Дантес!  
Битые даты,  
Пиковый интерес...

### 3. В последний раз

Уже тревоги нестерпим накал.  
Разъела стены чёрная проказа.  
А Пушкин с увлечением читал  
Отменную «Историю в рассказах».

Потом писал Ишимовой письмо,  
Готовя матерьялы для журнала.  
В последний раз, не ведая того,  
Рука перо послушное держала.

В последний раз... Всего десяток строк,  
Но искренних и лестных чрезвычайно.  
Дуэль. Скандал... Он неплохой стрелок...  
Для Натали пока всё это тайна.

Он подошёл к столу, взглянул в окно,  
Сжал кулаки, упрямо брови сдвинул.  
Не Ленский он. Да что там, всё равно,  
Теперь уже не удержать лавину!

Нацелен в сердце ядовитый лист.  
Событий ход не повернуть обратно.

.....  
Был в поле снег ещё слепяще чист  
И животворной кровью не запятнан.

*26 апреля – 6 мая 1975. Лефортово*

## ЮБИЛЕЙНОЕ (1825–1975)

Николай на лошади – пар из-под руки.  
На Сенатской площади замерли полки.  
Эполет сумятица. Траурный парад.  
Солнце ль в небо катится, звёзды ли горят?..  
Никому не ведомо, кто судьбу ведёт.  
То ли дело предано, то ли царь падёт.  
Но на рать мятежную сыплется шрапнель.  
В пыль осела снежную серая шинель.  
«Думы» не обмолвятся песнями былин.  
Не для добрых молодцев злобный рavelин!  
В казематы узкие просочился страх.  
Бруты петербургские ёжатся в цепях.  
Не слышны овации трагикам в тюрьме.  
Тонут декорации в нервной кутерьме.  
Кем они расписаны, вызнать не берусь.  
Дремлет за кулисами Разинская Русь.

*23 июня 1975. Лефортово*

ИЗ ЦИКЛА «НАЕДИНЕ С ПУШКИНЫМ»

Ну, что, брат Пушкин, как говаривал  
достопочтенный Хлестаков,  
легко ль хлебать густое варево  
прекраснодушных простаков?  
О, эти горе-благодетели,  
вольнлюбивых грёз жрецы!  
И смех и грех, брат! Ну, не дети ли  
российских вольностей отцы?!  
Пылали души благородные  
всеочищающим огнём.  
(Вот-вот страдания народные  
сгорят беспрекословно в нём!)  
Да воссияет вожделенная  
порфиросная заря,  
чтобы могла мечта нетленная  
спасти державу от царя!  
Свершилось. Зарево багровое  
перепыхало Русь до дна,  
и гордой жизни правда новая  
всей человечности видна.  
Нас мимоходом покалечило.  
За ваши нам платить грехи...  
Ну, что ж, брат Пушкин, делать нечего,  
осталось лишь писать стихи.

*24 июня 1975. Лефортово*

## ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Дружен смех с моим карандашом,  
я плоды червивые ищу.  
Чтобы видеть малое в большом,  
глазу нужен снайперский прищур.

Лечит смех и убивает смех,  
он приносит свет во тьму всегда,  
доберётся карандаш до тех,  
до кого не добралась беда!

В кабинеты он любые вхож,  
беспощадно видит он во тьме.  
Он святош блудливых и вельмож  
на расправу волокёт ко мне.

Бой веду во имя Доброты,  
суд во имя радости творю.  
Чтобы увидали и кроты  
правдой окрылённую зарю...

*26 июня 1975. Лефортово*

## В ПУТИ

Пляшут шпалы под колёсами,  
рвутся с треском облака;  
над озёрами раскосыми  
реет времени река.

Как воздушный шар на ниточке,  
вьётся солнце в синеве  
и леса ажурной выточки  
хороводят по траве.

Нам, отбрасывая лишнее,  
берег надо отыскать,  
чтобы лето забродившее  
невзначай не расплескать.

*30 июня 1975. Лефортово*

*Александру Солженицыну*

Рады были б искрошить –  
Видно, не с руки!  
Рады были б задушить –  
Руки коротки!

Оглушили клеветой,  
Натравили псов.  
Только нрав его крутой  
Сбил дверной засов.

Разожгли уже костёр,  
Да без лишних слов  
Голос вышел на простор  
В мир больших ветров.

Совесьть яростная в нём  
Силу обрела.  
Правду горькую огнём  
Не спалить дотла!

Не в пустыне скорбный глас –  
Городской набат!  
Отчего же ранит нас  
Неподкупный взгляд?

*Июнь 1975. Лефортово*



Забить себя... И всё начать с нуля...  
А что на это скажет мне Земля?  
А как мне с телом обнищавшим быть?  
Такой ли уж пустяк – себя забыть?!  
Нет, нет! Я остаюсь самим собой,  
Обогащённый каторжной судьбой!

*Июнь 1975. Лефортово*

## ХРЕСТОМАТИЙНОЕ

Гнилое настроение  
Простёрто надо мной.  
Гляжу я на строение,  
Пронизанное мглой.

Не здесь ли укрощается  
Свихнувшаяся Русь,  
Что с удалью прощается  
Припрятывая грусть?

Всё сбудется, всё стерпится;  
Всё выдержит сосуд.  
Ведь в нём надежда теплится  
На неподвластный суд!

*Июнь 1975. Лефортово*

## ЛЕФОРТОВСКИЕ ТЕТРАДИ

Хоть я Воскресения ради  
немало поёрничал тут,  
когда-нибудь эти тетради  
в музее покой обретут.

Они до хребта пропитались  
Любовью и Верой моей;  
они помогать мне пытались  
пройти через пропасти дней.

Моя в них гнездится усмешка,  
мой взгляд в полумрак заключён.  
И дверь в это царство, конечно,  
замкнута тяжёлым ключом.

Мне школьные эти тетради  
дороже заветных томов,  
что замерли, как на параде,  
в тиши заповедных домов.

Вселенная в них уместилась  
во всём постоянстве своём.  
Великая выпала милость  
листам, опалённым огнём!

Здесь плавился жизни огарок;  
здесь память запруды рвала,  
вручая богини подарок –  
два нерасторжимых крыла.

И снег здесь, и ветер, и дождик  
оставили явственный след.  
По этим тетрадам художник  
душевный напишет портрет.

*Июнь 1975. Лефортово*

## КОНЕЦ СКАЗКИ

Э.

Нас разлучили. Разлучили?! Нас?!  
Да это смерти только и под силу!  
Но ты ещё об этом не просила,  
когда они вошли в недобрый час.

Был дом. Жар-птица обитала в нём.  
И люди приходили подивиться  
на дом, где настоящая Жар-птица  
играла легкомысленно с огнём.

Нам было слишком хорошо втроём,  
но и друзей мы радостно встречали.  
И то, что поражало их вначале,  
естественным казалось им потом.

Как посреди свиарника возник  
тот сказочный мирок нерукотворный,  
своей парадоксальностью притворной  
в смятенье приводивший груды книг?

В твоих глазах, порой, мелькал ответ,  
мои стихи – прозрачный ключ к ответу.  
...Они вошли, и тьма прильнула к свету.  
И дома больше нет, и сказки нет.

*2 июля 1975. Лефортово*

## ГИМН

О, музыка, ты жизни первоцвет!  
А тишина – лишь поле, на котором  
незримо зреют тёплые ростки,  
чтоб наши души озарить восторгом  
и землю с небом вновь соединить.  
Да, из произвольной тишины  
певучие созвучья возникают,  
а шум враждебен музыке и жизни  
всей жалкой обнажённостью своей.  
Лишь музыка венчает свет и мрак,  
и нам несут, смягчая наши муки,  
кристаллы духа, реющие звуки  
намёк на счастье, постиженья знак.  
Пока ты слышишь музыку – паришь,  
вселенной беспредельною владея,  
и время, и пространство, и бессмертье –  
всё в музыке живой воплощено.  
Она одна творит преображенье.  
Но только человек способен вдруг  
отлить ему дарованные звуки  
в глубокие единственные формы  
и насладиться прелестью творенья,  
и воспарить легко. Его душа –  
чудесное, тончайшее устройство  
для звуковой окраски бытия.  
А смерть – всего лишь с музыкой прощанье,  
и мысль об этом производит шум.

*Июль 1975. Лефортово*

## ПЕРЕЛИВЫ

Эоловой арфы вздох  
колеблет Селены свет.  
Где нимфа топтала мох,  
остался невнятный след.

Богов и героев сны  
рельеф облаков кроют,  
и горный поток весны  
в нектар добавляет яд.

Вглядишься – и мир воскрес,  
что так от тебя далёк!  
Юпитер сошёл с небес  
и в песню рефреном лёг.

*Июль 1975. Лефортово*

Сам для себя наглядное пособие,  
Я постигаю жизни светотень,  
И по строке струится тёплый день –  
Непостижимой вечности подобие.

Всё чаще я, о времени скорбя  
(Все три его отведав измерения),  
Гублю в себе зародыши смирения  
И проверяю яростью себя.

Потом опять апатии наплыв  
Смывает все бунтарские излишества,  
И тишина божественная слышится,  
В преображенье двери приоткрыв.

*Июль 1975. Лефортово*

*Памяти Вячеслава Иванова*

Глядеть на Петербург из Рима  
Сквозь даль небытия...  
Минувшее всё так же зримо  
Течёт, судьбу тая.

Неотразимая влюблённость  
Доверчиво чиста.  
Но эллинская просветлённость  
Туманит лик Христа.

Оставив плоть влачить вериги,  
Уходит в книги дух.  
И вечности, мелькнувшей в миге,  
Всё так же воздух сух.

*Июль 1975. Лефортово*



## АТЕИСТИЧЕСКОЕ

Пути земные. Миражи небесные.  
Игра неотшлифованных страстей...  
Меняют величины неизвестные  
Ветхозаветный график скоростей.

И происходят странные смещения,  
И карусель не признаёт оси,  
И радуга линяет от смущения,  
Хотя она еси на небеси!

Пускай же блохи вечность прогнозируют.  
Их вдохновит живительный бальзам.  
А нам бряцать секирою и лирою,  
Поскольку вечность отказала нам.

*Июль 1975. Лефортово*

## НОВОСТРОЙКА

### 1

Ухрюкав день до ты – оглядь – не – ты,  
перегребу ночную светловицу  
и хвостовищем сроки дурноты  
переметну, а пустошь переспится.

На лежнике распнутство сотворя,  
грабастый мир загряз в мордвороте.  
Тряпцо трепало зря дыхло от плоти,  
но трудни захребтованы не зря!

И необлазь наземной пестрины  
засеменится червием и тлєю.  
А я по-ка-пле-вал ужопный срою,  
хотьми гребки бессытные срамны.

### 2

Набрюхали похлѣбчатый завар,  
нюхлом сгребли зарѣванную ясень.  
Обрѣв рогачий одурень зарвал,  
в охрюпчатую вытрубив напрасень.

На вытрав росохладень вперескачь  
Убрыкалась пасучья разноскотось  
глазучую овечатую кротось  
козлобаранда драчит враскорячь.

Бия пчелом цветенчика услад,  
стрекочется деньская горловина,  
а где-бысь лозь выбулькивает вина  
под черномордой волновы рулад.

## 3

За люблики червонно не заплачь.  
 Ведь нищетать одухлая глумлица!  
 Бессилки в вломком ящике означь  
 И пусточка за душкой загнездится.

Уписывая стихой не про сись,  
 захерь и благобращные служеты.  
 Чиликай маочето могилеты  
 и поспевай разряд куда-то высь.

Мими себе усвойчудную крию  
 с волчком живча заволчато подвой,  
 чтоб светлину не вычернил конвой,  
 и гавк не был сподобен буди змию.

## 4

В углядку хрясть и волокнуть торопъ.  
 Наказ пятиалтынно допредел.  
 Оголодать и знобно дробь и дробь,  
 чтоб зубощёлк зверее впередел.

Тоскун угрыз и горечно, увы.  
 А кусоклоп пощадки да и нет.  
 Где бесодом и бурно то не вы  
 а карка минет – рылка ходоблед.

Химичит судно шустерно метуй.  
 Наказки сразом кинуто невпуть  
 и случкиной упрятки колотуй  
 колючит невезумно так-нибудь.

## 5

Ублюка уха по утрянке хряп.  
 Успешкой выхлеб и засечку жор.  
 Карманишь с ложкой облизуя кляп,  
 И стройно шлёпах трапать рубежом.

Потомки пятки выводок в развод.  
Считать свирепку воплит матереть.  
С канвой медлинно толпик заворот.  
И в поимёнку всячинку призреть.

Рабсильно биржик тех на руку кусь!  
Забудки погорелки да древес.  
Как даже я в обратку завернись,  
потараканю завизжай залес.

6

Протараканил день гитары бряк  
в подснежья мысля ползики уклопно.  
Затискан стиль баракко коеккак,  
затмило в дым окошку волоокна.

Пяти ох, лет кастратосферный бум,  
тваря и всеклезетно восседая,  
утюжит бровно выпульки дум-дум,  
ан изполгробья гневит грусть святая.

Бри гадин дух утробит за душой.  
В обрат ракетки ноне самолётки  
чело не битно охмурил старшой.  
Джапанцы вымя ралли ущекотки.

О, день раз день свинарий комбибыт!  
Упей себя в упор, но незабудкой  
кому настичь, но перекиська рыт?!  
А мы то чис то веселя мишуткой.

*Июль 1975 – октябрь 1976. Лефортово – Вежайка*

## ЗВЁЗДНАЯ ФАНТАЗИЯ

Что мне делать остаётся?  
Уплатив дракону мзду,  
Я ищу на дне колодца  
Затонувшую звезду.

Без неё дыра в созвездье  
Дышит холодом в ночи.  
Заперт мир в межзвёздной бездне,  
В Лету брошены ключи.

Романтические бредни,  
Медоносный ералаш...  
Я нашёл звезду намедни,  
Только профиль в ней не наш.

*7 сентября 1975. Лефортово*

## ПАМЯТИ ЛЕФОРТА

Есть во вселенной камера такая,  
где очень славно пишутся стихи;  
где тьма, тебя к бессмертию толкая,  
сплавляет в нимб все смертные грехи.

Есть уголок в космических просторах,  
где, отрешённый от мирских забот,  
колдуешь ты, изобретая порох,  
который самого тебя взорвёт.

Но счастлив тот, кто, обретя свободу  
в тиши безликой каменной норы,  
уже не ищет в океане броду,  
вернув данайцам щедрые дары.

*10 сентября 1975. Лефортово*

## ПЕРЕДАЧА (ПОСЛЕДНИЙ ЛЕФОРТОВСКИЙ)

### *Сонет*

Э.

В плетёной синтетической корзине  
Мне принесли прощальный твой привет.  
Был этот праздник данью Мнемозине,  
Которой до еды и дела нет.

Однако в наши дни дары природы  
Особый вес имеют как-никак,  
И каждый вкусовых эмоций знак  
Достоин лавров, не сонета – оды!

Он вызывает мыслей хоровод  
И поглощает отзвуки печали,  
И вдохновенье за собой ведёт,  
Что натошак упрямилось вначале.

Но жаль, что сей нерукотворный свет  
Лишь этот хилый породил сонет.

*11 сентября 1975. Лефортово*

## МОГИЛЕТЫ

... но тень сопровождает свет.  
Где тени нет, там света нет!

—

Я здесь лежу. Тут всё моё.  
А жизнь... смердел я на неё.

—

Поэт, воспой меня,  
Прославься, так и быть.  
Ведь из воды и я  
Огонь мечтал добыть.

—

Я разлучён с душой. Разлука тяжела,  
Хотя душа одной враждой ко мне жила.

—

Кто плачет над моей могилой?  
А, враг... присядь... спасибо, милый.

—

Я в замке жил. Сменил его на склеп  
(Кто разницы не видит – просто слеп!)  
А в замке привиденьем я служу  
И в этом утешенье нахожу.

—

Лежу с тобой в разлуке, милый брат.  
Тебя обнять я был бы очень рад.



—  
Наследники, не плачьте лицемерно.  
Вот если я воскресну, дело скверно!

—  
Не верьте никому. Меня здесь нет.  
Здесь только развалившийся скелет.  
А сам я далеко от этих мест.  
Прохожий, можешь унести мой крест.

—  
Прожил всю жизнь в почёте, на виду.  
А как он там устроился, в Аду?

—  
Я мёртв, но память обо мне живёт.  
Недурно, а нельзя ль наоборот?

—  
Он без вина и дня не мог прожить.  
Пришлось и в гроб чекушку положить.

—  
Здесь похоронен славный полководец.  
Он за три дня угробил свой народец.

—  
Здесь покоритель ста земель лежит.  
Ему дубовый гроб принадлежит.

—  
Прохожий, видишь, сколько тут крестов?  
На каждом надпись: Хватит! Нет местов!

—  
Вот близнецы. С рожденья были хилы.  
Как умереть у них хватило силы?!

—  
Не искушай терпение Господне.  
Не жди до завтра. Помирай сегодня!

—  
Здесь похоронен милицейский чин.  
Хамелеон. Из мнимых величин.

—  
После смерти рад вдвойне я другу.  
Сядь сюда, поближе, дорогой.  
Выпьем за твою, кацо, супругу.  
Дай-ка рог. Себе оставь другой!

—  
Сограждане! Я помер от спиртного  
(Когда б воскрес, всё повторил бы снова!)

—  
Все люди пользу приносить должны.  
Как хорошо, что мы земле нужны!

—  
Он поражал величием души,  
А сам был поражён известьем ложным.  
Незрима грань между простым и сложным,  
Но розы на его могиле хороши.

—  
Да, смертно тело, а бессмертен дух.  
Ну, как тут выбирать одно из двух?!

—  
Напрасно наши женщины рожают —  
Могильные участки дорожают.

—  
День похорон мужа был единственным  
светлым днём в её жизни.

—  
Покинул он легко юдоль печали,  
А не хотел ведь покидать вначале!

—  
Тут спит один из близнецов.  
Который – неизвестно.  
Они ведь за одно лицо  
Сходили повсеместно.  
А жены до густых седин  
Рыдают, громко воя.  
Хоть умер, в сущности, один,  
Исчезли сразу двое.

—  
Отгачиваю зубы, когти, жало...  
Пожалуй, обойдусь и без кинжала!

—  
Глаголом жгли сердца людей! –  
Извольте убедиться:  
Всё выжгли! А взамен идей –  
посеяна пшеница.

—  
Потомки! Я пытался вас развлечь,  
Готовясь в гроб с улыбкой светлой лечь.  
Одно меня серьёзно беспокоит –  
Что выбрать: холодильник или печь?

*Апрель – июль 1975. Лефортово*

## ДУРАКИ

*Всем, кто их полюбит, радостно посвящаю.*

Повстречал дурака дурак.  
Покраснел, как варёный рак.  
Что-то хочет дурак сказать,  
Но не в силах двух слов связать.  
Коченеет во рту язык,  
Что к покою, видать, привык.  
Как телёнок дурак мычит.  
А другой, вообще, молчит.  
Друг на друга они глядят –  
Натыкается взгляд на взгляд,  
Улыбается каждый так,  
Что понятно: не он дурак.  
Ковыряя песок ногой,  
Постояли часок-другой.  
Увлечённый такой игрой,  
Размычался и тот, второй.  
Так, во взглядах сойдясь во всём,  
Помычали о том о сём.  
Не любили ни ссор, ни драк  
Ни один, ни другой дурак.  
Но у голода свой резон  
И, когда объявился он,  
Стало ясно (и враз двоим!),  
Что пора расставаться им.  
Одуревший от умных дел,  
Я с тоской им вслед глядел,  
Хоть понять и не мог никак,  
Что мычал дураку дурак!

*Сентябрь 1975. Вежайка\**

---

\* С сентября 1975 г. по январь 1977 г. автор отбывал срок в лагере КЛ-400 в посёлке Вежайка Усть-Вымского района Коми АССР, откуда в письмах посылал стихи.

## ПРИЛОЖЕНИЕ К «ДУРАКАМ»

Нет сегодня ни тоски, ни оков:  
Я сегодня написал «Дураков»!  
Перечитываю их и смеюсь.  
Не беда, что в дураках остаюсь.  
Хоть причин для торжества, вроде, нет,  
Разливается в душе мягкий свет.  
Я люблюсь на своих дураков  
И собой люблюсь: вот я каков!  
До чего же дураки хороши!  
Я их дурью наградил от души.  
Презирать нам дураков не с руки.  
Всяк по-своему – мы все дураки.  
А мои – до умиленья милы  
И потребности их дивно малы,  
Безобидны дураки и добры.  
Мир для них лишь матерьял для игры.  
Жить бы век среди таких дураков...  
Очень жаль, что весь приплод не таков!

*Сентябрь 1975. Везжайка*

## ГЛУБИНА

...А между тем, я глубины боюсь!  
Беспечным детством плавать не обучен,  
Я, лодку проводя звездой излучин,  
Наедине со страхом остаюсь.

В погожий день озёрный сладкий зной  
И тишины затон пересекая,  
Я вспомню вдруг, что глубина такая  
С живым не сочетается со мной.

И, может, я бестрепетно смеюсь  
Над невозможной истиной бессмертья  
И пребываю в благодати безверья  
Лишь оттого, что глубины боюсь...

*Сентябрь 1975. Вежайка*

Иссякает жизнь, как ручеёк в овраге,  
И, переставши быть военнопленными,  
Мы в раме века, словно в саркофаге,  
Осуществимся мощами нетленными.

Лишь мы одни. Ну, кто ещё сумеет  
Содрать с бывшего лжи напластования?!  
Хоть по науке было бы умнее  
Лицо эпохи выявить заранее.

Но заглушал всех ручейков журчанье  
Слепой поток багрового безумия.  
Я существую, словно завещанье,  
Уже не человек, ещё не мумия.

*Сентябрь 1975. Вежайка*

Э.

Ты – куколкою в коконе,  
А я – в стручке горошиной.  
Питает камень соками  
Инстинкт мой огорошенный.

Ты – облачком над скалами,  
А я – в коробке спичкою.  
Отчаянья кристаллами  
Усмешку Мойры пичкаю.

В кольце бедовой осени,  
Удочерённой бурейю,  
Ты – лодочкой на озере,  
А я – в обойме пулею.

*Сентябрь 1975. Вежайка*



## ВЗГЛЯД И НЕЧТО

Живёт Пилат в истории,  
Как у Христа за пазухой.  
Подобной дислокации  
Предвидеть он не мог,  
Когда чело взопревшее  
Тряпицей вытер насухо  
И кинул взгляд на крестника,  
В котором крылся Бог.  
Здесь будучи по должности  
Лицом вполне ответственным,  
И волей императора  
Творя суровый суд,  
Не ведал, разумеется,  
Пилат, к каким последствиям  
Его благоразумные  
Решенья приведут!  
Вся эта катавасия  
Была морокой будничной.  
От шума и сумятицы  
Оглох он и охрип.  
Эх, знал бы воин Августа  
И прокуратор тутошний  
В какую он историю  
Беспроспективно влип!  
Сквозь два тысячелетия  
Пробились в души тесные  
Фаворского сияния  
Целебные лучи  
И крест, что к небу подняли

С надеждой угнетённые,  
Залобызали дочиста  
Рвачи и палачи.  
Но видеть свет взыскующий  
Пилатам не положено.  
Им в суть происходящего  
Проникнуть не дано.  
А сумма тех слагаемых  
Ещё не подытожена,  
Хоть это происшествие  
Случилось так давно!

*Сентябрь 1975. Вежайка*

## МЫ ТАК ЖИВЁМ

Мы так живём, как будто смерти нет,  
А старость – безобидная причуда.  
Морочит нас неведомо откуда  
Струящийся животворящий свет.

Мы так живём, как будто лишь для нас  
Дается во Вселенной представленье  
И лишь к тому все сводятся явленья,  
Чтоб этот свет залётный не погас.

Мы так живём, как будто не парит  
Над нами смутный рой отживших предков;  
И, сидя на пиру среди объедков,  
Зовём на эту трапезу Лилит.

Мы так живём... И так же будут жить  
Все те, кто выползает нам на смену.  
И тонкий луч, направленный на сцену,  
Нетленную пересекает нить.

*Сентябрь 1975. Вежайка*

*Вите Фульмахту*

Выбалтывая тайны мироздания,  
выкраивая крылья из волны,  
в плену у перевозданной глубины  
живёт моё разъятое сознание.

Оно плетёт логическую сеть  
для улавленья чувств и впечатлений,  
перелагая мир земных влечений  
в беспочвенную ангельскую снедь.

Я вмёрз навечно в чёрный этот век,  
отравленный, оправленный в тревогу,  
кладущий пятаки на ветви век,  
замкнув тысячелетнюю дорогу.

На пустыре, размеченном разлукой,  
блюду цветов душевного тепла.  
И жизнь, порой, пронзительно светла  
самой своей незамутнённой мукой.

*21 ноября 1975. Вежайка*

## БУДНИЧНОЕ

Будни. Кошка в тумбочку залезла,  
на портянки выкроен лоскут,  
недорезанного хлебореца  
в изолятор шумно волокут.

Кто-то возникает, кто-то съеден,  
у кого-то мать четыре дня  
ждёт свиданья, наказав соседям  
в доброй печке не гасить огня.

Будни. Кто-то выпил, сдвинув норму,  
и излишки крови потерял;  
кто-то заболел от комбикорму  
(не для стенгазеты матерьял!).

Будни... Будни... Праздники затёрты,  
выстужены снежной пеленой.  
И звезда, что вышла из реторты,  
выглядит усталой и больной.

*7 декабря 1975. Везжайка*

## ЛЮДИ УЧАТСЯ

*Борису Щитнёву*

Люди заново учатся жить,  
постигают чужие законы,  
поглощённые хлябями зоны,  
в липком месиве учатся плыть.

Люди учатся лаять и выть,  
и клыки неокрепшие скалить.  
Да, на сердце наросшая наледь  
не растает уже, может быть.

Людям надо о прошлом забыть,  
чтоб вернуться на ту же орбиту,  
чтобы то, что надёжно забыто,  
стало жизнью опять, может быть.

*13 декабря 1975. Вежайка*

Рухнул домик, а я ни о чём не жалею.  
Я в эпоху безумья вхожу, как в аллею.  
Пусть мелодия давно на изломе,  
разливается песня лучом по соломе.  
Вот и цепь норовит обернуться подковой,  
чтобы пленника сказкой порадовать новой.  
Человеческий мир очертанья теряет.  
Это Коми на прочность меня проверяет.  
Рухнул домик, а я отвергаю земное,  
словно ангелы небо скребут надо мною;  
словно стих навсегда перепляс урагана,  
усмирённый крылатым прибоем органа.  
Песня утро встречает улыбчивой дрожью.  
Может, правда меня не добить бездорожью.

*14 декабря 1975. Вежайка*

## ВЕЧЕРНЕЕ

Хоть здесь снега темнеют рано,  
Огнями темь окружена,  
И потому не так уж странно,  
Что света суть обнажена.  
Здесь, в глухомани запредельной,  
В кишашей тлями пустоте,  
Где хриплый вой души отдельной  
В безликой тонет суете,  
Где в небе сгустком светлой силы,  
От века неподвластной злу,  
Горит холодное светило,  
Тоскующее по теплу.

*Декабрь 1975. Вейсайка*



## ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Э.

Думай обо мне иногда,  
Помни глубоко и тревожно;  
Верь лучисто, неосторожно,  
Как умеет верить звезда.

Может, ничего нет важней  
Этой сопричастности духа.  
Слишком одиноко и глухо  
Вязнут жизни в месиве дней.

Лишь от огонька к огоньку  
Тонкие протянутся нити...  
И легко лететь по орбите,  
Светом наполняя строку.

Думай, помни, верь, улыбнись,  
Взглядом перечёркивай годы.  
Пусть выходит верность из моды,  
Поднимайся в звёздную высь.

*Декабрь 1975. Вежайка*

## КРУЖЕВО

Кружит дьявольская сила  
Звуков рой.  
Не сирена ль посетила  
Невод мой?  
Или выплеснули стоны  
Чьи-то сны?  
Или падает в затоны  
Звон сосны?  
То ли жалуется кто-то,  
Пряча взгляд,  
То ли выкваки болота  
В мир летят.  
Я улавливаю звуки  
Все как есть!  
Может, в оползне разлуки  
Бьётся весть.

*7 января 1976. Вежайка*

Преодолею тишину мирскую,  
Отрину триединство бытия,  
И станет безответственность моя  
Открытой настежь дверью в мастерскую.

Пересеку границу суеты,  
Опередив своё преображенье,  
Преобразуя головокруженье  
В чудесные до одури цветы.

Глаза закрою и миры увижу,  
Которые обычно не видны,  
И те, что обнажённостью бедны,  
Мне станут всех милей иных и ближе.

Ах, всё это, однако, чепуха,  
Блуждание в мистическом тумане,  
Паренье в голубом самообмане  
На грани очищенья и греха.

Всесильное земное тяготенье  
В мятущейся крови растворено.  
Мне отстраниться не даёт оно.  
Я с миром скован собственной тенью.

*16 января 1976. Везжайка*

Развернёт живой рассвет  
Кривизна земная,  
Прояснится белый свет,  
Корни распрямляя.  
Раскачавшись на луче,  
Прыгну на лужайку;  
В тихом солнечном ручье  
Утоплю Вежайку.  
У ромашек на виду  
Снова мир открою.  
В небе облако найду  
Дивного покроя.  
Я встречался с ним давно  
На обрыве полдня.  
В тишину плывёт оно,  
Прошлого не помня.

*23 января 1976. Вежайка*

## ОТРАЖЕНИЯ

Уязвима, как скала,  
Человечья визуальность.  
Отражают зеркала  
Объективную реальность.

Не пускают внутрь её,  
Беспощадно отражают;  
Беспокойства остриё  
Пустотою окружают.

Эти мнимые миры,  
Ограниченные гранью,  
Не имеют до поры  
Своего существования.

Но ведь не исключено,  
Что фантомы уплотнятся  
И в краю, где всё – равно,  
В объективность воплотятся.

И не где-нибудь, а тут,  
На земной реальной суше,  
Снова тело обретут  
Плоть утратившие души.

*28 января 1976. Везайка*

Ах, эта минижизнь,  
Эрзацсуществованье!  
Попробуй, положишь  
На блеск образования!  
Ах, эта кутерьма,  
Пустот коловращенье!  
Коль не сойдёшь с ума,  
Дойдёшь до отвращенья.  
И, если повезёт,  
Отбивши нападенье,  
Ты постигаешь взлёт,  
Похожий на паденье.  
Смеётся ловкий бес,  
А дьявол смотрит строго.  
Осколками небес  
Усеяна дорога.  
Под колокольный звон  
Душа спешит укрыться,  
И мысли с двух сторон  
Хлебают из корытца.

*30 января 1976. Вежсайка*

Белой мантией Севера  
вьётся память о зле.  
Что на небе посеяно,  
не взойдёт на земле.

Мир, опутанный нервами,  
наводнение беды...  
Ясным небом отвергнуты  
все земные плоды.

С нас когда-нибудь спросится  
и приход и расход.  
На космических просеках  
и трава не растёт.

*2 февраля 1976. Вежайка*

Подвела судьба-буфетчица,  
Почему – не уловлю.  
В каждой нервной клетке мечется  
По слепому соловью.

Вот бы лодочку мне выстрогать  
Да поплыть куда-нибудь!  
Разве я не вправе выстрадать  
Тишиной согретый путь?!

Соловьёв разноголосица...  
Марта старт в густом снегу...  
Я весне навстречу броситься  
И сегодня не могу.

*2 марта 1976. Вежайка*



## КАЛЕНДАРЬ

За январём вослед ушёл февраль.  
Растёт волна весеннего прилива.  
Нигде не изучают календарь  
Так беззаветно и нетерпеливо.

Из глыбы срока вырубая дни,  
Одoleвая времени враждебность,  
Не глядя на оставленные пни,  
Вгрызается надежда в каждодневность.

Тут плотность временная такова  
И так велик износ души и тела,  
Что писем неуклюжие слова  
Свинцом ложатся у черты предела.

Лихими днями календарь набит,  
Как пулемётный диск зерном патронов.  
А ведь порой они светлы на вид  
И солнца блёстки оставляют в кронах!

*2 марта 1976. Вежайка*



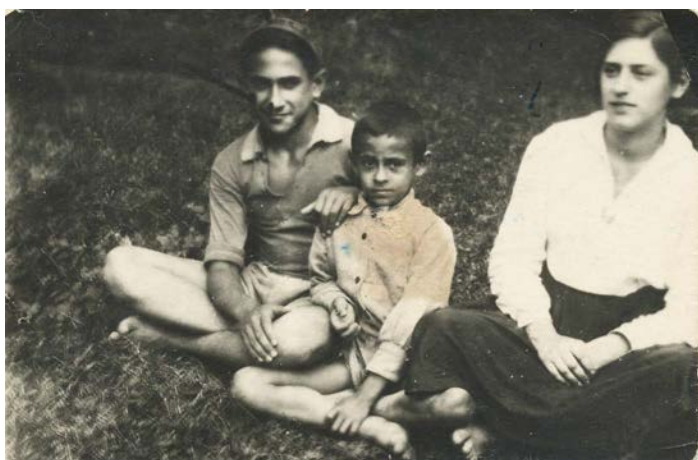
Александр Флешин. Москва, 1970. Фото Ю. Володина



Любовь Соломоновна  
Флешина – мама. 1930-е



Шуре 5 лет



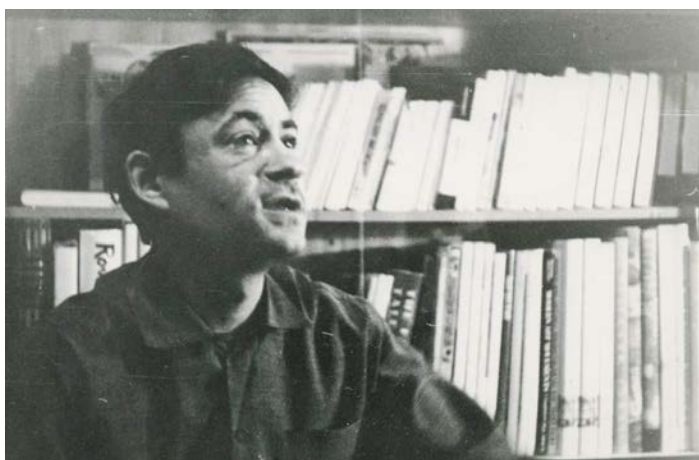
Шура (в центре) с двоюродными сестрой Геней (Генриэттой)  
и братом Германом Гуревичами. Середина 1930-х



Шура Флешин. 1940-е



1950-е



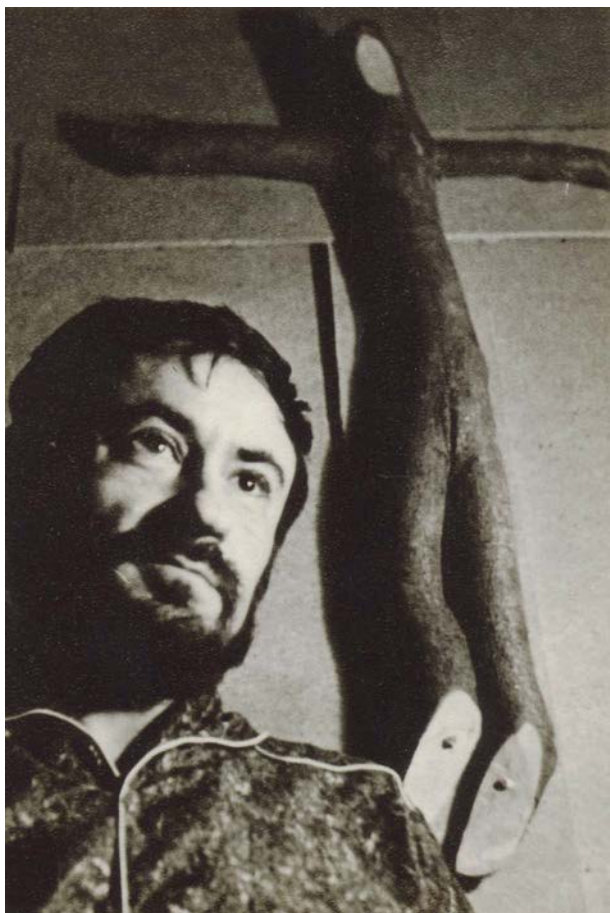
В квартире в Гороховском переулке. 1968. Фото Ю. Володина



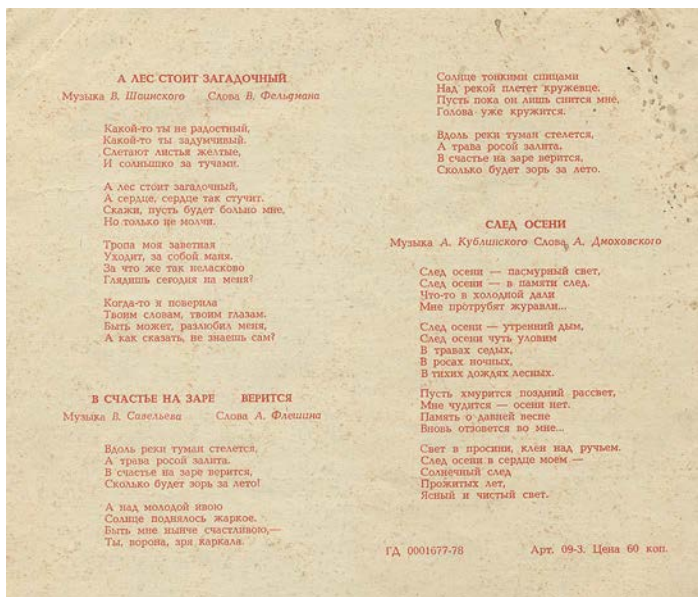
В Гороховском переулке. 1972.  
Фото Ю. Володина



С женой Эллой. 1981



Александр Флешин. 1970. Фото Ю. Володина



Оборот обложки гибкой грампластинки с песней «В счастье на заре верится» на стихотворение А. Флешина. 1973



Заметка в газете «Московская правда» о результатах конкурса «Наше буриме». Победитель — рабочий фабрики «Лира» А. Флешин. 1954



У старообрядческой церкви в Токмаковском переулке. 1968.  
Фото Ю. Володина





А. Фонвизин. набросок  
к портрету Э. Флешинной.  
Тушь, перо. 1970



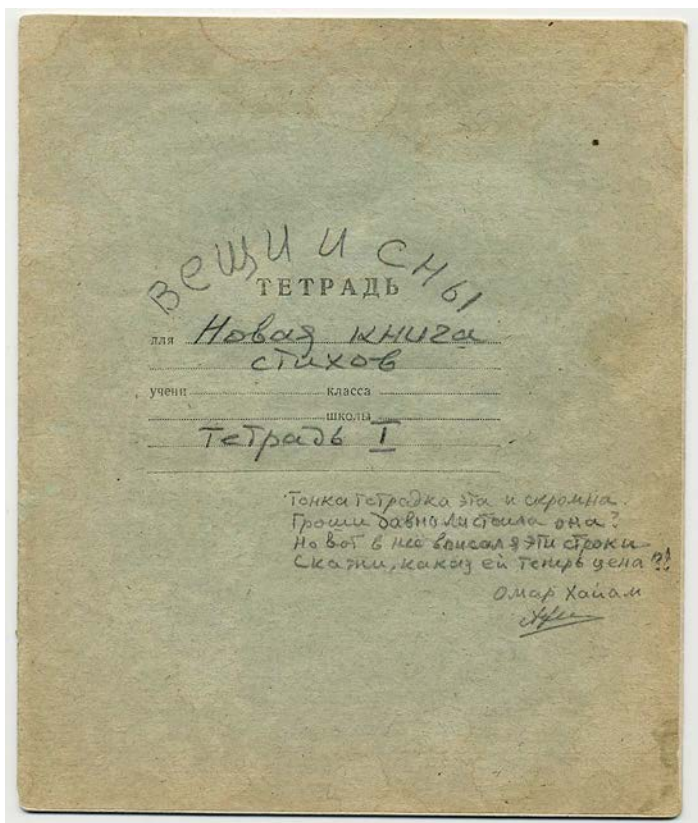
Фотопортрет Эллы Флешинной на фоне своего портрета  
(картина А. Зверева). 1972. Фото Ю. Володина



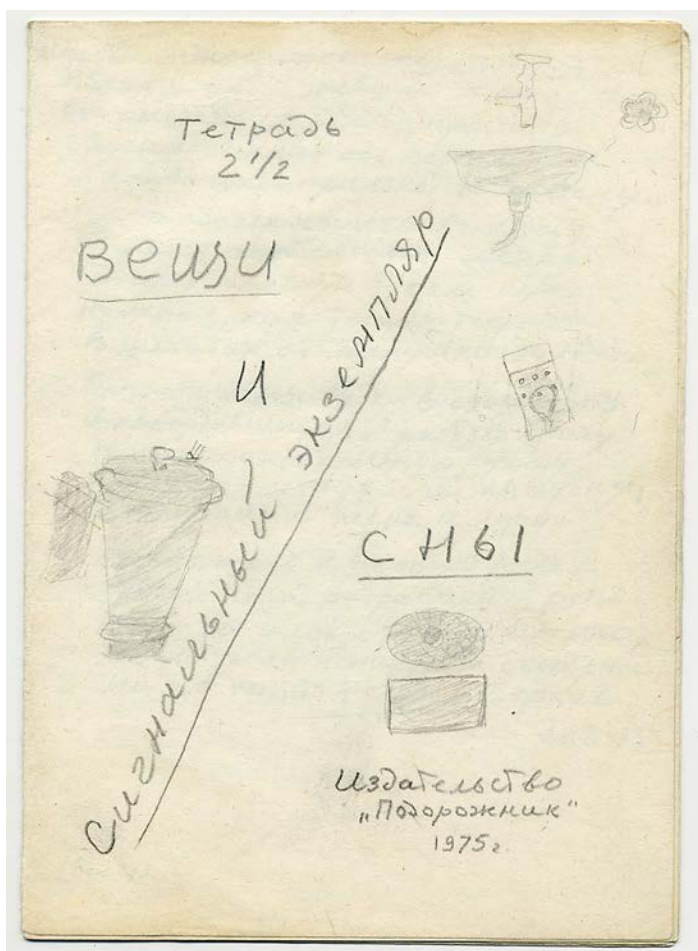
А. Фонвизин. Портрет Э. Флешинной. Бумага, акварель. 1970



А. Е. Флешин на «химии». Микунь Коми АССР, 1978



Обложка школьной тетради со стихами, написанными  
в Лефортовском изоляторе в 1974–1975 годах



Обложка школьной тетради со стихами, написанными в Лефортовском изоляторе в 1975 году

А чем больше на земле людей,  
Тем меньше у людей идей.  
И нам легко предположить,  
Что можно и без них прожить.  
Хоть из того ж они рожда,  
А не доведет до добра!  
При том, друг друга вежно злят,  
Хоть их тоже создал Труд.  
Зато спасет людей от бед  
Идея фирмы "Людей",  
Поскольку ест она людей,  
Носителей иных идей.  
Обычно в душою гист,  
Но по натуре оптимист  
И верю, отправившись в гир,  
Что на земле настанет мир.



6.3.75

Особенность пушкинского патриотизма:  
"Я конечно, признаю отечество мое  
с головы до ног; но мне досадно,  
если иностранец разделит со  
мною это чувство".

1 письмо Пушкина Вяземскому  
июня 1826г. /

Страница письма к жене из лагеря со стихотворением,  
автошаржем и цитатой из письма Пушкина Вяземскому.

Вежайка Коми АССР, 1976

КРАСНАЯ ЛИЛИЯ  
Фото В. Тихонова  
Редактор И. Иванов

Милый мой пензлик!  
Этот огненный цветок,  
заставший в тревожной  
напряженности, огнем соз-  
вучия духу нашего време-  
ни, а также мироощущению  
отдельных индивидуумов,  
узгездившихся в этом вре-  
мени. Это же касается  
8 марта, Бог с ним!  
Это ещё не праздник на  
нашей улице.

Тем не менее, пользуясь  
случаем однего дня во  
времени и в пространстве.  
А это эгоистичное пожела-  
ние счастой и приложением.

Тебе желаю я,  
скорее из Зарница,  
с Кисой  
воссоединиться



© Издательство «Планета», Москва, 1976  
23/8п-3324. Т. 3 млн. Ц. 3 коп. 3117211. Зак. 1055. КПК

Т 80205-563  
027(01)-70

П.З. Пересылка по почте в открытом виде не подлежит

Посылка пришла.  
Завтра получу.

2.3-77



Милый

✓ Всех гудес хмельных слияние,  
Входит исподволь в меня  
Фермерное сияние  
Расцветавшего дня.

Словно в дом полуразрушенный  
Безответственной войной,  
Словно в сон, это дал одуривший  
И царства, снованном со мной.

Вот и туман высветляется,  
Сумрак плавит в огне.  
Самородно проявляется  
Что-то здесь во мне.

— 5.8. — 77.

Ну, вот пока и खाвайт.  
Еще один день закончен.  
Это хорошо и это плохо.  
И это еще диалектика, но  
от этого пока не легче,  
Остается решить вопрос куда  
на м мягкость в большом  
коллективе вообще и лично  
местно других вопросов.  
Но это потом



Страница письма к жене со стихотворением и автошаржем.  
Микунь, 1977

Почтовая открытка жене к 8 марта, отправленная с «химии».  
Микунь, 2 марта 1977



Александр  
ФЛЕШИН

полёт И<sup>Ж</sup>ара

СТИХИ  
ИЗ РАЗНЫХ ЛЕТ

1972/1995

*Моей единственной,  
которую воспринимаю,  
как дар и как весть.*

*А.Ф.*

МОСКВА

ЛУЧ

1995

Титульный лист первого сборника стихов Александра Флешина  
с автографом. Москва, 1996

## МИРАЖ

Кузнечики выпиливали арии,  
Пронизывая стрёкотом простор;  
И бабочки, как лепестки в гербарии,  
Распластывали радужный узор.  
Над свежестью вскипала пена облаком  
И таяла в блаженной синеве,  
Минувшее напоминая обликом,  
Не совместимым с тенями в листве.  
А пчёлы пировали в море клевера,  
Качались на пружинящих лучах...  
Бездонный мир под низким небом Севера  
На миг возник и потонул в зрачках.

*2 марта 1976. Вежайка*

## МИКРОКЛИМАТ

В микромире микроклимат  
неустойчив, переменчив.  
Дни скользят со скрипом мимо  
тех обычных дней помельче.

От подъёма до отбоя  
время вытянулось клином,  
словно в небо голубое  
рвётся летом журавлиным.

День зажат в магнитном поле  
под высоким напряженьем,  
и слова «свобода воли»  
не приводят мысль в движенье.

*8 марта 1976. Вежайка*

Скоро холод всю округлость высмертит,  
а пока небесные тела  
норовят секреты жизни высмотреть  
в океане встречного тепла.

Этакая выткалась чудовина!  
Тепложорный умственный микроб  
развернулся бодро снизу доверху,  
человеком завершиться чтоб.

До чего ж свежит многообразие  
древнюю картину бытия!  
Сказочен, почти до безобразия,  
мир мой, резиденция моя.

*17 марта 1976. Вежайка*

## ТЫ

Я не знаю, с какой ты планеты,  
На каком говоришь языке.  
Слишком неразличимы приметы,  
Промерцавшие в тёмной реке.  
Слишком явственно неуловима  
Звукового расплава струя,  
Непокорно скользящая мимо,  
Из безумия разум края.  
Я не знаю, в каком ты обличье  
Возникал на вершинах эпох  
И подмешивал в пение птичье  
Беспокойства нездешнего вздох.  
Ты писал три пылающих слова\*  
На уже обречённой стене;  
Растворялся в дурмане и снова  
Объявлялся в воде и в огне.  
Я не знаю, какие надежды  
В постоянстве твоём отцвели,  
Но такой же холодной, как прежде,  
Остаётся орбита Земли.

*18 марта 1976. Везжайка*

---

\* Мене, текел, фарес.

Синяя, зелёная,  
розовая даль.  
Жажда опалённая,  
трезвая печаль.

Одурью завьюжило  
дни и вечера.  
Вяжут спицы кружево  
нынче, как вчера,  
да шуршат, как водится  
звёзды-голыши...  
Скоро ль распогодится  
в замкнутой глуши?

*18 марта 1976. Вежайка*

## НАСЛЕДСТВО

Сивая тоска моя,  
горькая отрада!  
Вижу: ты та самая  
тайная ограда.

От цветистой плесени  
выцветшего быта,  
от порывов песенных  
и проблемы сбыта.

Сивая тоска моя,  
спутница в походе,  
духопись наскальная  
в дачном огороде!

Грозовая трещина  
на фасаде хлама,  
ты мне впрок завещана  
мукою Адама.

*19 марта 1976. Вежайка*

## НЕВЗНАЧАЙ

*Тема с преувеличением*

Где сажали-сеяли,  
там он вроде сена.  
Только тут, на Севере,  
знают чаю цену.

Странники промёрзшие  
под звездой слепую,  
что сюда заброшены  
дивною судьбою,

веря в силу тёмную  
варева крутого,  
за заварку скромную  
всё отдать готовы.

А разжиться где же нам?  
Разве что случайно...  
Чай в краю заснеженном  
дорог чрезвычайно!

*19 марта 1976. Вежайка*



## ПЕРСПЕКТИВА

Всё нам нипочём,  
старость отменяется:  
лазерным лучом  
время расщепляется!

Это не старьё  
и не что-то мнимое.  
Время как сырьё –  
вещь незаменимая!

Разложение дней  
нынче – дело верное.  
Это посильней  
атомной энергии!

Времени запас  
истощится скоро ли?  
Видно, зря до нас  
о лимитах спорили.

*22 марта 1976. Вежайка*

## ГОРЬКИЙ РАЙ

Ель, сосна, берёза да осина...  
Северные горькие леса.  
Ну, какого сукиного сына  
здешние заманят чудеса?!

Выцветшее небо волокнисто.  
Солнце в перекошенных лучах.  
Рай для пресыщенца-интуриста,  
что в тоске по серости зачах!

Где зима и властна и сурова,  
слишком холодна её краса.  
Здесь неспешно вызревало Слово,  
эхом озарявшее леса.

Тёмный край не создан для веселья.  
Бешена цена его щедрот.  
Под его непрошеною сенью  
и поныне дел невпроворот.

*22 марта 1976. Вежайка*

Отцвело, отмелькало  
всё, что впору весне.  
Я горю вполнакала,  
я живу в полусне.

Оборвалась дорога,  
растерялись пути  
и ни друга, ни Бога  
в полумгле не найти.

Но парит надо мною  
Голубая звезда,  
что осталась родною  
навсегда. Навсегда...

*24 марта 1976. Вежайка*

Прикрыв усмешкой времена лихие,  
сжигая дни на медленном огне,  
я ухожу в свободную стихию,  
где Время и Пространство служат мне.

Переставляя вехи и эпохи,  
меняя декораций антураж,  
из пустоты выкраиваю крохи,  
и всё же – не простая эта блажь!

Наперекор густеющей мороке  
я поднимаюсь над своей судьбой  
и у огня порой беру уроки  
уменья мир преображать собой.

*25 марта 1976. Вежайка*

## СЕВЕРНАЯ ФЛОРА

В раме оконной гравюрой на стали –  
Южных растений разводы резные.  
Долгие дни на Вежайке настали.  
Сани готовит весна расписные.

Скоро она по последнему снегу  
В солнечном блеске на Север промчится.  
Тянутся души померкшие к свету,  
Ждут, что хорошее что-то случится.

Ах, ожиданий витая морока!  
Птица-невежда, запевшая снова...  
Может быть, время пришло ненароком  
Высветлить память и вытеплить слово?

Но, выходя из берлог своих тёплых,  
Кристаллизуются прошлого тени,  
И по утрам проступают на стёклах  
Северным оттиском южных растений.

*Март 1976. Вежайка*

## ГОЛОС МОЙ

Мчатся вдаль слова-гонцы  
сквозь литые глыбы льдов,  
словно сходятся концы  
телеграфных проводов.

Но не точки и тире –  
полновесных слов поток  
прожигает путь в горе  
остриями пёстрых строк.

Из тетрадной, складной,  
многоклеточной листвы  
вылетает голос мой,  
отлучённый от Москвы.

Из блокадной полумглы,  
из тревог житья-бытья,  
сквозь ряды ледовых глыб  
прорастает жизнь моя.

*31 марта 1976. Вежайка*

Оставаясь в рамках косности,  
дорожа покоем,  
растекается по плоскости  
Время ровным слоем.

Застывает гладкой плёнкою  
на домах и лицах,  
до невидимости тонкою,  
точно небылица.

Прочность времени проверена  
Остриём искусства.  
Всё на этом свете временно,  
как это ни грустно.

*1 апреля 1976. Вежайка*

Когда я слышу слово «кара»,  
в котором на слуху идея,  
я вспоминаю не Икара,  
не бедолагу Прометея,  
не приговоры гордых судей,  
не места лобного покатость  
и не отказ в обычном чуде  
тому, кто отвергает святость.  
Когда я слышу слово «кара»,  
я вижу в беспощадном свете  
людей всего Земного шара  
на рубеже тысячелетий.

*3 апреля 1976. Вежайка*



По свободной земле и свободному небу тоскую.  
По обычным улыбкам, цветам, голосам человеческим.  
Я любил недостаточно жизнь эту слишком простую,  
заплатить за которую мне теперь, в сущности, нечем.

Прибарачное небо припудрено полднем апрельским,  
снег на грязных дорожках лучи закалённые месит,  
время мчится, на стыках гремя по невидимым рельсам  
и становится спелой луной округлившийся месяц.

Наступает весна, на заснеженный мир наступает;  
загоняет в подполье живучие хищные тени.  
И по тонким лучам на влюблённую землю стекает  
бывший снег, что звеня, заструится по венам растений.

*6 апреля 1976. Вежайка*

## АФРОДИТА

### *Песня*

Я тебя не искал,  
Не томился напрасной тоской.  
Ты сама среди скал  
Появилась из пены морской.

Плыл закат по волнам,  
Горизонт загорелся вдали.  
Посчастливилось нам  
Повстречаться у края земли.

Было тихо вокруг,  
Только бился о скалы прибой,  
И, раскрывшийся вдруг,  
Мир наполнился сразу тобой.

На тебя я глядел,  
А сказать о заветном не мог,  
Потому что предел  
Есть у самых бескрайних дорог.

За собой нас позвал  
Ветерок, соблазнитель и плут.  
От него я узнал,  
Что тебя Афродитой зовут.

*8 апреля 1976. Вежайка*

Проходит всё: и молодость, и старость,  
И застывают жизни времена.  
Перегорает жертвенность в усталость  
(Она-то до конца тебе верна!).

Проходит всё. И время замечает  
Следы твои то снегом, то песком.  
С тобой печаль. Она в огне не тает,  
В воде не тонет, лишь сожмётся в ком.

Проходит всё. Но тьма непроходима,  
В ней просто обрываются пути.  
Тут не дано пройти с усмешкой мимо.  
А так всему приходит срок пройти.

*11 апреля 1976. Вежайка*

## МАЯКИ

В майском небе солнце крутится,  
голубь ввысь летит.  
Даже дремлющая лужица  
празднично блестит.

Настроение весеннее  
даже у берёз,  
накануне воскресения  
в ожиданьи гроз.

Безответственная спутница –  
неизвестно чья! –  
планы путает распутица  
песенкой ручья.

*21 апреля 1976. Вежайка*

Все мы – спутники идей,  
так сказать, попутчики.  
Мечутся в глазах людей  
лазерные лучики.

Смотришь, каждый поразит  
цель, ему противную.  
Секты с надписью «транзит» –  
сверхоперативные!

Люди прячутся в гробы  
с важностью комической,  
одичавши от борьбы  
идеомифической.

*22 апреля 1976. Вежайка*

## ПЛОДЫ ЭПОХИ

Живу на свете шутки ради,  
питаю рифмами тетради,  
в строю хожу со словом в ногу,  
расту, старея понемногу.

Весна... Святое время года!  
Прозрачна взлётная погода  
и солнце, соскользнув с ладони,  
остатки снега в землю гонит.

И солнце сны хмельные варит,  
в котлы плоды эпохи валит,  
и говорят приметы эти,  
что я ещё живу на свете.

*24 апреля 1976. Вежайка*

## ЛЕЧЕБНОЕ

Приоткрылись мрака створки.  
Жизнь всегда во всём права!  
Выползает на пригорки  
Прошлогодня трава.

Солнце лечит от напасти,  
Без нажима до поры,  
Обмороженные части  
Молодой земной коры.

Происходит оживленье  
Окружающей среды.  
Столь отрадное явление  
Не сулит и мне беды.

Мне тепло необходимо  
Для устойчивости чувств.  
Пропуская время мимо,  
От безвременья лечусь.

Не спеша подходит лето  
К безответственной глуши.  
Льётся сплав тепла и света  
В закрома моей души.

*24 апреля 1976. Везжайка*

## НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

По бирже\* бабочки летают  
Среди баланов и досок.  
И снег, лучом примятый, тает,  
Вливая в землю вешний сок.

На календарных параллелях  
Уже давно цветёт весна,  
И здесь порой лежат на елях  
Обрывки солнца, и сосна,

Согнувшись, ветви расправляет,  
Вдыхая терпкое тепло...  
А снег то тает, то не тает;  
Вокруг то серо, то бело.

Но эти бабочки не знают,  
Что завтра холодом пахнёт,  
Что их игривость вырезная  
В оторопевший вмёрзнет лёд.

Их обмануло время года,  
И тёплый луч, и дух весны.  
Как недоверчива погода  
В краю, где вымерзают сны!

Я завтра их уже не встречу.  
Был преждевременным полёт.  
Оснеженным, студёным смерчем  
Над биржей тень зимы встаёт.

*24 апреля 1976. Вежайка*

---

\* Биржа – здесь склад на лесоповале.



Кто что ни говори,  
Зима сдана в архив.  
Лежит печать зари  
На дне, что хмур и крив.  
А если день лучист,  
Намеренья весны,  
Узревшей в почке лист,  
Наглядны и ясны.  
Кольшет облака  
Дыхание земли,  
Легла в тетрадь строка,  
Парившая вдали.  
И времени поток  
Уносит сор и мрак,  
Со всех земных дорог  
Срывая белый флаг.

*Апрель 1976. Вежайка*

*А. Маковскому\**

Ах, Толя, Толя!  
В чистом поле  
Развевал ветер свет Фаворский.  
Нам не собрать уже и горстки,  
Коль нет на то Господней воли!  
А нам досталась  
Лишь усталость  
В колючей, жёсткой оболочке  
И этот свет, и эти строчки  
Да у ворот маячит старость.  
Потоки лавы  
Всё же правы.  
Имеет цену лишь движенье.  
Мелодию преображенья  
На суд земной  
Выносят травы.

*Май 1976. Вежайка*

---

\* Стихотворный ответ на письмо А. М. в лагерь.

## ИСТОРИЯ

Ложится пыль дорог на гордые знамёна.  
Имперские орлы взлетают, высь дробя.  
В историю входя, сомкнулись легионы –  
«Идущие на смерть приветствуют тебя!»

Какой-то новый мир из прежнего кроится.  
Идеи и мечты штурмуют города.  
А небо без Христа, как чистая страница,  
Что тупо чистотой зияющей горда.

Творится новый мир. Мельчают неуклонно  
Знакомые черты актёрского лица.  
И, в толпах растворясь, бунтуют легионы,  
Пытаясь мир взорвать и всё начать с конца.

Хотел бы навсегда следы владык стереть я,  
Но мудрости ростки эпоха рвёт, губя.  
О, Цезарь, отыскав пролом в тысячетьях,  
Свободные рабы приветствуют тебя!

*2 мая 1976. Вежайка*

Тростниковая флейта, подарок весёлых богов,  
Под сияющим небом Эллады звучала призывно.  
Эти звуки, смешавшись с густым ароматом лугов,  
Пронеслись по векам с быстротою весеннего ливня.

Их запомнили ветры. Их волны морские несли  
К берегам отдалённым, окутанным диким туманом.  
В одинокие души корнями они проросли,  
Помогая бороться с тяжёлым и липким дурманом.

Свет античного мира людей от паденья не спас.  
Мы живём бестолково, с любовью и верой в разлуке.  
Только ветер, забывшись, доносит порою до нас  
Пережившие всё, разобщённые временем звуки.

*2 мая 1976. Вежайка*

## ПЕЧАТЬ

Всё острее беспокойства жало.  
Трудные настали времена.  
Время на земле подорожало,  
резко возросла его цена.

Жизнь уже иным не по карману.  
Время в русло нужное течёт.  
Им сейчас любую лечат рану,  
разве что смертельные – не в счёт!

С жалостью глядят на внуков деды.  
Прадедам ещё трудней смолчать.  
Впрочем, наши временные беды –  
это просто времени печать.

*2 мая 1976. Вежайка*

## КАРТИНКА

Даль туманна, воздух чист.  
Мир с Востока ал.  
На смородиновый лист  
свет росы упал.

Сохнет будничный наряд –  
тростника рядно;  
сосны пристально глядят  
на речное дно.

Голоса больших дорог  
не торопят в путь.  
Сделал стойку поплавок,  
прежде чем нырнуть.

Идиллическая тишь,  
голубая гладь...  
Зорко в памяти хранишь  
эту благодать.

Золотой запас мечты  
тает день за днём.  
Скачет стрелка у черты,  
где дыра с огнём.

*3 мая 1976. Везжайка*

Суп глотаю, кашу ем,  
сны толкую ложные.

У сознания с бытием  
отношения сложные.

Наблюдаю суету,  
делаю сравнения,  
проверяю на свету  
все свои сомнения.

Я живу со счастьем врозь,  
но, как диво дивное,

жизнь прощупываю сквозь  
ткань декоративную.

Против времени гребу,  
супротив могущества.

Жизнь и смерть ведут борьбу  
за моё имущество.

*10 мая 1976. Вежайка*

## БЕЗДЕЛИЦА

То, что где-то всё иначе –  
сухая безделица!  
Отсыревший лай собачий  
над Вежайкой стелется.

Крупным планом всё тут мелко.  
В царствах заколдованных  
производится разделка  
тёмных душ бракованных.

Производится окорка  
смятого сознания.  
Новый быт сдирает зорко  
всё, что было ранее.

Свистопляска сладких арий,  
радости убогие...  
Показательный виварий  
века демагогии!

До чего же всё нелепо  
в сфере озлобления,  
где тоски гниющей слепок –  
жизни проявление!

*16 мая 1976. Вежайка*



## ЧТО МОЖНО?

Э.

Что можно положить в конверт?  
Обмылки мыслей, слов напраслину,  
фрагменты позабытых черт,  
которые тоска подкрасила?

Что можно по ветру пустить?  
Подгнивший миф да прах грядущего  
и то, что не успел взрастить,  
и то, чего не стал вылушивать?

Прости мне злые вечера  
и горечь праздника весеннего.  
Но мир был упразднён вчера,  
а эта жизнь – всего лишь тень его.

*24 мая 1976. Везжайка*

Смерть мёрзла в карауле,  
Коробились гробы,  
Насвистывали пули  
Мелодию судьбы.

Покою обрастая,  
Венчающим таран,  
Сочилась кровь густая  
В провалы снежных ран.

Овладевая ролью,  
С враждой сойдясь впритык,  
Рабы платили кровью  
За прихоти владык.

Мир оставался целым,  
Понятным до конца.  
Под снайперским прицелом  
Вмерзали в снег сердца.

Когда разбойник в доме,  
Сам домовый с тобой!  
Вела земля Суоми  
С проказой века бой.

*29 мая 1976. Вежсайка*

## АНТИНАУЧНОЕ

Мы живём в настырный век.  
Ткнув Синицу в руки,  
день за днём плодят калек  
точные науки.

От бесчинства тех наук  
никуда не деться.  
Инфра-свет и ультра-звук  
нас тиранят с детства.

Призма-круть да плазма-верть,  
пульс и участится!  
Антижизнь и антисмерть  
бьют в античастицу.

В суматохе сел на трон  
в центре мрази разной  
тучный синхрофазотрон  
янусообразный.

В чаще дней всё больше пней,  
претерпевших муки.  
Жизнь объела до корней  
точные науки.

*31 мая 1976. Вежайка*

В дорогу вышел –  
Меряй светом день!  
Чем солнце выше,  
Тем короче тень.

Чем солнце ярче,  
Тем ясней вокруг...  
Но вечер прячет  
В землю вечный плуг.

В лучах косметик  
Радость не видна.  
Про всё на свете  
Знает ночь одна.

*2 июня 1976. Вежайка*

Светом день упился,  
и притихло кстати  
кораблём у пирса  
солнце на закате.

Остывают краски,  
звуки остывают.  
В жизни, как и в сказке,  
всякое бывает.

Карканьем вороньим  
вечер ночь пророчит...  
Что-то мы оброним  
в пропасть этой ночи?

*6 июня 1976. Вежайка*

Я желанье выточу  
Необыкновенное.  
Потяну за ниточку –  
Вытяну Вселенную.  
Погляжу на облачко –  
Опознаю вымысел.  
Разложу по полочкам  
Всё, что в сердце выносил:  
Неба необъятного  
Залежи бездонные,  
Щебета крылатого  
Россыпи червонные,  
Тишину озёрную,  
Трав разноголосицу  
И росу, что зорями  
В дар земле приносится.  
И сиянье вешнее,  
Зыбкое, неровное,  
И любовь безгрешную,  
И тоску греховную.  
Процежу сквозь ситечко  
Всю пыльцу нетленную...  
Потяну за ниточку –  
Вытяну Вселенную.

*7 июня 1976. Вежайка*

*А. А. (врачу)*

Под выцветшими небесами  
беда всех косит.  
Одни в санчасть приходят сами,  
других – приносят.

Отбоя нет и нет покоя:  
уж так ведётся!  
Житьё-бытьё у Вас такое –  
за жизнь бороться.

Коль Вам нашепчет сила злая,  
мол, подвиг – фраза,  
пусть Вас на подвиг вдохновляет  
пример Гааза.

*9 июня 1976. Вежайка*

## УБЫВАНИЕ

Безысходность вокруг неистовая,  
Ранит память смолистый запах.  
Ветер, в проволоку насвистывая,  
Улетает на юго-запад.

Я за школой сижу на брёвнышке,  
Облака очищаю взглядом.  
Я на самом сижу на доньшке  
Синева, что вокруг и рядом.

Не к скале я прикован Зевсом.  
Просто брошен на хищный остров.  
И плачу я отпетым сердцем  
За сияющих дней отросток.

*9 июня 1976. Вежайка*



## ПОСЕЩЕНИЕ

Э.

Я сегодня посетил свой дом.  
Посидел на ссохшемся диване.  
Был я на Вежайке, не в Ливане,  
и в Москву попал с большим трудом.

На меня глядели свысока  
странные рисунки и картины,  
и в нейлоне сложной паутины  
холодея путалась рука.

Переплёты уцелевших книг  
в полусон замкнулись напряжённо.  
Интерьер держался отчуждённо –  
я в его глубины не проник.

Ну а ты не видела меня  
и шагов моих не различала.  
И качался лодкой у причала  
оголённый отголосок дня.

*18 июня 1976. Вежайка*

Э.

Всё видится сейчас  
не так, как видит глаз.  
И жизнь вдали яснее,  
чем в столкновениях с ней.

И нрав строптивых жён  
тоской преображён.  
Мир видится сейчас  
таким, что будит в нас  
желанье всё забыть  
и зверем в мире быть.  
А он, как прежде, сер  
в пределах здешних сфер.

И душно в нём тому,  
кто понял что к чему.  
Но издали он так  
заманчив натошак,  
что светится насквозь.  
...А нам и завтра – врозь.

*26 июня 1976. Вежайка*

## СЛОВА

Э.

Забываю порой слова.  
Равнодушен порой к молве.  
Напряженье гася едва,  
Ухожу от людей к траве.

Обращусь, может быть, и я  
В этот сочный, волнистый свет.  
Из абсурдного бытия  
Возрастает зелёный бред.

Я сейчас ухожу в себя.  
Я к тебе ухожу сейчас.  
И, по-новому жизнь любя,  
На букашку гляжу, лучась.

Взбаламучена жизнь до дна.  
Перекошены рамки дней.  
Там, где времени суть видна,  
Непотребство ещё видней.

Ухожу от людей в дрова  
С пересортицей в голове.  
Забываю слова... Слова?!  
Но нужны ли они траве?

*Июнь 1976. Вежайка*

## ХРИСТОСОФИЯ

Когда его с креста снимали,  
Он был ни мёртвый, ни живой.  
А над бескрылой головой  
Цветные плавилась эмали.  
И небо уплывало ввысь,  
И стерегла земли утроба  
Того, кого людская злоба  
Терзала, как добычу рысь.  
Он перестал быть человеком,  
А Богом он ещё не стал;  
Ещё бессмертия кристалл  
К его не прикоснулся векам.  
Свеченье над его лицом  
Небесной музыкой звучало,  
И возглашённое концом  
Определялось как начало.

*Июнь 1976. Вежайка*

## КОГДА Я ЖИЛ...

Я счёт уже веду не на века,  
не на миры и световые мили,  
хотя, как прежде верю в облака,  
спасённые от вездесущей пыли.

Ах, как меня тиранил ранний сплин,  
как вырождались праздничные краски,  
когда я жил за тридевять былин,  
в неторопливой тридесятой сказке!

Я углубился в непролазный век  
со всей своей наследственностью вместе,  
с бисквитных берегов молочных рек  
приносит ветер призрачные вести.

Мне лица лишь далёкие близки,  
которым вечно в прошлом отражаться.  
Минувшего тугие лепестки  
на белый лист бессмертия ложатся.

Но ров наполнен до краёв бедой,  
размыта тенью в прошлое дорога,  
и намекает месяц молодой  
на детскую уклончивость пролога.

Проходят волны света по садам...  
Звезда берёт немислимые ноты...  
Я порученья журавлям не дам,  
оставя при себе свои заботы.

*4 июля 1976. Вежайка*

## ТАМ

*Квартире в Гороховском*

Из гама, одури и чада  
сквозь вырождающийся лес  
ассоциаций анфилада  
меня уводит в мир чудес.

Там есть квартира в старом доме,  
опущенная в облака,  
где, как закладки в пухлом томе,  
лежат эпохи и века.

Там на тюльпаны и пионы  
глядят безродные цветы,  
и радость озаряет склоны  
непроизвольной суеты.

Там реки отвлечённых споров  
текут в далёкие моря,  
и в эхо ласковых укоров  
печаль бросает якоря.

Всё безвозвратно в мире этом,  
возникшем из небытия.  
Туда по сказочным приметам  
тропу протаптываю я.

*5 июля 1976. Вежайка*

## СКОРО

Там у черты, где сходятся приметы,  
где пыль дорог не омрачает взора,  
на берегу неутолимой Леты  
я хижину себе построю скоро.  
Войду в покой безлюдья и безвластья  
и лунный свет смешаю в жизни новой  
с прозрачной, как непуганое счастье,  
свободною водою родниковой.  
Я дам приют и полночи, и полдню,  
сложу в подполье грозы и туманы,  
а ветру подарю всё то, что помню,  
добавив горсть небесной манны.  
По берегам самозабвенной Леты  
растут стрекозы, вызревают пчёлы.  
Там пьют отборных древних лоз рассветы  
обугленные жаждой новосёлы.

*15 июля 1976. Вежайка*

ШМОН В ИТК-15,  
ИЛИ МОНОЛОГ ОЗВЕРЕВШЕГО ЗЕКА

Сегодня был на зоне знатный шмон.  
Прошла по зоне саранча в погонах.  
Был нанесён значительный урон  
полуголодной рати осуждённых.  
Изъяв тупые, хилые «ножи»,  
пригодные лишь для кромсання хлеба,  
вояки, завершая виражи,  
отнюдь не звёзды обирали с неба.  
Всё раскидав и всё перемешав,  
прохвосты, верно в целях воспитанья,  
а может налагая дань иль штраф,  
потешились продуктами питанья.  
Дымится саранчи позорный след.  
В чужие глотки унесла лавина  
и половину слипшихся конфет,  
и жалкого печенья половину  
пожрали! Беззаботно, как своё!  
Урвали безнаказано (везенье!).  
Ох, Армия! Восславить бы её!  
Да вот мешают злость и омерзенье.

*17 июля 1976. Везайка*



## НОЧЬ

У откоса осени в северном краю  
ночь пустила по ветру солнечность мою.  
Обложила тучами, завалила тьмой:  
посмеяться думала, верно, надо мной.  
Далеко упрятала всё, что я люблю.  
На мели помогут ли снасти кораблю?  
Мглой душа пропитана. Торжествует ночь.  
Жизнь мою ей хочется в ступе истолочь.  
Только ей неведомо, что бессмертен свет,  
станет зрелым колосом семя этих лет.  
Будет ночь растоптана солнечным лучом.  
Лишь теперь, ограбленный, стал я богачом.

*21 июля 1976. Вежайка*

## А МЕЖДУ ТЕМ

Ещё смола не стала янтарём,  
и эта ночь ещё не стала днём,  
и одуванчик – лёгких крыльев ком –  
ещё не стал открыто мотыльком.  
А между тем, уже чиста река,  
тепло уже проникло в облака,  
и лист, ещё отталкивая зной,  
уже сквозной наполнен желтизной.  
И низко-низко стелются века,  
похожие вблизи на облака.

*30 июля 1976. Вежайка*

Э.

1

Мы не найдём своих следов  
И не отыщем те восходы,  
В которых потонули годы –  
И, верно, навсегда!

Лишь тёплый пух печальных тополей,  
Мне заменяя ладан и елей,  
Летит по жизни  
И щекочет память...

2

Мы крыльями устало машем.  
Вернись, минувшего усталость!  
В обмен за всё, что было нашим  
И нашим до конца осталось.

И ты явись в любом обличи.  
Пока не закатилось лето,  
Прочти мне что-нибудь по-птичьи  
Из книги солнечного света.

Я встретил радугу сегодня,  
Одетую в большую тучу.  
И эта радуга, как сводня,  
Меня манила к жизни лучшей.

Прельщала, что-то обещала,  
Переливалась в смех ребёнка.  
Прочти мне нашу жизнь сначала.  
По-птичьи. Радостно и звонко!

### 3. Нарцисс

Тут что ни лепесток, то древний свиток,  
А свежесть безнадёжно мимолётна.  
Тут красота навек с печалью слита  
В сосуде, закупоренном неплотно.  
Доверчиво парит в потоке света  
Цветок, над миром поднятый, как птица.  
Но на какой вопрос он ждёт ответа?  
И почему в глаза мои глядится?

### 4. Август

Ты тоже в этом Августе живёшь?!  
Непостижимо! Непереводимо!  
Так незаметно в правду вкралась ложь.  
И вот лжеправда прошмыгнула мимо.  
Ты где-то там. А я... Я где-то здесь?  
Мы существуем в странных измерениях.  
О, Боже, отблеск жизни даждь нам днесь,  
Вознаградив гордыню и смиренье!

Почти два года бранный длится сон  
И пустота беспрекословно длится.  
И эта жизнь со смертью в унисон  
Звучит, как оперённая страница.

Ток будущего в прошлое течёт,  
В массивах душ прокладывая русло.  
Трава от пустоты ведёт отсчёт,  
А ты глядишь на этот Август грустно.

Кольшутся вокруг следы цветов,  
Приметы слов, прикосновений блики...  
И кажется, что хрупкий мир готов  
Без объяснений раствориться в крике.

Недовоображённый мир встаёт  
Эскизом нашей радости бескровной.  
И Август отливает пламя в лёд  
И в осень прорастает пышной кроной.

### 5. Двуединство

Когда бы молнией ты стала,  
Я б обратился в гулкий гром.  
И ты бы царственно блистала.  
А я грозил Земле огнём.

Одно пророческое слово  
Твердил бы, горечью томим,  
Под рокот вала грозового  
Я, ставший голосом твоим.

*Июль – август 1976. Вежайка*

## ЛЕСА

На плоскости немого дня,  
где вымерзает всё живое,  
леса сомкнулись вокруг меня,  
как будто мало мне конвоя.  
Всё тот же я, а вот леса  
теперь совсем, совсем иные –  
в их мраке тонут голоса  
небесные, да и земные.  
А может, просто дело в том,  
что мне и к ним тропа закрыта.  
На срезе времени крутом  
скрипит разбитое корыто.

*3 августа 1976. Вежайка*

## ЗАКАТ

Сияющая киноварь заката  
окрасила соседние леса.  
Ещё немного и, былём богата,  
прольётся в небо звёздная роса.  
И лунный свет, смягчая очертанья  
усталости, отчаянья, беды,  
как песня, окрылённая гортанью,  
заполнит мир, стирая все следы.  
Тут встретятся, там разойдутся тени  
в густой и напряжённой тишине.  
Шум догорает за чертой сомнений  
в холодном очистительном огне.

*4 августа 1976. Вежайка*

## ПРОРЫВ

Высью ненасытен,  
тучный и сырой,  
август пересыпан  
гнусной мошкаррой.  
Солнце поглотилось  
омутом небес,  
в топкую сонливость  
провалился лес.  
Осень вторглась в лето,  
смявши календарь.  
Подтверждает это  
смешанная тварь.  
Опьяниться тучей  
взгляду не дано.  
Но на всякий случай  
я продрог давно.

*8 августа 1976. Вежайка*



## У 48-й ПАРАЛЛЕЛИ

Смыкаются тучи и ели  
над слизью раздавленных дней.  
У сорок восьмой параллели  
описанной жизни моей.  
Когда-то (всё было когда-то!)  
мне время казалось водой,  
что если солями богата  
становится ценной рудой.  
И ландыша смех беззаботный  
в раздумье меня погружал,  
и дверь, что прикрыта неплотно,  
манила, как бой и пожар.  
Дорога терялась в догадках,  
в предчувствиях и облаках,  
и было до глупости сладко  
Жар-птицу держать на руках.  
Сгущённое время питало  
пробившие дрёму ростки  
надёжного суперметалла,  
жующего льды и пески.  
Земля под нарядом венчальным  
дрожит, прозревая беду,  
и ландыш вздыхает печально,  
когда я по лесу иду.

*14 августа 1976. Вежайка*

## НЕСКОРО!

Мне отмщение и аз воздам.

Привыкаю к произволу,  
не пускаюсь в обличенья.  
В этой жизни невесёлой  
выплывают – по теченью.  
Я плыву в живом потоке  
сквозь пороги и стремнины;  
пересматриваю строки,  
что безмолвием хранимы.  
Обезболиваю память.  
Понижаю напряженье.  
Всё пытаюсь переплавить  
в силу пыл воображенья.  
Не хочу в тоске покорной  
на померкшем свете этом  
всех прощать с улыбкой скорбной  
по евангельским заветам.  
Обожжён лучом палящим,  
буду будущим опрошен...  
Душно в ложном настоящем,  
что нескоро станет прошлым.

*21 августа 1976. Вежайка*

## ДАО

Размыли тени очертанья срока.  
На дно надежды оседает муть.  
Ещё невнятно, скрытно, вполнамёка  
Меня зовёт необходимый путь.

Он ждёт меня давно и терпеливо.  
Лишь я один могу его пройти.  
Другим иные и судьба, и нива,  
И в горизонт проросшие пути.

Земные и небесные явления  
Небезопасно воссоединить.  
Я накаляюсь от сопротивления,  
Как в лампочке вольфрамовая нить.

А путь зовёт к бессрочному порыву,  
Не обещая взгляду ничего.  
Я подхожу к нему неторопливо  
И ставлю всю надежду на него.

*28 августа 1976. Вежайка*

## ВСЁ ТАК СПЛЕЛОСЬ

Поговорим о Риме – дивный град.

*О. Мандельштам*

Э.

– Что знаешь ты о море Сулавеси?  
Пожалуй, так же мало, как и я.  
Ну, что ж, поговорим тогда о лесе,  
Куда скользнула жизни колея.  
О густопсовой одури барака,  
О липком хлебе и тоске в розлив,  
О том, как жарко вспыхивает драка  
И как тупой конвой нетерпелив.  
Поговорим о звёздах неподкупных,  
Бесчинствующих тихо в синеве.  
Таких открытых и таких подспудных,  
Обточенных росинками в траве.  
А облака! При всём непостоянстве  
Они всегда несут в себе покой,  
Неуловимый вирус вечных странствий  
По свету сея щедрою рукой.  
Всё так сплелось в густую сеть стремлений,  
Смешалось, перепуталось в пути...  
Ложится путь преодоленьем лени.  
Плети же, неизбежность, сеть, плети!  
Зажаты корни жизни в суперпрессе,  
И до того ли, потрясённым, нам,  
Что ищут волны море Сулавеси  
Потерянное солнце по утрам?!

*22 сентября 1976. Везайка*

## ЖАР БЕСПОКОЙСТВА

Северный ветер сдувает остатки тепла –  
Манна небесная воздух сечёт охлаждённый,  
Утром на лужицах стон ледяного стекла  
Сопровождает покорно шаги побеждённых.

Осень ещё не дозрела, зачем же зима  
Шумно спешит объявить о своём наступленьи?  
Знает земля в этом скудном краю и сама,  
Что по морозу чеканены тропы олени.

Тундры дыханье в печаль погружает леса.  
Северный ветер над крышами крылья расправил.  
Слёзы озябших берёз – ледяная роса –  
Бились о травы вчера, оглушённые травы...

Всё бесполезно. Присыпана белой крупой  
Недожелтевшая, пряная, пьяная осень.  
Северный ветер земле обещает покой.  
Жар беспокойства мы в треснутых душах уносим.

*Сентябрь 1976. Вежайка*

## 1

А мне сейчас не до всего:  
Я побеждён бессмыслицей.  
Не вижу горя своего,  
Что в общих списках числится.  
Не вижу радостей земных  
(Небесные за тучею!)  
Жую колючих будней жмых  
И близких далью мучаю.

## 2

Не жди от солнца песни новой,  
Что старой песне не чета,  
Когда дорожкой ковровой  
Под ноги стелется мечта.  
Не жди от звёзд вестей чудесней,  
Чем те, отлитые в зерне.  
Невзгоды обернутся песней,  
Что доброй вестью будет мне.

*Октябрь 1976. Вежайка*

## ГОЛОС ПРОШЛОГО

Эпоха карканья проворного,  
Горбы ограбленных рабов...  
Который же из этих воронов  
Глядел в глаза Эдгара По?  
Глядел тоскливо и безвыходно,  
Бесплодным знанием томим.  
Оно не карой и не прихотью,  
А сгустком ночи шло за ним.  
О, звуки музыки разбойные,  
Истошных воплей перепляс!  
Кем все крепления разболтаны,  
Что в общей жизни держат нас?  
И фантастическая оторопь  
Овладевает глубиной,  
И чары зелья приворотного  
Снега смыкают предо мной.

*Октябрь 1976. Везжайка*

Просчѐт порока, жертва рока,  
тоскуя по скупой заре,  
вторую половину срока  
я распечатал в ноябре.  
Передо мной зимы просторы  
во всей безжизненной красе  
сияют, пресекая споры  
и мысли покрывая все.  
Бреду сквозь тѣмный мир неровных,  
трагических мазков Руо,  
а на рукав наклеен ромбик  
и в нём две буквы: Р и О.  
Иду посѣлком без конвоя  
в морозную глухую ночь\*.  
Служивый пѣс, безмолвно воя,  
не мне ль пытается помочь?

*4 ноября 1976. Вежайка*

---

\* Автор по ночам расчищал от снега железнодорожные пути в лагере на Вежайке.



## ЗА ОТКОСОМ КОСНОСТИ

За откосом орбитальной косности  
Колосится мир глобальный, космосный,  
Что зерном отборным, астероидным  
Засевает землю нашей родины.  
Я люблюсь каменными всходами,  
Устилаю путь в пустыню одами,  
Строю планы из отходов осени,  
Счёт веду уликам жизни косвенным.  
А на свет, проникший в тело грешное,  
Щерится реальность безутешная.  
Дар наскальный в повседневность выбейся,  
В корень зла нацелься клювом ибиса  
И волной отлива вдоль беспечности  
Пронеси меня к истокам вечности.  
Там свои и радости, и горести,  
Там меня постигнет кара вскорости.  
Я готов любые встретить бедствия,  
Покидая край несоответствия,  
Лишь бы принесло мне в дар мгновение  
Благодать священного забвения.

*21 ноября 1976. Вежайка*

Итак, я завтра еду в Карфаген.  
Довольно мне в безвременьи скитаться  
И горькими обедками питаться,  
Не поднимаясь ни на миг с колен!

По песне моря я затосковал,  
По суете волнующей портовой,  
По ароматам жизни бестолковой,  
Где переходит штиль в девятый вал!

Здесь время превращается в товар,  
И пряностями камень здесь пропитан,  
И свет надежд скользит по тёплым плитам,  
Чтоб воплотиться в золото и пар.

Он должен быть разрушен? Пустяки!  
Все города затопчут и разрушат!  
Весь вольный люд когда-нибудь задушат  
Объевшиеся дрянью старики.

К тому же ждёт Венеция меня.  
И я, флорины бросив гондольеру,  
Сменю надежду, бороду и веру  
При вспышках карнавального огня.

Продай мне эту бочку, Диоген,  
Она и слова доброго не стоит.  
Я пошутил. Сидящий в бочке стоик,  
Прощай. Я еду в славный Карфаген.

*22 ноября 1976. Вежайка*

Бескорыстно неприветливы приметы,  
Облачённые в зарницы и слова.  
Перемалывая малые планеты,  
В душах кружатся Вселенной жернова.

Если сны сжимают радугу в подкову  
И бросают прямо под ноги её,  
Мы, покорные властительному зову,  
Жаждем вычерпать безумие своё.

И от сока белопенного пьянея,  
Мы обычно забываем навсегда,  
Что дороги Прометея и Энея  
Привели нас, непоседливых, сюда.

*Ноябрь 1976. Вежайка*

Преклонных лет изломанные склоны  
закатной тишиной озарены.  
Фальшивые чеканя эталоны,  
засеяла зима поля страны.

И в этой тишине краеугольной,  
фундаментальной, словно ночи мрак,  
на долгий срок теряешься невольно,  
приемля как звезду дорожный знак.

Ну, что ж, всему своя цена и мера,  
свой острый миг любому рубежу.

.....  
На крошки хлеба в бороде Гомера  
я с грустью незапятнанной гляжу.

*Декабрь 1976. Вежайка*

## ВЕРА

Я лишь теперь поверил в старость,  
и времени удельный вес  
мне дал понять, что не осталось  
в запасе комедийных пьес.

Преображённый этой верой,  
в которой бродит зрелый мрак,  
зарю – и ту я вижу серой,  
а не она ли мраку враг?

Душа с порывами рассталась,  
и тело явно не моё...  
Ах, можно ли не верить в старость,  
принявши подданство её?!

*Декабрь 1976. Вежайка*

## СЕВЕРНАЯ ЛЕГЕНДА

Север с чужаком бывает груб,  
К своему суров порой, но ласков...  
Жил в лесном посёлке Лесоруб  
Молодой, глазастый да скуластый.

Был он и в работе сноровист,  
И лицом пригож, и телом статен,  
Не страшил его ни вьюги свист,  
Ни медведь, проснувшийся некстати.

Он работал, пел, случалось, пил,  
Не знаком со скукою и ленью,  
И ещё он девушку любил  
Самую красивую в селенье.

И она его от всех других  
Робко и стыдливо отличала.  
И казалось часто, что для них  
В ясном небе музыка звучала.

Их любовью согревались дни.  
Любовалась ими вся округа.  
Люди говорили, что они  
Созданы судьбою друг для друга.

Но дорога не всегда пряма,  
Жизнь готовит не одни подарки.  
Входит горе, крадучись, в дома,  
Гаснут звёзды, что светлы и ярки.

И у Лесоруба на пути  
Чёрным смерчем встала злая сила,  
Так, что ни проехать, ни пройти:  
Ведьма Лесоруба полюбила.

Ей бы чародея-ведуна,  
Лешего бы ей иль домового!  
Но влюбилась на беду она  
До безумья в парня молодого.

А ему и дела вовсе нет  
До её ожесточённой страсти,  
Он зажёл в глазах любимой свет,  
Озаривший им дорогу к счастью.

Не сумела Ведьма обольстить  
Лесоруба жадными очами,  
И, решив жестоко отомстить,  
Колдовала долгими ночами.

И когда народ встречал весну  
В шуме песен, радостно звучащих,  
Превратила девушку в сосну,  
Унесла её в глухую чашу.

– Пусть-ка Лесоруба подождёт!  
Нет, не снилось молодцу такое:  
Срубит он кривляку в свой черёд  
Собственной бестрепетной рукою!

Расплатиться за позор пора.  
Не дожидаться девке свадьбы близкой!  
Скоро на удары топора  
Отзовётся боль слезой смолистой!

Скоро, скоро! – и злорадный смех  
По стволам плясал косою тенью.  
А в селенье оглушило всех  
Девицы-красы исчезновенье.

Придавило горе валуном  
Мать с отцом, забывших сон и отдых;  
Постарел, согнулся новый дом,  
Тьма глядела из углов холодных.

Лесоруб обшарил все леса,  
Обошёл все кочки на болотах.  
А вокруг звучали голоса,  
Безответно звавшие кого-то.

Обращался он и к пням седым,  
И к ручью, и к облаку... Однако  
Девушка растаяла, как дым,  
Не оставив ни следа, ни знака.

Не могли помочь ему в беде  
Ни купцы, ни знахарки-старушки.  
Не встречал её никто нигде,  
Ни в одной окрестной деревушке.

Белый свет уж стал ему не люб.  
Но, тая в душе тоску-заботу,  
В лес ходил печальный Лесоруб  
На свою привычную работу.

И однажды он в глуши лесной,  
Где и бледный луч нарядно-ярок,  
Встал перед высокою сосной,  
Изготовясь ловко для удара.

Та сосна была светла, стройна.  
Мягко красота её сияла.  
Нежностью самой опушена,  
Между двух берёз она стояла.

Он вздохнул – вздохнули и стволы,  
Он кору погладил золотую...  
И скатилась капелька смолы  
Прямо на ладонь его литуую.

Улыбнулся грустно он сосне,  
Устремлённой ввысь, к вершине полдня,  
И промолвил: – Знать, негоже мне  
Красоту твою губить сегодня. –



Повернулся – что за странный вид!  
Словно сосны вмиг темнее стали.  
Ведьма под осиною стоит  
И в кривой улыбке зубы скалит.

Облачилась в радужный наряд.  
Молодой явилась и красивой.  
Обжигает мох горящий взгляд,  
Жадный, беспощадный и спесивый.

– Что же ты топор свой опустил? –  
Прошипела Ведьма ядовито.  
– Или уж совсем не стало сил,  
Или одурь в кровь девчонкой влита?

На мгновенье замер Лесоруб,  
А потом хлестнуло в сердце пламя,  
Резкий крик с его сорвался губ,  
В прорезь неба брошенный стволами.

Солнца диск движенье прекратил,  
Видя, как шагнул он под осину  
И за космы Ведьму ухватил,  
И на землю, размахнувшись, кинул.

Эхо от удара, как по льду,  
Прокатилось к дальнему оврагу.  
Ведьма у деревьев на виду  
Обратилась в тёмную корягу.

Верно, долгожданный час настал.  
В буйный пляс пустились два зайчонка,  
И не лес ли сам защебетал  
Беззаботно, весело и звонко?

Лесоруб усталый поднял взгляд:  
Рядом с ним стоит его невеста.  
А вокруг деревьев тесный ряд.  
И меж двух берёз пустое место.

*1976. Вежайка*

## КЛИНОПИСЬ

Январь повис на ветках зрелым инеем.  
Вздувает ветер снежную пыльцу,  
и небо баламутное, не синее  
прильнуло к напряжённому лицу.

В краю оцепенелого безумия,  
где заблудились в ельниках века,  
беспечности таинственная мумия  
в глаза мои глядит издалека.

Ну, словно белый свет во мне заклинило  
неведомо зачем и почему.  
Не видно ни зелёного, ни синего,  
а красного я просто не пойму.

Оно в тона тревожные, багровые  
впадает здесь, угрозы не тая,  
но день пути прокладывает новые  
туда, где днесь воскреснет жизнь моя.

Я прохожу сквозь иней, грязь, безумие,  
купаюсь в ослепительном снегу.  
И пирамиду надевает мумия,  
с которой я расстаться не могу.

*5 января 1977. Везжайка*

День был обычной завалью богат  
И до корней пропитан гарью липкой.  
У входа в ночь встречал меня закат  
Приземистой, рассеянной улыбкой.

В нём догорали тихие миры,  
Века сплавлялись в авторефераты,  
И будущего щедрые дары  
Бросали в ночь межзвёздные пираты.

Потом вестей неистовых прибой  
Нетерпеливо штурмовал сознание,  
То флейтой, то архангельской трубой  
Души нетленной потрясая здание.

Никто не в силах прошлому помочь.  
Тем более в краю тоски убогой.  
Где тишина, чреватая тревогой,  
Переползает по-пластунски ночь.

*Январь 1977. Вежайка*

В те дни, когда я был беспечен  
И комбикормом обеспечен,  
Меня давила злая сила,  
Которая чертей бесила.

Так, в равновесии невнятном  
Я, любопытный к тёмным пятнам,  
Влачил своё существованье  
Среди идей простого званья.

В пути мне встретилась комета,  
В наряд обманчивый одета.  
Она, как тайные светила,  
Укромный свет в глуши таила.

Потом, разыгрывая драму,  
Шутя меня спихнули в яму,  
Где тьма весьма своеобразно  
Кроит людские судьбы разно.

И вот гадаю каждый день я,  
В своё вникая положенье,  
Не теней ли переплетенье  
Фантасмагория движенья.

*Январь 1977. Вежайка*

## КОКТЕЙЛЬ

На Вежайке у входа в метро  
Осетры продавали ситро.  
А под пальмой на той стороне  
Пел бродячий шаман обо мне.

Сквозь бараки из тёмных досок  
Падал снег на горячий песок,  
И запавшие в полночь слова  
Подбирала любовно трава.

Было странно, дурманно, светло.  
Звёзды бились всю ночь о стекло  
И с намёком на Чад и Непал  
В банке призрачной чай закипал.

Лось чесал о созвездья рога...  
Жизнь входила в свои берега.

*Январь 1977. Вежайка*

Укромный уголок у кромки бед...  
Лежу, обуреваемый покоем  
И вижу Свет изогнутый, о коем  
Твердят слепцы глухим две тыщи лет.

А мне уже всё это ни к чему.  
Что мне тот свет и сам источник света!  
Ведь песенка моя земная спета,  
Хоть слов её и сам я не пойму.

Мой мир заносит илом и песком,  
И шелестит вокруг сухая пена.  
Но что-то из беспамятства и тлена  
Нелепым пробивается ростком.

*1977. Вежайка*

*Леночке Васильевой*

На перекрёстке ветров,  
за поворотом событий  
снежный скрывает покров  
неистребимые нити.

Связь между ночью и днём,  
прошлого с будущим скрепы.  
В жизни, омытой огнём,  
недоуменья нелепы.

Всё прорастает в свой срок  
и потому – слишком скоро!  
А поутру между строк  
в песню впадают озёра.

Те, что, раскрыв лепестки,  
солнце встречают приветом,  
время деля на куски,  
опустошённые светом.

На перекрёстке разлук,  
за поворотом печали –  
тени раскинутых рук,  
тех, что любимых встречали.

Токи, потоки, лучи,  
тихие стёжки-дорожки...  
Вечное дремлет в ночи  
книгою в чёрной обложке\*.

---

\* Имеется в виду Новый Завет, подаренный Л. В.

Лепят века и миры  
полуприкрытые веки.  
В сотах Фаворской горы  
все начинаются реки.

*28 февраля 1977. Микунь*



## МІКУНЬ

### 1

Микунь расположена далеко от Рая.  
А точнее в северном лагерном краю.  
Верно, для кого-нибудь нет милее края,  
Я же лишь элегии из него крою.

Микунь облесована ёлочной тайгою,  
Плотно заментована вдоль и поперёк.  
(Если вы не знаете, что это такое,  
Значит, вас от многого ангел уберёт!)

Микунь заштрихована руганью безбожной,  
Духом винно-водочным до антенн полна.  
Первобытность вклинилась в мой характер сложный,  
Сквозь века летит ко мне длинная волна.

Уровень духовности здесь утробно низкий.  
Без энтузиазма он и неразличим.  
Лес КЛ-400\*, уголь воркутинский...  
Уровень греховности... Ладно. Помолчим.

### 2

Этот город звёздами богат,  
Как экватор поселеньями кораллов.  
Здесь майоров больше, чем солдат,  
А солдаты тут наглее генералов!

Этот город взял меня в полон.  
В общей куче – равнодушно и угрюмо.  
Мой загон открыт со всех сторон,  
Для ветров и безответственного шума.

---

\* КЛ-400 – номер лагеря на Вежайке в Коми.

Эти годы вытянуты вдоль  
Ощетинившейся зоны одичанья.  
Микунь, Микунь. Колющая боль.  
Дни и ночи пересыльного мычанья.

*5–6 марта 1977. Микунь\**

---

\* В феврале 1977 г. автор был условно-досрочно освобождён с обязательными работами в городе Микунь Усть-Вымского района Коми АССР.

Луч того, иного света,  
Дух вражды, единый в паре –  
Два дуэльных пистолета  
В чёрном кожаном футляре.

Век, в котором дни уснули.  
Мир живого притяженья,  
Где полёт сметали пули  
Вихрем встречного движенья.

Честь, всевластная на деле...  
Родовой характер блажи...  
В чьи-то вы глаза глядели,  
Миротворцы от Лепажя?

*Апрель 1977. Микунь*

## В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Мне заменяет музыка друзей,  
Цветы и книги, и улыбку милой.  
Я в этой жизни скудной и унылой  
Вхожу в сиянье звуков, как в музей.

Мне заменяет музыка семью,  
Движенья мысли, отрешённость веры.  
Душа украдкой воспаряет в сферы,  
Что скрыты за печатями семью.

Мне заменяет музыка меня,  
Того, что из алмазного смиренья  
Скроил себе четыре измеренья  
Под знаком животорного огня.

Я присягаю музыке живой,  
Сестре огня, надежде и отраде,  
И оставляю в замкнутой тетради  
(Надолго ль?) голос тихоструйный свой.

*10 мая 1977. Микунь*

## СОЛОВЬИ

Усугубляя знания свои,  
Я как-то сделал страшное открытие:  
Чтоб сладкозвучней пели соловьи,  
Их ослепляли тонкие ценители.

Влекомые сквозь пламя силой злой,  
Захваченные дьявольской лавиной,  
Они калёной на огне иглой  
Выкалывали очи соловьиные.

И в клетках под нависшим потолком  
Комочками сгущённого страдания  
Метались птицы, взятые силком  
В темницу из просторов мироздания.

Я слышу крик, что трелями оброс.  
Он был лишён случайного и лишнего.  
Он совершенством доводил до слёз  
Жреца искусства, в грёзы воспарившего.

*Май 1977. Микунь*

## СОNET\*

*Леночке Васильевой*

Ещё мне, как воспоминанье, мил,  
Ещё пленяет призрачным нарядом  
Восторженности выморочный пыл,  
Что опровергнут жизненным укладом.  
Я радугу упругую лепил  
В глубинах сна неуловимым взглядом,  
Она цветком осуществлялась – рядом  
С торжественной судьбой гнилых светил.  
В мой сон легко спустился твой сонет  
С высоких облаков минувших лет.  
И озарился духотворным светом  
Не тот, а этот отчуждённый свет,  
Мир выдуманных бесами примет,  
Равно чужой мне и зимой, и летом.

*5 июня 1977. Микунь*

---

\* Ответ на письмо и стихотворение Л. В. в лагерь.

Э.

Воскресный штиль. Я снова о тебе...  
Не заглушим условный стук тревоги.  
Обуревают соло на трубе  
Весь разворот взыскующей дороги.

Зачем я тут, в бессмысленной глуши,  
Где тень твоя скользит по отголоскам,  
Где жизни полустёртые гроши,  
Что буквицы, закапанные воском?

А в старом доме замерших зрачков  
Касается бессонная усталость.  
И смутный мир за стёклами очков  
Кроится из того, что нам осталось.

Сквозь накипь человеческой дрянцы  
Гляжу на лик земной своей отрады,  
И звякают на дугах бубенцы,  
Чей звонкий смех разрушит все преграды.

*11 июля 1977. Микунь*

Жизнь текла приблизительно,  
С направленьем на лучшее.  
Но прервался пронзительно  
Кризис благополучия.

Скрылось близкое в дальнее,  
И по пеплу да по снегу  
Заманила звезда меня  
На Эйнштейнову просеку.

Память жалила блёстками,  
Явь лепилась фантазией.  
Стал я щепкой, захлёстнутой  
Поэтапной оказией.

Хоть живу не для вечности,  
Сердце яростно мечется.  
В этой бесчеловечности  
Я – посол человечества.

*16 июля 1977. Микунь*



## ГОЛОС

Э.

Твой голос я опять с собой унёс.  
В нём было всё: и кружево волос,  
И взгляд, из глубины летящий ввысь  
Сквозь облако, похожее на рысь,  
И близость, что помножена на даль,  
И полуобнажённая печаль...

В наш век подешевели чудеса.  
Людей переживают голоса.  
Тела и души слишком хрупки тут,  
Лишь голоса бессмертье обретут.  
Но мы с тобой пока ещё живём  
На пустыре, расчищенном огнём.

И голоса пока ещё при нас  
(А может, это мы при них, как раз?!)  
Не стоит безответственно гадать.  
Жить на земле... Какая благодать!  
Забудь, что ты нездешняя звезда.  
Приснись мне этой ночью. Навсегда.

*27 сентября 1977. Микунь*

## ПАМЯТИ ЛОРКИ

Виден контур неплохо,  
Если честно взглядеться.  
За плечами эпоха  
Исторических бедствий.

Знаю, правда лишь с теми,  
Кто проник в её поры.  
Хватит ссылок на время!  
Не темните, сеньоры!

Прогрессивная косность  
Отцветёт и увянет.  
Нет, не выходом в космос  
Будет век наш помянут.

Нет, отметят потомки  
Основную примету:  
В этом веке подонки  
Убивали поэтов.

Мудрость рыба да птичья –  
Сохранение рода.  
К персональным отличьям  
Равнодушна природа.

Треплет ветер полóву,  
Тот, что зёрна повыел.

.....  
За убитых ни слова  
Не доскажут живые.

*Декабрь 1977. Микунь*

Э.

Да, я порой тебя не вижу  
Совсем. И день, и два, и три...  
И дальше ты теперь, и ближе.  
Но душу прошлым одари!

Оно огромно и весома  
При всей условности своей.  
И то, что я оставил дома,  
Того, что взял с собой, милей.

Но что я взял, а что оставил,  
Не оценить, не уяснить.  
Мы в ткань необходимых правил  
Вплели диковинную нить.

*Декабрь 1977. Микунь*

## ДИСТРОФИКИ

Мне камерный удушливый покой  
Не может принести успокоенья,  
А прошлое скользит размытой тенью  
И к будущему тянется рукой.

Но будущего нет, и потому  
Пусть лучше эта тень совсем растает.  
И без того дыханья не хватает,  
Когда плывёшь в оскаленную тьму.

*Ноябрь 1974. Лефортово*

Одним дано описывать природу,  
Удел других – описывать имущество.  
И те и те, равно служа народу,  
Неравные имеют преимущества.

А если посмотреть на вещи шире,  
Описывать легко, хотя и суетно.  
Лишь свинство, воцарившееся в мире,  
Непостижимо и неопишимо.

*14 марта 1975. Лефортово*

Пускай гитарой обернётся лира  
И, насыщая жадную молву,  
Частушки за сонетами Шекспира  
Поднимутся в седую синеву.

Мне по душе изысканность сонета,  
И грубая шутливость мне мила.  
Чудесна встреча мастерства поэта  
С талантом, раскалённым добела!

*Июнь 1975. Лефортово*

Пока мне дарит жизнь своё тепло,  
Вселенную по крохам собирая;  
Пока быльём тропу не замело,  
Ведущую сквозь Ад к предгорьям Рая;

Пока я чувств бессонных пятерней  
Сжимаю мир любовно и упрямо,  
Не лиходействуй, время, надо мной,  
Не искушай меня покоем, яма!

*Август 1975. Лефортово*

Э.

Дня золото и ночи серебро  
к твоим ногам, адамово ребро,  
принявшее обличье красоты,  
сложили простодушные скоты.

А ты, прищутив тёмные глаза,  
на дне которых тает бирюза,  
прикрытая бестрепетной бронёй,  
глядишь на свет, прикрытый пеленой.

*12 декабря 1975. Вежайка*

Просто выпростать радость и горе,  
остудить на ветру покаянном,  
Жизнь и смерть... В их космическом споре  
растворяется тайное в явном.

Просто вырастить древо познания  
с обнажёнными жаждой плодами,  
чтоб шалаш у корней мирозданья  
озарился строкой об Адаме.

*Декабрь 1975. Вежайка*

Распался мир на ржавые детали.  
Тот мир, в котором шуму вопреки  
в скитах приют скитальцы обретали  
учениками леса и реки.

Не умиляюсь, – просто удивляюсь  
бессилию мертвящей суеты,  
ведь сам я в мире тихом появляюсь,  
штурмуя разведённые мосты.

*5 апреля 1976. Вежайка*

Не только тяжестью оков  
Убийственна беда,  
От энергичных дураков  
Не скрыться никуда.

Они галдят со всех сторон,  
И воют, и шипят.  
В дерьме шакалов и ворон  
Ты с головы до пят.

*30 июня 1976. Вежайка*

Вот бараки – злые родственники терема.  
Вырождение на повестке дня.  
Одуванчики и лютики растерянно  
из травы глазают на меня.

Что скажу я им сейчас и чем утешу их?  
Я молчу. Я опускаю взгляд.  
Сквозь неторопливость безуспешную  
в прорву неба спутники летят.

*1 июля 1976. Вежайка*

## ОЩУЩЕНИЕ

Вода забвенью ищет в нересте.  
Прозрачность неба поредела.  
Плодами обезьяньей ереси  
земля забита до предела.

Во всём тревожно ощущается  
та духота предгрозовая...  
Земля с Галактикой прощается,  
ракеты в космос посылая.

*14 июля 1976. Вежайка*



## ИЗ ТИШИНЫ

Я по крупицам тишину коплю,  
ищу её, прозрачную, повсюду.  
Не отраженье Бога, не посуду –  
из тишины Вселенную леплю!

Я увлечён глобальной глубиной.  
Мне времени, пространства, света мало,  
а главное – нехватка материала!..  
Но я леплю... Не смейтесь надо мной.

*19 июля 1976. Вежайка*

## КОЛОНИАЛЬНЫМ ГИЕНАМ

Сгинут вышки и рухнут стены,  
но в скрещеньях далёких трасс,  
чифирмены и хлебустьеры,  
я вовек не забуду вас!

Вызвав призрачный мир колючий  
из отходов остывших лет,  
погашу я на всякий случай  
излучаемый взглядом свет.

*19 июля 1976. Вежайка*

УДОбная\* статья надежды греет  
и облегчает груз напрасных лет,  
а при глухой – тоска всегда острее  
и никакой вблизи надежды нет.

Вся жизнь разбита напрочь постатейно.  
В ней два течения – каждому своё.  
И всюду напряжение смертельно,  
и всюду беспокойства остриё.

*20 июля 1976. Вежайка*

### ГОЛУБИЗНА

Чем небо выше, тем оно темней,  
тем гуще высоты голубизна.  
Сшиваю лоскуты померкших дней,  
спины не разгибая допоздна.

Как редко я теперь гляжу в зенит!  
На горизонт наклеиваю взгляд...  
А колокол Истории гудит,  
в столетний мёд переплавляя яд.

*1 августа 1976. Вежайка*

---

\* УДО – условно-досрочное освобождение.

Узнал я давным-давно,  
Что мрак – это чёрный свет.  
Ну разве не всё равно,  
Какой у сияния цвет?!

Есть прелести вкус во всём,  
Чем жизнь подкупает нас,  
А свет мы в себе несём,  
Чтоб он наши души спас.

*25 августа 1976. Вежайка*

### ЗЛОЕ ЗЕЛЬЕ

Сдувает звёзды с неба ветер,  
Ну а Луне и горя мало.  
Я, заглядевшись, не заметил,  
Как и моя звезда упала.

В загоризонтье, в запределье  
Скатилась. А куда – не знаю.  
Мне ночь готовит злое зелье,  
И горбится тропа лесная.

*25 августа 1976. Вежайка*

## ТЕНЬ

Летит ракетная бадья  
В глубины солнечной нирваны.  
И чёрный сок небытия  
Сочится из небесной раны.

Он растекается вокруг,  
Земную жизнь опустошая.  
На край немыслимых разлук  
Ложится мысли тень большая.

*19 октября 1976. Вежайка*

## ГОРЬКОЕ ВИНО

О, храмов Рай и Ад, сгустивший всё в одном,  
где стройный хор лампад поёт о неземном!  
Ни игрище, ни дом, ни магистраль, ни глушь,  
но некий космодром для окрылённых душ.

Здесь виден мир иным. Смесь грязи и стекла,  
он обратится в дым, сгорев к утру дотла.  
А мы давным-давно горим на тех кострах,  
где горькое вино внушает сильным страх.

*23 ноября 1976. Вежайка*

## ЛУНКА

Сок духовности под ноги выльется,  
если сердце забилося под лёд.  
Современность, моя собутыльница,  
непотребные песни поёт.

По карнизам из пористой накипи,  
невзирая на смех и на лай,  
проплывают земные лунатики,  
неземного хватив через край.

*11 декабря 1976. Вежайка*

Земля – филигранью,  
А небо – финифтью.  
И луч над геранью –  
Парчовой нитью.

Вся даль кружевная  
Светла и прозрачна.  
И всё же я знаю,  
Что жизнь однозначна.

*Апрель 1977. Микунь*

Текла по морю сонному горячая река.  
Финал горизонтально даль окрасил.  
И волны перекатывались через облака,  
И по лучам катились восвояси.

А время тихо таяло в сиянии воды  
(Оно продлится в памятных зарницах).  
И мира триединого холодные следы  
Расклёвывали вымершие птицы.

*Апрель 1977. Микунь*

Сколько нас таких – инакодышащих,  
Видящих и слышащих инако?  
Нет, не миллионы. Сотни. Тысячи.  
И на тех нет солнечного знака.

Мы скользим, пренебрегая толками,  
По волне, созвучной с горизонтом.  
А инакомыслящие толпами  
Бродят по знамёнам и газонам.

*Апрель 1977. Микунь*

## ВИДЕНИЕ

Предивное нагромождение  
Надстроек, базисов, ракет.  
Абсурд застывшего движения,  
Которому названья нет.

Горит звезда над верхним ярусом.  
Под ней – секира и топор.  
И Родина великим Янусом  
Глядит на жизнь мою в упор.

*10 мая 1977. Микунь*

## ПРОСТО ТАК

Простота от века многолика.  
Столь различны лики простоты,  
Что одна почти равновелика  
Истине, окрасившей цветы;

О другой же говорят в народе,  
Что она, мол, хуже воровства.  
Простота... Сперва всё просто вроде,  
А поди дойди до естества!

*24 июля 1977. Микунь*

## МЕЛОЧЬ

### Автоэпиграмма

Он знал и горечь и усталость.  
Менял на тугрики гроши,  
Но в бесконечность упиралась  
Диагональ его души.

### Вежайская колыбельная

Спи спокойно. Никуда не денешься.  
Зря ты на начальника надеешься.  
Зажую тебя без всякой жалости  
по причине умственной отсталости.

—

Зима не за горами – за лесами,  
дрожат леса от поступи её.  
Прикрытая седыми небесами,  
земля уже впадает в забытьё.

—

И в беде удача скрыта,  
Что из мрака проросла.  
Из разбитого корыта  
Можно сделать два весла.

—

Блажен, кто спит с историей в обнимку,  
на нас надвинув шапку-невидимку.



---

Годяю было сказано, что лъзя,  
и он возликовал, но имоверно:  
ведь и его прикаянности скверна  
коснулась по избежности скользя.  
...Годяю было сказано, что лъзя.

*1976–1977. Вежайка, Микунь*

**1978–1988**

**Москва. Погорелка**



Как появилась ты, Алоль,  
Между Пустошкой и Опочкой?  
Не гриновской ли светлой строчкой  
Вошли в тебя тоска и боль?

Откуда ты взялась, Алоль,  
На Псковщине косноязычной,  
Как в этот мир явилась, столь  
К певучим звукам непривычной

И как ты удержалась в нём?  
Как устоять в кольце сумела,  
Соседям радостно и смело  
Бросая вызов день за днём?

Сбегает к озеру дорожка,  
А сосны выстроились вдоль...  
Между Опочкой и Пустошкой  
Сияет зорями Алоль.

*Июль 1978. Алоль*

Не стоит зло употреблять  
Большими дозами.  
Вон тучи добрые опять  
Чреваты грозами.

Встречай же зори, мир любя,  
Во всеоружии,  
Чтоб не осилили тебя  
Стихии дюжие.

Пусть космодромов голоса,  
Для нас ненастные,  
Щекочут эти небеса,  
Коварно ясные.

Всё встанет на свои места,  
Коль грех прощается.  
Ведь, надо думать, неспроста  
Мир упрощается.

*10 сентября 1978*

Угадано, взлелеяно, забыто...  
И паруса на горизонте быта  
Смывает навсегда волна заката,  
Как было предвозвещено когда-то.

Всё просто. Обеспечен стимул роста,  
Жизнь колосится под эгидой ГОСТА,  
И особь добивается удачи,  
Обожествляя цели и задачи.

А те, кто до безумья близоруки,  
Берут эпоху смело на поруки  
Со всем её непостижимым грузом,  
Скользящим по-божественному юзом.

Попробуйте-ка без предубежденья  
Измерить путь от смерти до рожденья,  
И воссияет всё, что в дебрях быта  
Угадано. Взлелеяно. Забыто.

*15 сентября 1978*

## ВЕРДИКТ

За право судить и карать  
Чем платят пигмеи?  
Есть право гореть и сгорать,  
От горя немея.

Есть право мечтать и творить,  
Продлившись в творенье,  
И людям о том говорить  
В бреде озаренья.

Безжизненны славы лучи,  
Заслуги условны;  
Виновны не все палачи –  
Все судьи виновны!

Нескоро проявит свой нрав,  
Не нынче, не завтра,  
Преступно присвоенных прав  
Двуликая правда.

О вера, себе на беду,  
Стальная от века!  
Предать человека суду –  
Предать Человека!

*21 декабря 1978*

## А. МАКОВСКОМУ

### 1. Эпитафия

Когда из Маяковского  
Изъяли букву «я»,  
Явление Маковского  
Произошло, друзья.  
Настроенный воинственно,  
Как лодка без весла,  
Он был из тех единственных,  
Которым нет числа.

### 2. Увенчание поэта

Творец поэм, элегий и буколик,  
Неведомый читателю колосс,  
Российский дворянин Маковский Толик  
Нам о тетристах буйных весть принёс.

Его призрели Хлебников и Пушкин,  
Он трезвой современности упрёк,  
Простроченный от пяток до макушки,  
Рифмующийся вдоль и поперёк.

В нём воин с математиком усопли,  
Рассеялась страстей бесплодных рать,  
Чтоб мог он поэтические сопли  
Уездным демиургам утирать.

И всё же, несмотря на власть советов,  
Я верю, что, бессмертия допрежь,  
Венок благоухающих сонетов  
Украсит истомившуюся плешь.



### 3. Портрет

Узкий слух. Глаза сектантской выделки  
И какой-то однокрылый разум.  
Без привычки трудно сразу выделить  
Ген, что виден опытному глазу.

Не ища с цветами примирения  
И от света свежего балдея,  
Колосится в поле его зрения  
Хилая подпольная идея.

Комплексы... плюс мания величия...  
Минус понимание наличия.

*9–10 января 1979*

## АТЛАНТИЧЕСКОЕ

Пряха не порхает на пуантах.  
Зебре ни к чему медвежья шкура.  
У Атланта не было таланта,  
Но была зато мускулатура.

Может быть, и гордый ролью лестной  
(Выразиться, впрочем, не умея),  
На плечах он держит свод небесный,  
Вовсе личной жизни не имея.

Мы на Зевса с осуждением смотрим.  
А Атлант подавлен небесами,  
Так как сменщик не был предусмотрен  
Допотопным штатным расписанием.

*Январь 1979*

*Лене Снежковой*

Лена... Лето... Лебедь...  
Луч разьят на части.  
Быть усталой Ледой –  
Это ли не счастье?!

Разве Леда помнит,  
Разве Леда знает,  
Что из храма полдня  
Полночь выползает?

У камней прибрежных  
Оживает пена.  
Полдень шепчет нежно:  
«Лебедь... лето... Лена...»

*23 января 1979*

Умирает лишь то, что мертво;  
Всё живое живёт бесконечно,  
Потому что живущее вечно,  
Умертвить невозможно его.

Всё живое уходит в зенит  
И навек на земле остаётся  
И, подобно воде из колодца,  
Жажду жизни всегда утолит.

Погляди на цветок и пчелу –  
Разве может их дружба прерваться?  
Всё живое – единое братство,  
Недоступное смерти и злу.

*26 января 1979*

## ОБЪЕКТ

Сегодня объект изучения –  
Субстанция предназначения.

Держа под прицелом Вселенную  
И шастая в микромирах,  
Учёные душу нетленную  
Легко повергают во прах.

Зажав её меж электронами  
Под сенью нейтронных небес,  
Учёные вычислить пробуют,  
Каков её атомный вес.

Конечно, природа душевности  
Настолько тонка и сложна,  
Что наши духовные ценности,  
Скорбя, отвергает она.

И всё же объект изучения  
Усилил напор излучения.

*29 января 1979*

## ВИДЫ

Вопреки державным книгам  
Времена рожают нравы.  
Хоть народ покинут игом,  
Нет на страждущих управы.

Покидав свои обиды,  
Площадь жил. и партбилеты,  
Всяк сверчок имеет виды  
Черпануть воды из Леты.

Пребывая дни и ночи  
В карантинном супершлюзе,  
Эксдальтоники порочат  
Край растерянных иллюзий.

У евреев заполярных  
И у жителей столицы  
Мысли перпендикулярны  
Государственной границе.

*5 февраля 1979*

## РОССИЯ ДЕТСТВА

*Герману Валикову*

Привидится, припомнится:  
За всходами вчерашними  
Дорога пылью полнится  
Да машет луг ромашками.

Серебряной подковою  
Легла в быльё былинное  
Россия родниковая,  
Ржаная да полынная.

Простором незапятнанным  
Со всех сторон украшены,  
Сегодня вглубь запрятаны  
Те дни от взгляда нашего!

Там песни в поле просятся,  
Там сны свисают с месяца.  
Путей чересполосица...  
Околиц околесица...

*8 февраля 1979*

## ПОЭТИЧЕСКОЕ КРЕДО

Я правильно живу, наверно, –  
Презревши щедрую казну  
И отменяя откровенно  
Назойливую новизну.

И тот читатель мной покинут,  
Что, ставя мысль на тормоза,  
На стихотворную лепнину  
Таращит вялые глаза.

Не спесь моя тому причиной.  
Нет, отказавшись от себя,  
Вступаешь в жалкий брак с личиной,  
Высокое в себе губя.

Всё так, и нет пути иного.  
И нет в безвестности беды.  
Но пусть не облачатся в слово  
Тщеславья жалкие плоды.

Я жить хочу без оговорок,  
Не домогаясь мелких благ,  
Чтоб молодеть годков на сорок  
В кругу упрямых бедолаг,

Чтоб не щадя себя для песни,  
Лишь сокровенное дарить,  
И в персональном поднебесьи  
На крыльях собственных парить.

*15 февраля 1979*



На пути до предела коротком  
Каждый встречный – нелепости страж.  
За надёжным земным поворотом  
Вырастает небесный пейзаж.

Всё постылое в нём невесомо,  
Всё бескрылое исключено.  
Неразборчивая хромосома  
Где-то в прошлом бубнит о земном.

И вокруг непреложность такая  
И такой безысходный покой,  
Что не тянет, страстям потакая,  
Возникать журавлиной строкой.

*6 марта 1979*

## ЗЁРНА

Говорит мне рассудок резонно,  
Возраженья легко отменяя:  
«Что же ты самородные зёрна  
Растерял, в эмпириях витая!

Подними и в актив свой зачисли,  
О плодах чародейства радея,  
Затонувшие в памяти мысли,  
Погребённые илом идеи».

Пустяки. В продырявленной лодке,  
Устремившейся к призрачной вере,  
Стали слишком тревожны находки,  
Стали слишком надёжны потери.

*10 марта 1979*

## ЕВРЕИ

Было время... Да, когда-то  
И у нас глаза горели.  
Было всё: вожди и даты,  
И сирен газетных трели.

На земле ничто не вечно.  
Козни дьявола, подвох ли,  
Но иллюзии, конечно,  
Быстро с голоду подохли.

И кляня проект и смету,  
Вновь надеждой души грея,  
Разбрелись по белу свету  
Окающие евреи.

Всё-то им во что-то верить  
Надо в мире этом дивном,  
Чтоб срывая с петель двери,  
Рваться к молниям и ливням.

*20 марта 1979*

## ИСХОД

*М. Гробману*

Летишь по следу за последними  
И замечаешь умозрительно,  
Что звёзды стали непоседливы,  
Поскольку скорость заразительна.

Кипит исходное брожение,  
Но распадается на атомы  
Одностороннее движение  
С порогами и перекатами.

Слепой истории ирония  
Змеится в лихорадке беженства.  
Выдавливают инородное  
Уютные гнездовья бешенства.

А ты уходишь в даль безмолвную,  
Где и следы не обнаружатся,  
Где гасит яростную молнию  
Безоблачного неба лужица.

*14 мая 1979*

## САМОПОЗНАНИЕ

Да простит меня брат Бердяев,  
Бесприютна моя натура.  
Шумно в гильдии разгильдяев,  
Пусто в курии Эпикура.

Проклинаю порой лавину,  
Оборвав на полслове диспут.  
Но из века меня не вынуть  
И в другой навсегда не втиснуть.

В норах этих домов я вырос,  
Этой речью над былью поднят,  
Этой горечи встречной вирус  
Прорастал во мне тенью полдня.

Уличив в лихоимстве цели,  
Я с бесплодной свернул дороги.  
Стали храмом моим качели,  
А жилищем чудес отроги.

Кружит стрелки часов пружина,  
Мир чудовищен и чудесен.  
Глубина меня закружила  
В смутном омуте снов и песен.

*17 мая 1979*

## ДЕНЬ

*М. Айзенбергу*

Гроза грассировала бегло.  
Засасывала взгляд картина.  
Куделью Миши Айзенберга  
Была стреножена квартира.

Она пыталась, как гробница,  
Подняться в мир обособленья,  
И лето не могло пробиться  
Сквозь многослойный гнёт сомненья.

Пространство было бездыханно,  
А время непреборимо.  
Асфальт и слух долбила манна  
Вдали от Иерусалима.

Вдали от жизни и от смерти  
Гроза на строки день дробила.  
И свет рождался на мольберте,  
И пела о любви Далила.

*28 июня 1979. Погорелка\**

---

\* В течение многих лет автор проводил летние месяцы в деревне Погорелка Нижегородской области.

## НАД ВЕТЛУГОЙ

### 1

У реки, где тучи в кучи свалены,  
Где на миг реакция мгновенна,  
Комары, исчадьё местной фауны,  
Кровь мою сосут самозабвенно.

Погружённый в музыку ужения,  
К чуткому удилицу приросший,  
Я регламентирую движения  
И мусолю мысли, что попроще.

Ось времён – спираль переоценки,  
И, являясь доминантой темы,  
Поплавок определился в центре  
Нервно-вычислительной системы.

Это лето промелькнёт как белка,  
Пробежит по скошенному лугу.  
Светлая деревня Погорелка  
Поднята ветрами над Ветлугой.

### 2

Среди мычания и бляенья  
Живу, ловя себя на слове,  
И все погодные явления  
Мне в жизни этой словно внове.

Земля и небо первозданностью  
Определяют ход событий,  
А глушь столичная за давностью  
Отсутствует в душе и быте.

В Москве когда-нибудь приснится мне,  
Как вылинявший и нескладный  
Телёнок белыми ресницами  
Процеживает мир оглядный.

3

Копя за горизонтом небыль,  
Процеживая сны, как сито,  
Земля, оправленная в небо,  
Июльской зеленью омыта.

И посреди тиши всемерной,  
Нас осеняющей нечасто,  
Стал осью видимой Вселенной  
Мой поплавок из пенопласта.

Над повседневностью парящий,  
Как центр магического круга,  
Он весь в размытом настоящем,  
Которое ведёт Ветлуга.

И ветру дышится вольготней  
Здесь, где являя вольный норов,  
Рыбачат чайки и на отмель  
Слетаются для разговоров.

4

Стадо движется по лугу,  
Лес вдали – сосна да ёлка.  
Мнёт и тискает Ветлугу  
Ветер северного толка.

А река, томима жаждой,  
Обмелела, измельчала  
И волной взывает каждой  
К туче, вставшей у причала.

Мошкара нетерпелива.  
Клёва просто нет в природе.



Свет идёт путём отлива,  
Тает в некотором роде.

Тает свет и время тает,  
А с реки дорога – в гору.  
И надежды не хватает,  
Чтобы мир пришёлся впору.

*Июль – август 1979. Погорелка*

И верили, и спорили,  
Теря нить не раз.  
О Змии и Егории  
Неисчерпаем сказ.

Где в масле сыр катается,  
Там тьма всего видней.  
Греховность искупается  
В потоке чёрных дней.

Сама звезда пророчила  
Великий перекоп.  
Надёжность дома отчего  
Поставив под вопрос.

Не спяну и не сослепу,  
А «воплощая в жизнь»,  
Сживали души со свету  
Те, кто презрели высь!

А жизнь ожить старается,  
И в росах новизны  
Надежда простирается  
До снежной белизны.

*1979. Погорелка*

В какой-то миг на долгий срок  
Спроста, а может неспроста,  
Повис я в жизни между строк,  
Застрыл в ячейке решета.

Утратил видимую цель,  
Тень будущего стёр с доски,  
И цельности бесценной цепь  
Распалась тотчас на куски.

Сейчас я, пересилив страх,  
В пространстве время растворю,  
И да пребудет прахом прах,  
Вскормивший ложную зарю.

Любая власть бессильна здесь,  
И сила – власти лишена.  
Два мира совместились днесь  
И вечной стала тишина.

*1979*

В мире, где свирепствуют идеи,  
Словно бы они за всё в ответе,  
Не дают забыть нам лицедеи,  
Что Монтекки в ссоре с Капулетти.

За окном качается Россия  
На волне космического бреда.  
Солнцем переполнена росинка,  
Что когда-то называлась Ледой.

А вокруг так дружно мрак творится,  
Что порою не видать и света.  
В книге жизни каждая страница  
Так же имманентна, как и эта.

*2 октября 1979*

Жизнь эту набело не перепишешь,  
Тень умозрения – обманчивый путь.  
В мире газет и рекламных афишек  
Ищешь зацепку какую-нибудь.

Взглядом за слово спешишь ухватиться,  
Словом пытаешься выпростать взгляд.  
Феникс, Жар-птица и Синяя птица  
Блики печали клевать не хотят.

Сколько ещё бликовать до предела?  
На «окружную» выводят пути.  
Жизнь заголилась, но, странное дело:  
Вызова в позе её не найти!

Только растерянность и пустотелость,  
Только инерции зубчатый ход.  
А ведь кому-то, когда-то хотелось,  
Время расплющив, прорваться вперёд!

С вечным грядущее несообразно,  
Ретроспективна природа мечты.  
Где он, оазис в пустыне соблазна,  
Свет всеблагой у последней черты?

Меркнет напрасных небес позолота,  
И, размывая усмешку мою,  
Гаснут в блаженстве слепого полёта  
Души, созвучные небытию.

*14 октября 1979*

## ПРИЧАЛ

Перетирая дни и ночи  
В сухую серую труху,  
Порою сам себя морочишь,  
Юродствуешь «как на духу».

Но если слабость безобразна,  
То ведь и силы блеск смешон.  
В искусстве тонкого соблазна  
Змий-искуситель искушён.

И нет вины, как нет заслуги,  
И нет концов, как нет начал.  
И та избушка на Ветлуге –  
Лишь для шальных ветров причал.

*22 октября 1979*

Когда тебе уже за пятьдесят,  
А в юном небе радуги висят,  
И неизменный путеводный свет  
Уходит ввысь, за солнечным вослед,

Ты замедляешь торопливый шаг,  
Ты замечаешь неприметный знак,  
И озарить способен ясный миг  
Всё то, чего ты так и не постиг.

Но ты и тут вмешаться не спеши  
В единоборство тела и души,  
Поскольку свет умом не постижим,  
А страх доверчив к домыслам чужим.

Твой путь в тебе. Над временем пари  
В разливе догорающей зари.  
Лишь никуда в движенье не спеша,  
К зениту приближается душа.

*7 ноября 1979*

## ИСКРЫ

Мы, творцы словотканых чудес,  
Слишком грубо волхвуем, порой.  
Сколько раз торжествующий бес  
Подменяет молитву игрой!

Оттого-то с годами видней,  
Что стихи (а ведь явь так остра!)  
Чаще – чучела прожитых дней,  
Редко – искры большого костра.

Но чудесного света полна,  
Возникает из мрака строка  
И одна искупает она  
Все просчёты твои на века.

*8 ноября 1979*



Э.

Что можно написать пером Жар-птицы?  
Наверно, очень светлые страницы.  
О днях, покрытых солнечным загаром,  
О радостях, доставшихся задаром,  
О достижениях сосуществования  
Драконов и людей простого звания,  
О чистоте, не замутнённой ложью,  
Конец кладущей злему бездорожью.  
О чём ещё? О том, как ты прекрасна?  
Да. Только где перо добыть – неясно.

*1 декабря 1979*

С годами даль теряет вес,  
Взгляд откровенно тяжелеет,  
Блеск отвлекающих чудес  
Острее становится и злее.

Но осязаемы почти  
За гранью чиновчитанья  
Необитаемой мечты  
Незыблемые очертанья.

То звёздный водит хоровод,  
То опухолью набухает,  
Мечта, что гонит взгляд вперёд,  
Когда дыханья не хватает.

Пусть к ней дороги не найти  
Среди сумятицы и крика,  
Смерть, обретённая в пути,  
Недостоверная улика.

*Декабрь 1979*

## ДИАЛЕКТИКА

Э.

Хоть время и пространство  
Я обращал в пыльцу,  
Суждений постоянство  
Мне всё же не к лицу.

Размыт волной солёной  
И пережжён в огне,  
И сам-то я слоёный,  
Да ты ещё во мне!

Я цельности бесцельность  
Понять сумел давно.  
Однообразья ценность  
Презревши заодно.

И всё же в уплотнённой  
Веками глубине  
Единством полонённый  
Течёт огонь во мне.

*Декабрь 1979*

## АРХИНАУЧНОЕ

Ценольбология... Ампер-наука.  
Теория общественного счастья,  
Единого для деда и для внука,  
Простого, неразрывного на части.

Любого Рая род людской достоин.  
Да воцарится в мире совершенство!  
Когда мы наш, мы новый мир построим,  
Всё человечество вкусит блаженство,

И станет радость сладкой и нетленной,  
И будет надпись к полюсу прибита:  
«Внимание! Жемчужина Вселенной.  
Планета монистического быта».

*13 января 1980*

## ДОМ

Итак, я возродился на Ветлуге.  
Пусть не Русь, иллюзия, а всё ж –  
Природность окрылённая в округе,  
Сквозных овсов приземистая дрожь.

Обособленье от пустой мороки  
Безжалостных державных городов,  
Где наших жизней истекают сроки  
Вдали от зацветающих садов.

Я произрос без этого простора.  
Здесь родина чужая, не моя.  
Но ждёт меня изба, в которой скоро  
Печь растоплю рукой хозяйской я.

И распахну окно в небесный омут,  
В речную блажь, в лесную благодать.  
Вся жизнь моя была дорогой к дому,  
Судьбы своей не могшем разгадать.

Приподнят он над лесом и рекою,  
Над сутолокой вылущенных дней;  
К нему вела тоска не по покою,  
А по тому, что тут всего видней.

Когда ещё имел я столько света?  
Преддверьем сказки грязный стал вокзал.  
Я эту крышу крыл и небо это  
К печной трубе строкою привязал.

*16 января 1980*

## ОТКЛЮЧЕНИЕ

Скользило солнце по снегам,  
Слоился законный гам.

А я весь день читал с листа  
Живую музыку холста,

Искусно умиротворён  
Пространствами иных времён.

Был отключён настырный мир  
Уютных мыслей и квартир.

Был безответственно забыт  
Густой плодоносящий быт.

И этот казус означал  
Несовместимость двух начал.

*17 января 1980*

## ВЕЧЕРНЕЕ\*

Вечер снегом запорошен.  
Переулочек тих и пуст.  
Напевает о хорошем  
Под ногою скрип и хруст.

Как чудесные ступени  
В мир, что всех других милей,  
Электрические тени  
Безмянных тополей.

Вот он, друг и недруг первый,  
Сказки памятник и страж,  
Нашей жизни спутник верный,  
Коренной Москвы пейзаж.

*12 февраля 1980*

---

\* Гороховскому переулочку, где мы прожили почти двадцать лет..

Прилив, отлив... Полвека позади.  
И сам сюжет лишь рама при портрете.  
События, во что их ни ряди, –  
Со-бытиё в неверном лунном свете.

И пульс души почти неощутим  
В словах и позах, лишь на миг – во взгляде.  
Но что мы взглядом выразить хотим,  
И чьей рукой исписаны тетради?

Понять. Постичь. Достичь. Преодолеть.  
В ливрею смысла обрядить нелепость.  
Чего добиться хочешь ты? Ответь.  
Зачем тебе захваченная крепость?

*13 февраля 1980*



## ТИШИНА

С чем сравнить царицу мира тишину?  
Славят солнце и луна её одну.

Звуки все, что нам доподлинно слышны,  
Невоспитанные дети тишины.

Стоит только проявиться ей во сне,  
Мы готовы раствориться в тишине.

Над просёлками сгущая пыльный зной,  
Преисполнено пространство тишиной.

Свет заклинен и в длину, и в ширину:  
Все пути ведут сквозь пламя в тишину.

Оттого покровов жалких лишена  
Сокровенная святая тишина.

*17 февраля 1980*

У входа в небыль прозябают львы,  
Застывшие над вечностью початой.  
Судьба – минутка, немоту молвы  
Двумя лучами накрест опечатай.

Орбиту света исподволь смести,  
Знаменьями укрась на праздник ёлки,  
Чтоб нам до горизонта донести  
Воспоминаний острые осколки.

Над свалкой забракованных чудес  
Качаются несбывшегося тени,  
А где-то в Риме или, может, в Вене  
Телец из притчи набирает вес.

*26 февраля 1980*

*Л. Иоффе*

Нам каруселить в сумраке добротном,  
Где «прежде» наступает на «теперь»,  
И оставлять за каждым поворотом  
Зияющие отзвуки потерь,

Аукаться на просеках отдельных,  
Вострить созвучьем бесприютный глаз  
В цикличности личин еженедельных,  
В нелестном блеске выточенных ляс.

Горизонтальность приземляет градус,  
И даже лучший луч не исцелит  
Изьеденную непогодью радость,  
С которой голос был когда-то слит.

*7 марта 1980*

Болезнь не страшно и стареть не больно.  
Красна земля и снегом, и травой.  
И всё идёт как бы произвольно,  
На поводу у замкнутой кривой.

Вникая в суть свободного полёта,  
Самой Свободы постигаешь суть.  
А Время, как мечта и позолота  
Приманивает взгляд на ложный путь.

Покровы вечных тайн приоткрывая,  
Бросаешь вызов собственной судьбе,  
Но никуда не вывезет кривая,  
Что замкнута навек в самой себе.

*25 марта 1980*

## СМЕРТЬ РЕМБО

Тридцать семь лет.  
Денег давно нет.  
Славы ещё нет  
И... ноги ...нет.

Вот, наконец,  
Возвратился беглец,  
Блудный поэт  
В дом, которого нет.

Взлётный пунктир следа...  
Ах, заблудилось «Да!».  
Жизнь оборвала след,  
Смерть затаила свет,  
Всё поглотило «Нет».

*17 апреля 1980*

Живу вдали от городских усад,  
Вникаю в суть всего, что есть природа  
И, между прочим, рву себе салат  
Со своего, представьте, огорода!

Ловлю в реке щетинистых ершей,  
Лещей и щук приласкиваю взглядом.  
И чувствую себя всё хорошей,  
Особенно, когда окрестность рядом.

России предзакатный уголок...  
Здесь шум иной и тишина иная.  
И осеняет сочный наволок  
Лучистым нимбом радуга двойная.

*Июль 1980. Погорелка*

Живу в плену, смеясь, друзей клянчу.  
Что до врагов, то с ними всё в порядке.  
То вою поэтично на луну,  
то ублажаю прозаично грядки.

Себя теряю, а искать боюсь:  
ну, отыщу. – Привет! – И что же дальше?  
Успешно с искушением борюсь  
и остаюсь в магнитном поле фальши.

Нет, не сейчас, потом, когда-нибудь  
произойдёт само преображенье  
и сразу сутью обернётся муть  
в процессе вседушевного брожения.

Тогда в согласьи с собственной судьбой  
я примирю общественное с личным  
и можно будет быть самим собой  
не в сумасшедшем доме, а в обычном.

*Июль 1980. Погорелка*

Я поэтапно изучал  
*Пенициарную* систему  
И, раскрывая эту тему,  
Немало трудностей встречал.

Зело тернист в науку путь  
(В чём каждый может убедиться),  
Но жить в теплице не годится,  
Хоть, впрочем, и не в этом суть.

Ведя лирический дневник  
Реминисценций и созвучий,  
Я тосковал на всякий случай  
По именам далёких книг.

В скрещеньи ста змеиных жал  
Я следовал порой за модой  
И то, что мы зовём «свободой»,  
Как ёлку в песню обряжал.

Но времени терялся след  
В тени густой дремучей мýки,  
Откуда устремлялись звуки  
Туда, где зарождался свет.

*Июль 1980. Погорелка*



И свет и тьма – всё в мире этом благо.  
Прочнее стали тонкая бумага,  
Хранящая узоры тьмы и света,  
И страх вопроса, и печаль ответа.  
Как просто всё и как всё непонятно!  
Сливаются в одну картину пятна.  
И на ветвях искрится паутина,  
Развешанная, как бельё для сушки.  
Играют в прятки паучки и мушки.  
Листы бумаги, центры облученья,  
Где истины проходят курс леченья.  
И этот мир, заклятый властью слова,  
Приемлет смерть и воскресает снова.

*1980. Погорелка*

Э.

Годы в чёрном пламени сгорели,  
Но, непритязательно живуч,  
Параллельно соловьиной трели  
Развернулся самоцветный луч.

И сегодня в нём не различимы  
Радуга, ручей, и смех, и взгляд.  
Следствия сплелись в нём и причины,  
Пыль с пылью смешав и с мёдом яд.

Луч надежды, преломлённый гранью  
Каждого дарованного дня,  
Незаметно осью мирозданья  
Ставший для тебя и для меня.

*23 ноября 1980*

Э.

Мне чудится порою,  
Когда глаза закрою,  
Что я, пригретый роком,  
Стал пенистым потоком.  
Спешу к заветной цели,  
Неведомой доселе,  
Звезду волной качаю,  
В звезде души не чаю.  
Не стал мой путь короче.  
По руслу дня и ночи  
Несу свои тревоги,  
Как пыль большой дороги;  
Теряю сны и тени,  
Ищу следы мгновений,  
Дивясь на отраженья  
Упругого движенья.  
И рвусь туда, где скалы,  
И падаю в провалы,  
И бьюсь о берега я,  
Звезду оберегая.

*24 декабря 1980*

О Муза туманного облика,  
Давно ли, кроя высоту,  
В окрестностях этого облака  
Тебя я встречал на лету.

Порою паря безответственно  
Над собственной вязкой судьбой,  
Творил я подручными средствами  
Своё единенье с тобой.

Простором словесным обласканный,  
Очищенный от бытия,  
Лепил я созвучными красками  
Иных измерений края.

Безоблачной жизни закраина  
Мне взлётной была полосой  
Над миром Иова и Каина  
С его ядовитой росой.

Меня возносило бессилие,  
Усиленное пустотой.  
А ты... не тебя ли Россиею  
Назвал я в молитве простой.

*3 января 1981*

Блажен, кто с лёгким плугом  
Мир обошёл кругом,  
Змею имея другом,  
А комара – врагом.

Блажен, кто верен свету,  
Мелькнувшему вдали,  
И, оценив примету,  
Перечеркнул нули.

Блажен и тот, кто зная,  
Что жить остался миг,  
Бросал с улыбкой в пламя  
Всё то, чего достиг.

*19 января 1981*

Ни покаянья, ни расплаты.  
Над безмогильностью былинной  
Ржаного хохота раскаты  
Застыли праздничной лепниной.

Ни ослепленья, ни забвенья.  
Но над берёзкой безответной  
Скользит обуглившейся тенью  
Какой-то отзвук предрассветный.

И кружит ветер ту зарницу,  
Что в чьём-то прошлом затерялась,  
И жаждет с будущим проститься  
Раздавленная тенью ярость.

*20 января 1981*

*Л. Васильевой*

Была ты когда-то  
Звездой мехмата,  
Ну, пусть не звездой,  
А планетой, кометой...  
Была ты однако же той,  
А не этой,  
Не верой сильна,  
А надеждой богата.  
Когда-то давно...  
Наяву? Не во сне ли?  
Румянец погас,  
И глаза потускнели,  
На крыльях повисла  
Детишек орава –  
И слева хватают,  
И дёргают справа.  
Как мало простора!  
Как мало покоя!  
Кто знал, что тебя  
Поджидает такое?!  
Что гордый полёт  
Оборвётся так скоро.  
Не в здешних мирах  
Ты парила когда-то,  
Но как же горька  
За паренье расплата!  
И песню, и смех  
Раздавила лавина,  
А прожита жизни  
Едва половина.

*Январь 1981*

*Ахматовой*

Ну как поднимется рука,  
Чтоб образ твой рассыпать в строки,  
Чтоб щедрый выплеск на века  
Вернуть в далёкие истоки?

И удивляться, и жалеть,  
Что наши тени разминулись.  
И в зеркало стиха глядеть,  
Как в тёмный лик застывших улиц.

Как подойти к тому костру,  
Что обернулся пьедесталом,  
И взглядом робким и усталым  
Смотреть на светлую сестру?

Но день кладёт пределы сну  
И надо жить, уйдя из ночи,  
И встретить новую весну  
Улыбкою раскрытых почек.

*Январь 1981*



## ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я из Тбилиси уходил в Тифлис  
И возвращался к прописям тбилиским,  
И всё мне было и чужим, и близким,  
И каждый шаг подготовлял сюрприз.

Да, маловато света и тепла.  
Но ведь зима, и пропасть лет меж нами.  
Тепло и свет ведь не картина в раме,  
Но мир весенний не сгорел дотла.

Пусть я отчасти городом забыт,  
Ряды друзей изрядно поредели...  
Не мнил же я вернуться, в самом деле,  
В минувших лет замороженный быт.

И верю я, что проведут меня  
Горбатых, узких улочек извивы  
Туда, где все надежды наши живы  
И где очаг немислим без огня.

*4 февраля 1981. Тбилиси*

Грузинская проперченная речь,  
Священное грузинское застолье...  
Десятилетье – словно гору с плеч,  
Сроднившихся с матёрой, властной болью.

Десятилетье полное потерь,  
Прокопченное гарью отрицанья.  
Тупое, как захлопнутая дверь,  
Как фраз газетно-звонкое бряцанье.

Иллюзией засыпан ровно ров,  
Сном связаны оборванные нити,  
Точнее провода, а мир здоров,  
И солнца жар не застревает в сите.

Не надо лишь оглядываться и  
Вперёд глядеть, конечно же, не надо.  
Как хорошо, прикрыв глаза свои,  
Плыть по волне искрящегося взгляда.

*6 февраля 1981. Тбилиси*

## ОБРАЩЕНИЕ К ТБИЛИСИ

Добавь, Тбилиси, в жизнь мою  
Струю тепла и света.  
В беззвёздном северном краю  
Зима в долгу у лета.

Пришли, Мтацминда, мне привет  
Хоть с облаком попутным,  
Чтоб я увидел тёплый свет  
Под этим небом мутным.

Шесть полнозвучных лет прошло  
С последней нашей встречи,  
Но в шуме давящем сплошном  
Горят молчанья свечи.

И тени пляшут на стене  
Легко и грациозно,  
Суть жизни открывая мне,  
Пока ещё не поздно.

Ты прав, Тбилиси, кончен спор,  
И в предзакатной шири  
Я вижу радужный узор  
Картин Гудиашвили.

Стремлений скованных причал  
Весь в розовом и белом...  
Здесь Автандила я встречал  
И спорил с Тариэлом.

И солнце сказочных морей,  
Скрестив лучи на карте,  
В открытой памяти моей  
Чеканит образ Картли.

*Февраль 1981. Тбилиси*

## ЯСНЫЙ СВЕТ

Как ласточка, скользит по кругу взгляд,  
Крылом обнявший синие просторы.  
И не понять, где небо, где земля;  
Где звёзды,  
        где огни,  
                где облака,  
                        где горы.

Настроившись на вечности волну,  
Какою мерой свой восторг измеришь?  
О Грузия, я «о» перечеркну –  
Ведь ты и без того любви моей поверишь.

Я шёл к тебе дорогой трудных лет.  
И, стоя наверху горы Давида,  
Как линза, собираю ясный свет,  
И тают без следа и горечь и обида.

Всю нечисть взбаламученной души  
Уносит очистительная Мтквари.  
И тонкая струна звенит в тиши,  
Рисуя профиль головы в тиаре.

*Февраль 1981. Тбилиси*

## СКАЗКА

*Ладо Гудиашвили*

За этой дверью притаилась сказка,  
Которой нет конца и нет начала.  
Она у Санти расцветала в красках  
И в клавишине Моцарта звучала;

Она играла в перевоплощенье,  
Бродила по дорогам невидимкой,  
Врастала в землю неприметной тенью  
И в хрупкой тишине звенела льдинкой.

Она светилась красотой нетленной,  
Над истиной и ложью торжествуя,  
Алхимиками созданной вселенной  
Мерцала и манила мысль живую.

Она с ума мечтателя сводила,  
Стучалась в сердце дулом пистолета  
И призраком вставала над могилой,  
Венчая прах бретёра и поэта.

.....

Седой художник ходит по квартире,  
Показывая нам рассаду чуда.  
Как много красок в этом хмуром мире!  
И все их можно унести отсюда.

Видения, что застывают в раме,  
Ковчег покинув, выбрались на сушу.  
И кажутся картины зеркалами,  
Дробящими одну большую душу.

*Февраль 1981. Тбилиси*

## ЗДРАВСТВУЙ, МТАЦМИНДА!

Здравствуй, Мтацминда!

К тебе после долгой разлуки

Снова пришёл я по старым размытым следам.

Видишь, протянуты полные радости руки,

Всё, что имею, и всё, что умею, – отдам.

Прожитый год растворяется в воздухе чистом,

Косо скользит по траве его бледная тень.

Ты выплываешь навстречу, как остров, как пристань.

Ливнем улыбок омыт этот солнечный день.

Я отыскал к тебе путь не по снам и приметам.

Твой Пантеон мне являлся прекрасной строкой.

Воздух, что нужен влюблённым, орлам и поэтам,

Здесь протекает широкой и вольной рекой.

Солнце ласкает туманом повитые выси.

Город внизу, словно улей бессонный, гудит.

Здравствуй, Мтацминда, –

горячее сердце Тбилиси!

Слышишь, твой стук у меня отдаётся в груди.

*Февраль 1981. Тбилиси*

В жизни главное встречи,  
Остальное – среда.  
В окружающей речи  
Всё невнятно всегда.

Гонят пастыри стадо  
С важным видом в тупик,  
В кущи райского сада  
Червь сомненья проник.

Говорят, всё на свете  
Пре-до-пре-де-ле-но.  
Мне не верится в эти  
Прорицания, но...

Всем программам и планам  
Явно наперекор  
Дарит вместо тепла нам  
Прорву стужи простор.

Свет познания холост.  
Как наследство сберечь?  
В жизни главное голос,  
Упраздняющий речь.

*8 февраля 1981*

Взаимопонимание – типичная химера.  
Взаимообнимание – совсем другое дело.  
Простая эта истина во времена Гомера  
Во всей своей рельефности уже почти созрела.

С тех пор она уверенно и повсеместно крепла,  
Чувствительными душами переполняла бездну,  
И засыпали искорку надежды горы пепла.  
А чем всё это кончится, пока что неизвестно.

Легко взаимодействие наладить в коллективе.  
Взаимозаменяемы бригадные детали.  
Большие достижения имеются в активе,  
На диво гармоничными мы поголовно стали.

Нам предстоит гигантские всю жизнь решать задачи,  
В грядущее прокладывать шоссейную дорогу,  
И звёзды перековывать на типовые дачи,  
И наряжать блудницу надежду-недотрогу.

*8 февраля 1981*



## КРИВОТОЛКИ

Воскресли толки,  
Что усопли было временно,  
Мол, зачастила что-то  
К Вронскому Каренина.

Мол, между ними,  
Прочим всем во искушение,  
Прелюбо-пытные  
Возникли отношения.

Однако выпала ему  
Дорога дальняя,  
И значит, связь  
Должна закончиться скандальная.

Мне жаль Каренина,  
А Анну я не жалую.  
Она инверсию  
Устроила немалую.

Так жизнь вычерчивает  
Щедро треугольники,  
Чтоб обмеряли их  
Взъерошенные школьники.

*10 февраля 1981*

## УКРОТИТЕЛЬ

Укрощаю себя, упрощаю.  
Перестал обличать и вешать.  
Я себе ничего не прощаю,  
Да и нечего, в общем, прощать.

Очищаю себя, завещаю  
Дар, насыщенный щёлочью встреч,  
Всем, кого я беречь обещаю,  
Как нещадную русскую речь.

Ну, а если душой обнищаю  
И начну обречённых смущать,  
Я прошу вас, молю, улещаю  
В Рай грядущий мой дух не пущать.

*14 февраля 1981*

Русалка – присказка Руси,  
Обмолвка глубины текучей...  
Какой необратимый случай  
Свёл нас, у омота спроси.

Но я навек заморожён,  
Опутан прелестью глубинной  
И словно в лепет голубиный  
В бездонный отблеск погружён.

На безрассудство опершись,  
Гляжу сквозь пену кружевную  
В себя, и прошлое ревную  
К тому, что мне дарует жизнь.

*21 апреля 1981*

Хоронит время имена и даты,  
Стирает позы, гасит вожделенья.  
Вон Гёте убеждает в чём-то Данте,  
А между ними лишь тропа оленья.

Всего важней сомненье и созвучье,  
А дней и лет условная прослойка  
Почти прозрачна, словно сеть паучья,  
Хоть не в пример последней огнестойка.

Прикрыто время шапкой-невидимкой,  
Но видно то, чего оно касалось,  
И дозревает быль за терпкой дымкой.  
Всё, что случилось, навсегда осталось.

Мир, обречённый на три измерения,  
Где нет у настоящего обличья...  
Хоронит время всё, что стало тенью  
Земного и небесного величья.

*18 июня 1981. Погорелка*

## ХВОСТЫ

Э.

Роскошных кошек пышные хвосты  
Смахнут печаль и жизни неустройство,  
Поскольку все они имеют свойство  
Показывать, сколь сложности просты.

Их колыханье плавное сродни  
Дымку, что поднимается над крышей.  
Орнамент из хвостов кошачьих вышей,  
Пусть безмятежность в мир внесут они,

Язык хвостопаренья постижим.  
Мы бескорыстно рады мудрой гостье.  
И ты хвостом любишься чужим,  
Не сожалея о своём бесхвостье.

*24 сентября 1981*

## СОРЕВНОВАНИЕ

Кричат – народ, мол, пьяница!  
И точно, круглый год  
Завод за водкой тянется,  
Совхоз не отстаёт.

Идёт соревнование  
У города с селом.  
Не угадать заранее  
Кто одолеет в нём.

Не познана, не узнана  
Вместительность души.  
Компьютеры конфузливо  
Считают барыши.

*15 октября 1981*

В блаженной пустоте  
Для блажи места нет.  
В блаженной пустоте  
Из тьмы творится свет.

Нет расстояний там,  
Нет времени и звёзд,  
Но есть намёк на храм,  
А может быть, на мост.

То не гнездо мечты  
И не приют в пути,  
Не образ, чьи черты  
Сойдутся во плоти.

Так зыбко всё, но мне  
Шепнула жизнь сама:  
– Искать напрасно вне  
Того, что свет и тьма.

*16 декабря 1981*

В наше время трагедий не пишут.  
То ли нет подходящих чернил,  
То ли зонт, заменяющий крышу,  
Нас от грома надёжно прикрыл;  
То ли жизнь наша в общем и целом  
Отмечает мифический рок,  
То ли мы «воспитательным целям»  
Вяло платим привычный оброк;  
То ли личность у нас обмельчала,  
Чтоб трагедию в душу вместить,  
И поэтому надо сначала  
Подходящую личность взрастить.  
Так ли, эдак ли – стало потише  
При позиции мудрой такой.  
В наше время трагедий не пишут.  
Даже Пимен ушёл на покой.

*Декабрь 1981*



## СЛОЖНОСТЬ

Коль мир безбожно сложен пополам,  
Бери за жизнь любую половину  
И вспять потустороннюю лавину  
Гони, да вместе с ней и здешний хлам.

Преображай пространство мастерством,  
Преобразуй безвременье во Время,  
А если непосильно это бремя,  
Стань, хоть на миг, пылающим костром.

Ты с Прометеем как-никак в родстве,  
Наследник Диогена и Орфея,  
Не над твоей ли колыбелью Фея  
С Кашеем состязалась в волшебстве?!

Мир сложен не из атомов добра,  
Но держится на силе притяженья,  
И если не бессмысленно движенье,  
Томышь недаром родила гора.

*4 января 1982*

*Е. Сабурову*

Крылом или лучом  
Твой голос оснащён?  
Что песне нипочём,  
Тем дух порой смущён.

Блестеть или блистать?  
О, славы остриё!  
Бессмертию под стать  
Безумие твоё!

Ну, разве не пустяк,  
Во всём ловить намёк:  
Звезда ты или так,  
Болотный огонёк?

Бесплотный огонёк,  
Чей путь не столь далёк;  
Присевший на пенёк  
Лучистый мотылёк...

1982

Чтоб стать, как быть? Чтоб вспыхнуть, как пылать?  
Упорна напряжённость пустоты...  
О, всех пороков ласковая мать,  
Одни твои лишь помыслы чисты!

Пусть в небесах расслабятся лучи,  
Пусть реки вспять капризно потекут.  
В орнаменте протраченной парчи  
Вся мудрость неисчерпанных минут.

Красноречивых пауз глубина...  
Взгляд, тишину лелеющий на дне...  
Порой мне суть явлений не видна,  
Но знаю, что она всегда во мне.

*6 февраля 1982*

## ЯВРЕИ

Ох, проклятый дьяволом дошлый народ –  
Ну всё-то он делает наоборот!  
И то ему плохо, и это не так;  
Не хочет души продавать за пятак!

И с добрым скотом не желает притом  
Экстазно мычать перед Священным Кнутом.  
Другой бы во тьме растворился давно,  
А этому сгинуть вовек не дано!

Народ, что с Надеждой и Верой грешит,  
Грехи палачам отпустить не спешит.  
Как глаз его зорок, как память крепка!  
И всё же его не загрызли пока...

*13 апреля 1982*

Отточие ночи  
В строке совмещённых примет...  
Где тени короче,  
Там выше взыскующий свет.

Всё дальше и дальше  
Отходит от памяти шум;  
Ни позы, ни фальши  
На дне освежающих дум.

Миров повседневных  
Стираются напрочь следы,  
Над явью вселенных  
Мерцают безъявья плоды.

И сила бессильна,  
Хоть воля сгущаться вольна.  
Прозрений посыльный  
Смывает следы, как волна.

*20 апреля 1982*

*Сергею Симакову*

Что в крови растворяется издавна,  
То ночами приходит за данью.  
Рыбьим духом пространство пронизано\*,  
Отсечённое от мироздания.

И пускай над чертою начертано:  
– Обретённое – невыразимо –  
Слишком злобно смеётся над зеркалом  
Отражённая им образина.

И возносится ввысь невесомое,  
Обретая свободу полёта.  
День ли суетный, ночь ли бессонная  
Вырывают его из-под гнёта?

Тлеют угли бывшего пожарища  
Под надстройкой переднего плана,  
Где не видно ни пана товарища,  
Ни тем паче товарища Пана.

*5 мая 1982*

---

\* Речь идёт о рисунке С. С., подаренном автору.

Когда в избе тепло,  
Кроится Рай на вырост;  
Не зря оно сквозь сырость  
Сюда к тебе текло.

И суть добра и зла  
Раскрылась до предела,  
Хоть осознало тело,  
Что суть всего – зола.

От щедрости печи  
В чувствительность впадая,  
Глядишь, как муть седея  
Скрывается в ночи.

Твой мир замкнулся, им  
Ты ласково окутан,  
И дремлется минутам,  
Чей бег необратим.

*30 мая 1982. Погорелка*

## ПЕТУХИ

На деревне кричат петухи,  
А о чём – никому не известно.  
Что, как просят: – Прочти, брат, стихи,  
Те, последние – то-то бы лестно!

Впрочем, проза им больше к лицу,  
То есть, в сущности, ближе к обличью,  
А стихи можно выпеть скворцу,  
Тронув душу крылатую птичью.

Можно ласточкам прошебетать  
О надеждах своих и тревогах.  
Жаль, нельзя просто ласточкой стать,  
Это было бы слишком уж много.

Петухи на деревне кричат.  
Видно, есть и резон и причина.  
В избах нянчат старухи внучат,  
А над избами – дыма овчина.

*31 мая 1982. Погорелка*



## ЧИТАЯ «ИСПОВЕДЬ» БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

Грехи и прегрешенья  
Ты, Господи, прости нам.  
Мы вместе ждём решенья  
С Блаженным Августином.

Он путь к Тебе отметил  
Слезами умиленья.  
И путь тот прям и светел,  
Весь – жертва и паренье.

Я ж не могу в экстазе  
Тебя узреть воочью,  
И к истине фантазий  
Взываю днём и ночью.

Когда идёшь за Солнцем,  
Не пропадёт бесследно  
С Творцом и Благотворцем  
Душевная беседа.

*3 июня 1982. Погорелка*

В эти дни сражался с ленью  
Я до помраченья дня.  
Настигало вдохновенье  
Даже хворого меня.

В мыслях образы мелькали,  
Безответственно легки,  
Как в печи под угольками  
Пепельные мотыльки.

И вплетался в гармоничный  
И целительный узор  
Этот жалкий, хаотичный  
Мир, что тешит слух и взор.

*4 июня 1982. Погорелка*

Эх, совершил бы я деяние,  
Да безмятежность обуяла.  
Моё земное одеяние –  
Божественное одеяло.

Всех благ наглядное пособие,  
Простое в сущности такое,  
Оно надёжно обособило  
Мой боевой порыв к покою.

Враг суеты, обмолвка вечности,  
Спасительное одеяло,  
Мои холодные конечности  
На бесконечность обменяло.

*4 июня 1982. Погорелка*

В соавторстве с ветром  
Стихийные стансы творю.  
То вещим, то ретро-  
спективным томленьем горю.

Не то чтоб у моря,  
Но всё же сижу я и жду,  
С унынием споря  
Погоды, попавшей в беду.

И дом обесточен –  
Молчит безотказный «Урал»\*.  
Обидно, а впрочем,  
С три короба, верно б, наврал

Про антициклоны  
И прочую белиберду...  
Под стадные стоны  
Я лета заблудшего жду.

*5 июня 1982. Погорелка*

---

\* «Урал» – ламповый приёмник с короткими волнами, который принимал западные радиостанции.

Э.

С будущим порой не хочешь знаться ты.  
Душу прошлогодний греет снег.  
Всё её заносит в девятнадцатый  
Сопредельный, запредельный век.

Всё в нём что-то видится заветное,  
Близкое по духу и родству,  
В сердце вьётся тропка неприметная  
К той, живой России сквозь Москву.

Сквозь бетонный почерк равнодушия,  
Сквозь туман космических затей  
Вьётся тропка, и звезда потухшая  
Светится приветливо над ней.

С временем лишь оттого и спорю я,  
Что в горячке временных долгов  
Разменяла странная история  
Золотой на кучу медяков.

*18 июня 1982. Погорелка*

Покой в луга плывёт с полей.  
Как защитить его?  
Я патриот земли своей  
И неба своего.

Здесь тишина мне дорога,  
Что светится насквозь.  
Не ей, не ей иметь врага.  
Как можно – с нею врозь?!

Но славный враг её теснит,  
Тяжёл державный шаг.  
Да, он любому объяснит,  
Что друг он, а не враг,

Что он сумеет уберечь  
Купель природных благ,  
Но разве скроет эта речь,  
Что он не друг, а враг?

Его девиз – преобразать  
Молитву в мерный гул.  
Нет в мире силы, чтоб сдержать  
Лжетворческий разгул.

Запущен механизм часов  
С пытливой мыслью в лад,  
Для коей щедрый мир лесов –  
Лишь древесины склад.

Мой враг безжалостен и груб.  
Ну, что ж, круши, спеши!  
И тишина уходит в глубь  
Своей сестры – души.

*Июнь 1982. Погорелка*

## УКЛЕЙКА

Река уходит штопором в рассвет,  
Туманна даль, а высь... высь бирюзова,  
Я с поплавком дружу немало лет,  
Друг друга понимаем с полузова.

Расслабиться уклейка не даёт.  
Вся ловля – обострённое вниманье.  
Мгновенья серебристого полёт –  
Живой пример взаимопониманья.

Сойти б воде: ни щуки, ни леща.  
Июль, а зорька не приносит клёва.  
Но падают уклеишки трепеща  
В траву, где не сыскать порой улова.

Я не из тех степенных рыбаков,  
Что мелочой речной пренебрегают.  
Мой нрав и вкус в рыбалке не таков,  
Мне радостно парить над берегами,

Топить во взгляде завихренья вод,  
Глядеть на ветер, окружённый рябью,  
И в поплавок впускать водоворот,  
И сознавать, что я реки не граблю.

Что до уклеишки – до чего ж вкусна!  
Ну, лакомству подобна дорогомую!  
Не раз мне щуку принесёт блесна,  
Но щуке буду рад я по-другому.

*6 июля 1982. Погорелка*

Даль светла, Вселенная легка;  
Лето все просчёты исправляет.  
Солнце по Ветлуге облака  
В реку всероссийскую сплавляет.

Сыплется черёмуховый цвет  
В разнотравье лугового полдня,  
На любой вопрос даёт ответ,  
Ничего не зная и не помня.

На верёвке сушится июнь,  
Потерявший интерес к проказам.  
Одуванчик просит робко: – Дунь! –  
И вспорхнут мои пушинки разом.

Всё сейчас устремлено вперёд,  
Всё в пути к бесспорной, ясной цели:  
Просит пить беззвучно огород,  
Нежную протягивая зелень,

И уже шиповник у реки  
Вётлам улыбается печальным.  
Происходит посреди строки  
Встреча ожидания с обещаньем.

*26 июля 1982. Погорелка*



Ах луга мои, луга,  
Заливные берега  
С клевером да с мятою,  
С глубиной несмятою.

Ах луга мои, луга,  
Златорунные стога,  
Прочно в лето врытые,  
Радугой прикрытые.

Я отсюда увезу  
Речку, солнце, стрекозу,  
Полноту бездонную  
В нашу глушь бетонную.

*Июль 1982. Погорелка*

## ЗЕМЛЯ-НИКА

В те дни я, земляникою пленённый,  
Был донором безумных комаров.  
Я принимал, коленопреклонённый,  
Чудеснейший из праздничных даров.

Я был влюблён в красавицу лесную,  
Пьянил меня священный аромат.  
В том августе переживал весну я,  
И этому был безмятежно рад.

Явления красоты равновелики,  
И в мире, где рассветы отцвели,  
Мне открывалась в спелой землянике  
Вся прелесть всеобъемлющей земли.

*Август 1982. Погорелка*

## НЕДОЖИТКИ СОЦИАЛИЗМА

1

Вот всем нам отлично знакомое,  
безрадостное на вид,  
коричневое насекомое  
по имени – «антисемит».

Печальный продукт мракобесия,  
исчадь проклятых эпох,  
клыкасто-живучая бестия –  
остаток, осадок, итог...

2

Бурлит наше время и пенится,  
из пены чеканя свой слог.  
Живёт разнообразью феникса  
воинствующий демагог.

На гребне волны обновления,  
его ты увидишь всегда.  
Исследовать это явление  
пришельцы летают сюда!

*Август 1982. Погорелка*

## УТРО

Туманом ели тронуты едва,  
И ввысь уходят ярусы картины,  
Где безупречна неба синева.  
– «Народ и партия едины».

В лучах скользящих нежится река,  
И облака на солнце греют спины,  
И ветерок струится сквозь века.  
– «Народ и партия едины».

Гляжу на паутинок кисею,  
На тополей лукавые седины  
И с ласточками весело пою:  
– «Народ и партия едины».

*16 сентября 1982*

## НА ЗАРЕ

Исподволь, проникновенно  
День возникает в душе,  
В гулких пульсирует венах,  
Тьме не подвластный уже.

Возле продрогшей осинки,  
Словно пчела по стеклу,  
Солнце ползёт по росинке,  
Свет приучая к теплу.

Кристаллизируя время,  
Веру проверить спеша,  
К Солнцу сквозь пламя и семя  
Тянется та же душа.

В час незапятнанный, между  
Сном и командой: «Твори!» –  
Вера рождает надежду  
Щедростью каждой зари.

*27 ноября 1982*

Э.

Когда душа ласкала тело,  
Вливая в жилы сладкий яд,  
Ты этот миг продлить хотела  
И как свечу гасила взгляд.

И словно бы волна качала  
Тебя спокойно и светло,  
И начиналось всё сначала,  
И время вспять легко текло.

Бесшумно солнечные блики  
Сходились в пляшущий узор  
И, кажется, Орфея взор  
Скользнул по лику Эвридики.

1982

## ЧИТАТЕЛЮ

Вот видишь, ты уже не одинок,  
Читатель мой, нас в мире этом двое,  
Взирающих на странствие земное  
Сквозь тающей улыбки огонёк.

Чудесно, что друг друга мы нашли  
В галактиках эпохи громогласной,  
Где встреча эта не была напрасной,  
Хоть и не изменила путь Земли.

Когда раздумье очищает взгляд,  
Нетрудно разглядеть первооснову  
Всего, что пустотой враждебно Слову,  
В котором вечен истины заряд.

*4 декабря 1982*

## ГОРОДСКОЕ

В складках закатившегося дня  
Тонет невостребованный свет.  
Так прозрачны крылья у меня,  
Что порою кажется: их нет.

Кажется? А может, я давно  
Обескрылен тяжестью земной?  
Воробьишка заглянул в окно  
И смеётся тихо надо мной.

Тени дел оцепененье длят,  
И почти утрачивая вес,  
Медлят обнадёжить зыбкий взгляд  
Звёзды огороженных небес.

*22 января 1983*



## САМОДЕРЖЦЫ

Не нужны вы России,  
Ни полям, ни лесам.  
Вы, что в святость вносили  
Торжествующий срам.

Вянут пышные речи  
В мире скрытых могил.  
Только вечность излечит  
Всё, что в жизни любил.

Вещий лепет былого  
Катит времени ком.  
К солнцу тянется Слово  
Безымянным цветком

И откуда-то сверху,  
Вашу власть отстраня,  
Высший долг на поверку  
Вызывает меня.

*23 января 1983*

## ПРО РОК

Божий огонь горит во мне,  
и, если я не дам ему выхода, он сожжёт меня.

*Савонарола*

Слишком чист непосильный дар,  
Слишком прям одинокий след.  
Не от мира сего сей жар,  
Не для мира сего сей свет.

Можно ль истину обрести?  
Но по жертве тоска остра –  
Караулит его в пути  
Огневая купель костра.

Власть и церковь вскормили рок,  
А толпе надоел монах.  
И опять обречён пророк,  
Заблудившийся в трёх соснах.

*23 января 1983*

## ПОЛЁТ

Чернь ли вправе выносить вердикт?  
Знает всё лишь старый, хмурый филин.  
Кто ты, Барух или Бенедикт,  
Мастер, зачарованный Софией?

Тело в клетке, мысль всегда в пути.  
Сколько неба надо для полёта?  
Что ж, душа, и ты, и ты лети,  
Суету гранить твоя ль работа?

Умер мастер. Чёрный смерч чумы  
На земле не раз вздымали грозы.  
Высю просветлённые умы  
Днесь толкуют этику Спинозы.

*30 января 1983*

## БЕЛОСНЕЖНАЯ ТИШИНА

Вьётся тропка меж небом и землёй,  
Самоцветно искрится тишина.  
С любопытством склонилась надо мной  
Опушённая инеем Луна.

До жилья мне сегодня не дойти,  
Сосны тени скрестили на снегу.  
У обочины Млечного пути  
Я костёр для ночлега разожгу.

Может, в прошлом укромный уголок  
Отыщу, чтоб забыться до утра,  
И времён отпылавших уголёк  
Разгляжу в молодой золе костра.

По безжизненной строгой белизне  
Ночь пройдёт, оставляя дымный след,  
И почудится, может быть, и мне,  
Что конца у тропинки этой нет.

*17 февраля 1983*

## РЕКА

*Ветлуге*

Где б ни был я, вблизи иль вдалеке,  
За окоёмом или в центре круга,  
Я отношусь так бережно к реке,  
Что мы не делимы друг от друга.

Распахивая настежь окна дня,  
Сводя в одно все планы и решенья,  
Она течёт незримо сквозь меня  
И лишь во мне находит завершенье.

Люблю её и в дымке зоревой,  
И в грозовом торжественном наряде.  
Пред нею сосны кажутся травой,  
В ней небо туч своих полощет пряди.

А мне она о нежности поёт,  
О верности, перечеркнувшей сроки.  
И вольной мысли трепетный полёт  
Сливается с мечтой в её потоке.

*4 марта 1983*

## ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Отделив поэзию от прозы,  
Педантизмом не обременён,  
Пишет ветер на листах берёзы  
Песни незапамятных времён.

И волнуют души, и врачуют,  
Вознося над вязкой суетой,  
Песни, что по времени кочуют,  
Полные медвяности густой.

Слышу голос: – Вот уж, в самом деле!  
Что нам ветер, скачущий в листве?! –  
Ну а солнце с высоты апреля:  
– Как же вы чудес не разглядели,  
Что со счастьем истинным в родстве?

*12 июня 1983. Погорелка*

## ГODOBЩИНА

Три дня земля отлучена от неба  
Коловращеньем туч и облаков,  
И солнце безуспешно ищет, где бы  
Пробиться в мир озёр и васильков.

Дрожит листва тревожной, крупной дрожью,  
На крыльях ветра дождь летит к реке.  
И, словно салютуя бездорожью,  
Гром изредка взрочочет вдалеке.

Вот с рыхлого, слепого псевдонеба  
Посыпалась, свалилась, пролилась  
Смесь недовоплотившегося снега  
И вялого дождя в густую грязь.

Поёживаясь зябко, неудобно,  
Мир ждёт одушевлённых перемен,  
Чтоб не сейчас, хотя бы завтра утром  
Всю синь июня обрести взамен.

Но, может, не случайно всё и дата  
Виной тому, что ясность не видна.  
Ведь в этот самый день на нас когда-то  
Обрушилась повальная война.

*22 июня 1983. Погорелка*

Вгрызаясь в шлоки Панчатантры,  
Лежу, сражённый непогодой;  
В Приобретенья и Утраты  
Вникаю, пренебрегши модой.

Далёкой мудрости житейской  
Сверкают бусинки, и ясно,  
Что если мыслям в книге тесно,  
То встреча с нею не напрасна.

И пусть чужой любому стану,  
Враждебный плахам и коронам,  
Я лично подражать не стану  
Шакалам, змеям и воронам.

Полезно всё же убедиться,  
Что в человеке неизменно  
Всё то, чем незачем гордиться,  
(А ведь гордятся – и безмерно!).

Сквозь полтора тысячелетья  
Мне ясно виден Вишнушарман,  
Накрывший мир словесной сетью,  
Пленивший нас лукавым шармом.

Немало славных книг вспоила  
Вода из этого колодца.  
То, что уму и сердцу мило,  
И то, что живо – остаётся.

Я чувствую себя всё лучше,  
Уже могу писать и петь я.  
Как ярк луч, пронзивший тучи  
Из тьмы четвёртого столетья!

*24 июня 1983. Погорелка*



## ДРУГУ

Не только изящества ради  
Люблю твой полёт над водой,  
Стрекозка, мой друг и соратник  
В борьбе с комариной ордой.

Касается музыка слуха,  
Когда ты, в порыве лихом  
Добычу настигнув, край уха  
Зудящего тронешь крылом.

Скользя вокруг меня без опаски,  
Чуть в бегство врага обратишь,  
Как в мир возвращаются краски  
И день погружается в тишь.

Повиснешь в прощальном привете  
На миг над моей головой  
И так же внезапно, как ветер,  
Исчезнешь за белой ветлой.

*30 июня 1983. Погорелка*

## В НАШЕЙ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Живу я в чудесном краю.  
Целебны природы остатки.  
Живу я почти что в Раю,  
Но есть и у нас недостатки.

Со всех раздаются сторон  
Гортанные, дикие крики.  
Хотелось бы меньше ворон,  
А больше ну, скажем, черники.

Опять же, без очередей  
За хлебом легко обошлись бы.  
Как, в сущности, много людей  
Вмещается в редкие избы!

Река вот грязна неспроста.  
О, цивилизации мера!  
Как непостижимо чиста  
Была домоторная эра!

В ней всё пребывало в ладу.  
Иду по следам того лада.  
Но даже и в этом году  
Деревня за город награда.

*1 июля 1983. Погорелка*

## ИНЦИДЕНТ

Опять сорока мыло унесла,  
А я считал, что мы договорились...  
Бесследно тучи в небе растворились,  
А шалостям пернатым нет числа.

Конечно, мыло надо заводить  
С учётом эстетических запросов  
Своих соседей, а иначе просто  
Испытываешь зря сорочью прыть.

Ведь слышать доводилось (и не раз!),  
Что у сороки комплекс антибычий,  
Что специфичен воровской обычай  
У мастериц бесхитростных проказ.

И вместо злости накатился смех,  
Тот самый, что содействует здоровью,  
И пусть сорока празднует успех,  
При встрече с ней не поведу и бровью.

*7 июля 1983. Погорелка*

## ТРЕВОГА

При всём пристрастии к труду –  
Бездельник,  
Я девять месяцев в году  
Верчусь на холостом ходу  
Без денег.

Мне тунеядство адский яд –  
Ей-богу!  
Работе я чертовски рад,  
Внушает праздных будней ряд  
Тревогу.

Всё в мире наперекосяк,  
И ясно:  
Рог изобилия иссяк.  
И так кумекаешь, и сяк –  
Напрасно!

*10 июля 1983. Погорелка*

## ИЗ ГЛУБИНЫ

В глубине плодоносящей родины,  
Где царят поля и огороды,  
Чёрным лаком бусины смородины  
Отражают лепоту природы.

И малины алому фонарику  
Возле солнца здесь дано светиться.  
В клюве сочный крик уносит за реку  
Чайка – увлекательная птица.

Ну, а если, наливаясь тяжестью,  
Грозовеет небо громогласно,  
Затопля свет своей протяжностью,  
Предъявляя ультиматум властно,

Есть изба. Она надёжней крепости  
Выдержит остуду и осаду.  
Мудрым отрицанием нелепости  
Кошка пробирается по саду.

*17 июля 1983. Погорелка*

## СВЯЗЬ

С природой, что меня растила,  
Живу в ладу; связь берегу.  
И чудеса её простые  
Оберегаю как могу.

За эти добрые услуги  
Я право получил у ней  
Ловить в искрящейся Ветлуге  
Щеголеватых окуней.

И окунаться в землянику  
Под звон бессмертных комаров.  
Молюсь её святому лику  
И слышу шёпот: – Будь здоров.

*31 июля 1983. Погорелка*

## ИСХОД

Они не от России убежали,  
Когда, омыв слезами вечный путь,  
Шептали побелевшими губами:  
– Скорее... Навсегда... Куда-нибудь...

Их верность предавала не Россия,  
А те, кто, взяв наследье их отцов,  
Не требовали, даже не просили,  
Но лишь сужали медленно кольцо.

Кто выделял их и упорно метил  
(Не жёлтая звезда, помилуй Бог!),  
Чей зоркий взгляд был безмятежно светел,  
Кто многое неммыслимое мог.

А те в бездомье детство уносили  
И памяти данайские дары,  
И песни, и словесность той России,  
Которая печальна до поры.

Для жажды очищенья новым словом  
Не та окраска и не тот расклад.  
И зреет по-недоброму багровым  
Тысячелетья славного закат.

*10 августа 1983. Погорелка*

## РАННИМ УТРОМ

В калде\* кашляли телицы по утрам,  
Плыл туман против течения по реке,  
И принявши простокваши двести грамм,  
Я шагал по травам с удочкой в руке.

Поворачивалась вещая краса  
К лесу задом, к лугу светлым передом;  
Тишина катила солнце в небеса,  
Приподняв его над соснами с трудом.

Ранним утром я не брал с собою в путь  
Ни проблем, ни огорчений, ни забот.  
Подождут. Я к ним вернусь когда-нибудь,  
А сейчас меня река ревниво ждёт.

С лёгким сердцем я спешу сейчас туда,  
Где смываются вчерашние следы,  
Где в траве уже охотится судак  
И выскакивает жерех из воды.

Верно, я в душе всё это берегу  
Оттого, что хрупок благостный настрой.  
Ранним утром на просторном берегу  
Жизнь является нам сказочно простой.

*17 августа 1983. Погорелка*

---

\* Загон для молодых тёлочек.



## ОСЕНЬ

Осени меня, осень, просторным крылом,  
Освежи меня влагой обветренных дней.  
О грядущем не пой, и не плачь о былом:  
Жизнь прекрасна, коль есть настоящее в ней.

Подойди ко мне, осень, в глаза загляни,  
В них ни радуги сочной, ни стужи крутой.  
В них твои отражаются ночи и дни,  
Напоённые тихой, густой красотой.

Ты не даришь надежд, а приносишь плоды.  
Ты не манишь в безбрежье – подводишь итог.  
Так стирай же вчерашних метаний следы,  
Дай испить золотого покоя глоток.

*20 октября 1983*

## ИГРА ПРИРОДЫ

Эрота карта бита:  
Сатирам в назиданье  
Гермес и Афродита  
Слились в одном созданьи.

Такому обороту  
Дивятся простофили.  
Им ясности охота,  
Чтоб чётко – или... или...

Но в глубине уродства  
Гермафродита личность  
При мелких неудобствах  
Ужасно гармонична.

*7 ноября 1983*

Я день-деньской на мир-мирской  
Гляжу проникновенно.  
Но не с надеждой, не с тоской,  
А просто так, наверно.

Я не спешу его постичь,  
Проникнуть в суть явлений.  
Я не люблю купоны стричь  
С моей блаженной лени.

Знать не желаю ничего  
Сокрытого от взгляда.  
Приемлю видимость его –  
Мне лишнего не надо.

*22 ноября 1983*

Погадай мне, Большая Медведица,  
На московских глухих переулках,  
Где назвалась судьбой гололедица,  
Стережущая нас на прогулках.

Погадай на обмолвках бессмыслицы,  
На газетной внушительной гуще,  
На рабах, что телесно возвысятся,  
Контролируя райские кущи.

Хватит лунное темя вылизывать,  
Пребывая в возвышенном транссе.  
Ты ж умеешь знаменья нанизывать  
И лавировать в звёздном балансе.

Погадай же, Большая Медведица,  
На тарелках, ракетах и душах,  
Потому что порой мне не верится  
В то, что сам подглядел и подслушал.

*15 января 1984*

Живу я как за каменной стеной  
За хрупкой самодельной тишиной.  
За тёплой самоцветной красотой,  
За этой благодатью и за той.

Не властна надо мною суета,  
Не давят на меня мои лета;  
Отбросив чьи-то правила игры,  
Творю я и пространства, и миры.

Очерчен круг спасительным лучом.  
Коль замкнут он, угрозы нипочём.  
Гнилушку не заметит звездочёт,  
А солнца острый меч не рассечёт.

Известно, что рвачу и подлецу  
Любые времена всегда к лицу.  
Мир ясен и непостижимо прост –  
Удачу лишь сумеи схватить за хвост.

Для прочих от развилки два пути.  
И по любому можно жизнь пройти.  
Кто верит в святость бунта, тот борец,  
Кто верит в святость мысли, тот мудрец.

Я верю в тишину и в красоту.  
И эту благодать приму, и ту.

*16 января 1984*

*Л. Иоффе и В. Фультмахту*

Ну, как там, в ваших палестинах?  
Небось жара да тучи пыли?  
Пируют на воловьих спинах  
Слепни (совсем скотина в мыле!)  
Под кедром травку щиплет ослик...  
Являют небеса знаменья...  
Что сбудется, узнаем после.  
Пока же наш приют – сомненье.  
Какие вести в браге бродят?  
Что баламуты и пророки?  
Народишко бастует, вроде,  
У Запада беря уроки?  
И без того хлопот по горло,  
А тут ещё такая порча.  
Беда. Со всех сторон подпёрло –  
Сожмись в комок да зыркай зорче! –  
Соседи – недруги покоя:  
Интриги, вылазки, угрозы.  
Мой Бог, да что ж это такое!  
Ведь тут нальются ядом лозы!  
Щедры ль надежды на затишье?  
Миролюбивы ль перспективы?  
Какой узор геройство вышьет  
На листиках плакучей ивы?  
Ах! Всё вопросы – дань тревоге.  
Плывёт сквозь ночь Сион. Светает.  
Над Вифлеемом курсом строгим  
Невнятный спутник пролетает.

*22 января 1984*

Мой подход к народоведению не нов:  
Наглядевшийся в неволе разных сцен,  
Я противник потрясения основ,  
Где бы ни был обозначен эпицентр.

Голосую за порядок и узду,  
За разумную незыблемую власть.  
Знать, звезда моя отвержена гнезду,  
Где Совландия когда-то родилась.

Голосую за Лубянку и за БАМ,  
За святую диктатуру кулака.  
Я на всякий бунт согласия не дам,  
Я способен потерпеть ещё... пока.

*24 января 1984*

Многолик мой Бог и многорук.  
Ловко вертит он гончарный круг.  
За сосудом он творит сосуд  
И вершит над ними высший суд.

Вездесущ мой Бог и всемогущ.  
Он людей изгнал из райских кущ,  
Чем явил разительный пример  
Осужденья всяких полумер.

Терпелив мой Бог и справедлив.  
Может быть, он, дни мои продлив,  
Мне позволит завершить свой путь  
Не во тьме, а выше где-нибудь.

Может быть. Но Бог непостижим.  
Он решил остаться всем чужим.  
Он впустил нас в мир простых чудес  
И утратил к жизни интерес.

*25 января 1984*



## ПОЛЁТ ИКАРА

Сначала воск потёк, а кровь потом.  
Сначала был полёт, потом паденье.  
И даже мысли не было о том,  
Что будущее смято рваной тенью.

Сначала был восторг, потом провал.  
Кружило солнце ветром оголтелым,  
И мозг душе сигналы подавал,  
Что он уже утратил власть над телом.

Но то была победа. Пусть влечёт  
Нас высота, пусть потеснятся птицы.  
Высокий жребий – допустив просчёт,  
На землю побеждённым возвратиться!

*29 января 1984*

## ЯЗЫК

ПовЕсИть, не вИсЕть – как прихотлив язык!  
Шутя фактуру слов меняет ударенье.  
И чужеземец, в нём усвоив лишь азы,  
Не сможет обрести свободного паренья.

Язык российский наш хранит бунтарский дух.  
Он так и норовит, стихиям прочим равен,  
Капризно осмеять и логику, и слух,  
Спеша порвать узду благопристойных правил.

На диво он богат, приметлив и широк.  
Каков его творец, таков и сам – чудесник.  
В нём перекрёсток всех людских путей-дорог,  
Он прошлого гонец и будущего вестник.

*12 февраля 1984*

Юрка Редькин меня уважает,  
От стихов он балдеет ужасно.  
На троих он не соображает,  
Но и трезвым бывает нечасто.

Рассуждает не то чтоб толково,  
Но про всё говорит не робея.  
В ряд кладёт грубошерстное слово,  
Сам при этом не шибко грубея.

С трезвым Юркой легко сговориться,  
Можно даже по клюкву за реку.  
Но душа-то стремится напиться,  
Тормоза презирая от веку!

А напьётся – сплошное мученье:  
Куролесит без памяти сдуру.  
И явить норовит для значенья  
Всю свою расписную натуру.

Помню, раз, чтоб избу не порушил,  
Я сквозь мелких препятствий лавину  
Отволоку его грешную душу  
Очищаться природой в малину.

В общем, есть в биографии пятна,  
И молвы приговоры не лживы.  
Как с ним Настя живёт, непонятно,  
Только оба пока ещё живы!

*Февраль 1984*

## ПОСЕЩЕНИЕ

Ко мне пришла однажды слава.  
Спросила: – Как живёшь, голубчик? –  
А я в ответ: – Не дурно, право,  
Но можно было б и получше. –

Пластаюсь меж орлом и решкой,  
Парю в космическом тумане.  
То говорю себе: не мешкай,  
Косясь на пустоту в кармане;

То шума сторонюсь безглаголиво  
С бескомпромиссностью похвальной,  
Быть не желая всем на диво  
Ни молотом, ни наковальной.

Мне тишина всего милее,  
Душа привержена покою...  
О чём-то словно сожалая,  
Она ушла, махнув рукою.

*17 марта 1984*

Ни конька, ни наличной резьбы,  
но, хоть скромно одета,  
целый день смотрят окна избы  
на три стороны света.

Этот свет – мой сосед. Я живу  
рядом с ним, с ним совместно.  
Он корнями уходит в траву,  
для чего – неизвестно.

Он бывает и ясен и хмур,  
но при том и при этом  
без труда удаётся ему  
оставаться всё светом.

С трёх сторон он струится в меня,  
высветляет. Однако,  
это три стороны, а одна  
остаётся для мрака.

*28 мая 1984. Погорелка*

## ИДИЛЛИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Как на острове живу –  
Добровольным робинзоном.  
По утрам гляжусь в траву,  
Просветлённую озоном.

Ограниченный рекой,  
Тишиной и огородом,  
Я вкушаю здесь покой.  
Не залапанный народом.

Люди есть. Не без того,  
Только больше в отдаленье.  
В недрах мира моего  
Смачно печь жуёт поленья.

И сквозь тучи и леса  
Вести в их обличье цельном  
Преломляют голоса  
С оглушительным акцентом.

Вечность под ноги стеля,  
Жизнь течёт светло и вольно,  
Где стыкуется Земля  
С небом так произвольно.

*2 июня 1984. Погорелка*

Я время провожу... Прикрою плотно дверь,  
Включу «Урал» в предвестии прилива.  
Пусть синтез обретений и потерь  
Провозгласит итог нетерпеливо.

Потом я отключусь от сутолоки дел,  
Таких чужих в крикливости докучной,  
Проникновенью положу предел  
И тишиной проникнусь полнозвучной.

Сомкнулись вокруг меня поля, луга, леса;  
Так изреки, река, словцо на сон грядущий,  
И пусть в твоей волне потонут голоса,  
И смех, и стон всей твари вездесущей.

*4 июня 1984. Погорелка*

Я не питал надежд – они зачахли,  
Им не пришлось набрать живого веса.  
Ну, взглянешь иногда: не кур во шах ли?  
И то ведь без двойного интереса.

Я с детства не был баловнем Фортуны.  
Она балы не для меня давала.  
Моей души отзывчивые струны  
Печаль крылом прозрачным задевала.

С изнанки жизнь казалась мне нелепой.  
Но лепоту лепил античный лепет,  
Что даже репу называя репой,  
Не постигал, какую прелесть лепит.

А есть ещё в активе и природа.  
Она со мной мила и откровенна.  
Но так я доберусь до огорода,  
Что здесь не обязательно, наверно.

*7 июня 1984. Погорелка*



– Ты, часом, не марсианин?  
А я марсианин веком.  
Живу, внеземным сияньем  
Обласканным человеком.

Природою двуединой  
Я был очудачен феей  
Да сдобрен тоской звериной,  
Чтоб вышло ещё чуднее.

Живу. Не ропщу. Скрываю  
Обличье своей природы  
И даже порой, бывает,  
Подённой ишу халтуры.

Стараюсь в тени держаться  
И, ту одарённость пряча,  
Пытаюсь к земле прижаться,  
Твердя, что изба не дача.

Но вдруг хорошо и просто  
Душа полыхнёт сияньем,  
И кто-то хлестнёт вопросом:  
– Ты, часом, не марсианин?

*9 июня 1984. Погорелка*

Ну и утро выдалось! –  
Чуть свернулась мгла,  
Не роса, а изморозь  
На траву легла.

Небо оловянное  
Хмурит облака,  
Заросла туманами  
Зябкая река.

И, с такими видами  
Слиться не спеша,  
В теле беззащитная  
Ёжится душа.

*12 июня 1984. Погорелка*

Старею. Не по дням, но по годам.  
Враждую явно с немощью телесной.  
Но крепости противнику не сдам,  
Покуда жить мне в целом интересно.

Не отрекись от света и тепла,  
Не примирюсь ни с холодом, ни с мраком.  
Да будет мне по-прежнему мила  
Действительность, не тронутая лаком.

Старею убеждениям вопреки  
Неотвратно и необратимо.  
Стою сейчас на берегу реки,  
А время на глазах струится мимо.

Я знаю, что впадает Лета в Стикс,  
Что в жизни все пути ведут к смиренью,  
Что смерть не отвлечённый некий икс,  
А переход в иное измеренье.

Я тайну смерти не спешу постичь.  
Нет, устремлённость у меня другая.  
Проникновенно вглядываясь в китч,  
Я только тайну жизни постигаю.

*13 июня 1984. Погорелка*

Э.

Написать бы мне такие  
Невозможные стихи,  
Чтобы ты за них простила  
Мне нездешние грехи;

Чтоб они тебя качали  
Черноморскою волной,  
Той, которая вначале  
Подшутила надо мной;

Чтоб они тебя кружили  
В медоносной тишине,  
Чтобы всё, чем прежде жили,  
В жарком сплавилось огне.

Я хочу стихи такие  
Извять из маяты,  
Чтобы в них жила стихия  
Первозданной чистоты.

Сотворю такую ересь,  
Прослоив улыбкой грусть,  
Чтобы ты сказала: – Прелесть! –  
И прочла их наизусть.

*16 июня 1984. Погорелка*

## ОДИОЗНОЕ

Э.

С оглядкой рублю, сплеча ли,  
шепчу неизменно: – Где ж ты? –  
Ты – солнце моей печали,  
зарница моей надежды.

Осилят, порой, заботы,  
и свет затемнит усталость,  
но знаю и помню, кто ты  
и что тебе в дар досталось.

Я мир свой тобою полню,  
а всё остальное – с краю.  
Как жил до тебя – не помню,  
что знал без тебя – не знаю.

Пусть жизнь моя кружевная  
любую сулит потерю.  
Коснусь тебя – оживаю,  
взгляну на тебя – верю.

*20 июня 1984. Погорелка*

Сам себе хозяин и слуга,  
Я живу один. Вокруг луга,  
Рощицы, селенья да поля,  
Словом, натуральная земля.  
Но, бесспорно, главный интерес  
Представляет для меня не лес,  
Не поля, не сёла, а река.  
(К теме подходя издавека,  
Я скажу, что всё движенье в ней;  
Как-никак, а мне-то уж видней!)  
Вроде – эка невидаль, река.  
А по ней сплавляют облака.  
Это вам не севооборот,  
Здесь не проза, а – наоборот!  
Или, скажем чайки-рыбаки,  
То не просто птицы – часть реки!  
И одновременно неба часть.  
Прилетит и сверху в воду – шась.  
Так вот и живу я при реке.  
Прочие – немного вдалеке.  
А река и сквозь меня течёт,  
У меня к реке особый счёт.

*21 июня 1984. Погорелка*

Утро ясное свежестью свято.  
Тишиной наполняется грудь.  
Под ногами маслята, но я-то  
Не за ними отправился в путь.

Иван-чай, медуница и мята,  
Предлагая настой на меду,  
Просят: – Что ж ты, бери нас! – Но я-то  
Не за ними в тумане иду.

В утро росное многое можно,  
Хочешь – думай, а хочешь – пари...  
В речке рыба плеснулась тревожно.  
Для неё я и встал до зари.

*26 июня 1984. Погорелка*

Ем я листья и коренья,  
Стойко мокну под дождём,  
Постигая суть смиренья  
Эмпирическим путём.

Снасть чиню, латаю крышу,  
Саламандр творю в печи.  
Всё, что можно слышать, слышу,  
Преломляю все лучи.

Жизнь проста, запросы мелки;  
Чуть стемнеет – спать ложусь.  
Пребывая в Погорелке,  
В центре мира нахожусь.

*28 июня 1984. Погорелка*



*Нашей квартире в Гороховском*

Мы помянём добром не раз  
Свою трёхкомнатную крепость,  
Где даже явная нелепость  
Добром одаривала нас.

Где на стене росли цветы  
Несуществующей породы\*.  
А взгляд, ощупывая своды,  
Алкал нездешней высоты.

Сюда слетались все лучи,  
Сюда всходили все дороги;  
Здесь в каждом слове, в каждом слоге  
Звенели чистые ключи.

*16 декабря 1984*

---

\* Цветы художника В. Яковлева.

Избыток быта угнетает взгляд.  
Мечта от суеты неотделима.  
Лягушка с точки зрения налима  
Имеет искусительный наряд.

Поэтому (а может, просто так)  
Все человечьи судьбы параллельны,  
Хотя порою феномен отдельный  
Не может в схему уложить простак.

Земное тяготенье держит нас  
Вдали от сумасбродных построений.  
Когда ж ему бросает вызов гений,  
Не жди дуэли: видишь, свет погас.

Где выход? Выход будет, не спеши.  
Он так широк, что все пути венчает.  
Один. Един. А что он означает,  
Как знать, но все догадки хороши.

*12 января 1985*

## ВОЛШЕБСТВО

Снег за окном роится, тишина  
На ветви оседает белизною,  
Сплошь будничной мороки лишена  
Природа, верной ставшая связною.

Мир сказочной пронизан красотой,  
Теплом старорежимного покоя.  
Усадьба... Парк... Возвышенность... постой,  
Да что же это всё-таки такое?!

Запорошило двух миров между,  
Искрится снег в открытом детском смехе.  
На белочку прелестную гляжу,  
Что подбегает брать из рук орехи.

Вы скажете: – Иллюзии. Старо.  
Чему порой душа-бедняжка рада! –  
Но ведь Москва! Троллейбус за оградой!  
Всего пять остановок до метро!

*25 января 1985. Братцево*

Взглянешь на мир и в душе что-то сдвинется.  
Что он? Где знанье найти?  
То ли дом отдыха, то ли гостиница,  
То ли сторожка в пути...

Тьмою повита и светом пронизана  
Неистребимая тишь.  
Всё в ней пустынно и всё-таки жизненно,  
Слишком таинственно лишь.

Смотришь порой: что-то странное высится.  
Взвесь-ка, попробуй, измерь...  
То ли безделица, то ли бессмыслица,  
То ли заветная дверь.

*25 января 1985. Братцево*

Над чернокнижием зря не кружись,  
Не потроши ни рисунок, ни строчку.  
Чтобы внедриться в понятие «жизнь»,  
Надо годами глядеть в одну точку.

Всё остальное забыть и отсечь,  
Ввысь погружаясь и вглубь воспаряя,  
Надо от благ отрешиться, сиречь,  
Слиться с вершинами гор и морями.

Надо, ведя роковую игру,  
Взором пронзительным и вдохновенным  
Высверлить в утлом пространстве дыру  
И подсмотреть в неё тайны Вселенной.

А ненаглядную тайну познав,  
С жизнью, конечно, придётся проститься:  
Сила, что знаньем владеет, грозна,  
Истина – неприручимая птица.

*27 января 1985. Братцево*

## ОБ ЭТОМ

Кто о чём – я об этом.  
Взгляд фиксируя мой,  
Тьма питается светом,  
Свет питается тьмой.

Двуединость такая  
Длится, тайну тая,  
Из чего вытекает  
Ручеёк бытия.

Ввысь иду по приметам,  
А в душе-то самой  
Тьма питается светом,  
Свет питается тьмой.

*Февраль 1985*

## БОГ МОЛЧАНЬЯ ГАРПОКРАТ

Ох и странный этот бог Гарпократ!  
Не тревожишь ты его – он и рад.  
Обращаешься к нему, а в ответ  
Никакой тебе реакции нет.

Уважает этот бог тишину.  
Не ищи ты в его доме жену.  
Ведь тому, кто мужем стал и отцом,  
Никогда уже не быть мудрецом.

Разумеется, старик Гарпократ  
Прочих был богов умней во сто крат.  
Завещал он, между прочим, и нам  
Никогда не доверять болтунам.

Как поэт сказать, конечно б, я мог,  
Что не наш он, Гарпократ этот, бог,  
Но коль мимы богу выстроят храм,  
Я, ей-богу, помолюсь ему там,

Потому что, очень нужно и мне  
Возвышаться иногда в тишине.

*3 февраля 1985*

Туман покрыл на совесть окна матом –  
Не распознать ни леса, ни реки,  
Да и плоды познания горьки,  
Когда продрог в природе каждый атом!  
Однако возвещают петухи  
О чём-то безответственно крылатом.

И ласточки умильно верещат,  
Подспудно подготавливая чудо:  
К ним весть пришла неведомо откуда  
О том, что мир для ласточкиных чад  
Уже созрел, ведь не страшна простуда  
Для юных беззащитных ласточат!

Отгородившись от тоски словами  
И находя в их связях интерес,  
Что сообщает жизни смысл и вес,  
Надеждой согреваюсь и дровами,  
И отступает огорчённый бес  
В Москву, дабы потешиться над вами.

За это я миры благодарю  
И внутренний, и внешний, что окрашен  
Так скудно (но каприз его не страшен)  
В сырую неприглядную зарю.  
Скажите, ласточки, подружке вашей...  
А, впрочем, я с ней сам поговорю.

*25 мая 1985. Погорелка*



На пятьдесят седьмом году  
Играю с чёртом в чехарду.  
Парю над прелестью реки,  
Всем здоровым смыслам вопреки.  
И восхищаюсь тем, что есть,  
И не пытаюсь вовсе влезть  
В ушко игольное, зане  
И так дано блаженство мне.  
Я изумленья Божий дар  
Сберёг, хоть горький опыт стар,  
Чему – и в этом не солгу –  
Порой поверить не могу.  
Ну, а секрет блаженства прост:  
Всё в первый раз, врасплох, взахлёт!  
Всё в первый раз и навсегда.  
Не Рай перенесён сюда,  
А просто радости родник  
Из этих сфер в мой взор проник.  
Играю с чёртом в чехарду,  
Но... здесь живу, а он – в Аду!

*27 мая 1985. Погорелка*

## В ДЕРЕВНЕ

И вновь тружусь без выходных  
На огороде и в тетради.  
Но не обогащенья ради,  
А лишь для радостей земных.

В ненастье печь дразню, как пса,  
Что, знай, ворчит без озлобленья.  
Она ж не кость грызёт – поленья,  
В которых скрыты чудеса.

Рыбалки жду (ещё река  
В родное не вернулась русло),  
На зеркало взираю грустно,  
Что мало радует пока.

На хлопоты скворцов гляжу  
И воробьиные тревоги;  
В пыли просёлочной дороги  
Видений блёстки нахожу.

Конечно, это лишь привал  
В пути (но всё же не в походе!)  
Но ширь и звёзды в обиходе,  
И впереди даров завал!

У лета здешнего в плену  
Живётся мне не так уж плохо.  
Природой сдобрена эпоха,  
Восставшая на тишину.

*2 июня 1985. Погорелка*

Всё за пределом, где-то вдалеке,  
Очерчен круг, мир душу осеняет...  
Три ландыша в аптечном пузырьке  
У изголовья моего сияют.

Сгущён в их колокольчиках покой,  
Остаток тишины иного века,  
Что омывалась этой же рекой,  
Чей след найдёшь во всех российских реках.

Здесь можно время выключить на миг,  
С эпохой связи оборвать беспечно.  
Насколько иллюзорен будет сдвиг,  
Лишь от тебя зависит: Вечность вечна!

Ведь память необъятная хранит  
Весь придорожный прах тысячелетий,  
И тишина надёжна как гранит  
В том прошлом, что за этот день в ответе.

Нет, надписи не вспыхнут на стене\*,  
И намекают на зарницу чуда  
Три ландыша, пришедшие ко мне  
Воистину, неведомо откуда.

*6 июня 1985. Погорелка*

---

\* См. примечание на с. 384.

Отгородившись четырьмя стенами  
И потолком от ветра и дождя,  
Платона чту, охотно встав под знамя  
Верховного духовного вождя.

Как ярко светит неподкупный разум!  
Как никнет демагогии туман!  
С ним суть явлений постигаешь сразу  
И видишь въявь, где правда, где обман.

Ему понятны здешние тревоги.  
Он все проблемы наши примерял.  
Не зря его словам внимали боги,  
Которым он не очень доверял.

Прилежно изучая власти свойства,  
Я главную идею воспринял,  
Что государства мудрое устройство  
Пока недостижимый идеал.

*6 июня 1985. Погорелка*

Я часто вспоминаю о себе  
Беззлобно, снисходительно, пристрастно,  
Порой мне до неизбежности ясно,  
Что заблудился я в своей судьбе.

Прилёг под сенью собственных небес  
И временем своим укрылся сверху.  
Затем, произведя событий сверку,  
Уснул, скрывая свой удельный вес.

Что было дальше, я понять не смог.  
Где я теперь, известно только Богу.  
Я, впрочем, постигаю понемногу,  
Ту истину, что скрыл от смертных Бог.

Когда, играя в прятки сам с собой,  
Я совмещаю время и пространство,  
Является мне призрак постоянства,  
Обычно называемый Судьбой.

*9 июня 1985. Погорелка*

Приёмник он, однако, передатчик.  
Я принимаю, он передаёт.  
Призывы, песни, сплетни и в придачу  
Доносит вмиг, что думает народ.

Я в курсе всех побед безалкогольных.  
Мне сообщили, что алкаш прозрел,  
Что тёмных, так сказать, страстей невольник  
Стал, трезвенность блюдя, идейно зрел.

Не оценить последствий просветленья,  
И понимает даже идиот:  
Теперь доход на душу населенья  
Конечно, беспощадно возрастёт.

Тем более, повысится зарплата  
За интенсивность трезвого труда.  
Тут лишь одна проблема жестковата:  
Избытки-то теперь девать куда?

Опасна ситуация такая.  
Шагая в ногу и спеша вперёд,  
Боюсь я, что от пьянства отвыкая,  
Качнётся в меланхолию народ.

*11 июня 1985*

Непогодь для,  
Тучи пригнули жито.  
К небу земля  
Тонким дождём пришита.

Ветра прибой  
Бьётся о крышу дома.  
Полдень рябой  
В окнах висит весома.

Бросив на чай  
Ветру за непогоду,  
Жадно печаль  
Льёт дождевую воду.

*17 июня 1985. Погорелка*

За радость в награду я луч получу  
И в солнечный мир поднимусь по лучу.  
Там тени не встретишь, там всё на виду.  
Меж явью и сном я мосты наведу.  
И если и тут не сойду я с ума,  
Послужат мне посох ещё и сума.

*27 июня 1985. Погорелка*



## СОНЕТ

Э.

Когда опять мы встретимся с тобой  
В каком-нибудь невероятном веке,  
В какой-то, может быть, всесветной Мекке  
Иль просто на обочине любой,

Тебя узнаю я, в каком обличье  
Ни поднесла б мне этот дар судьба,  
Хотя бы щебетала ты по-птичьи  
Или гремел твой голос, как труба.

Я тотчас отыщу такое средство,  
Чтоб память окропить живой водой,  
Чтоб ты принять минувшее наследство  
Смогла, не посчитав того бедой.

Ты так и знай, всегда имей в виду:  
Я и во мраке мимо не пройду!

*Июнь 1985. Погорелка*

Будущее – это то, что, пройдя сквозь нас,  
становится прошлым.

*А. Флешин. «Из книги эпитафий»*

Мы обладаем прошлым через память  
и будущим через ожидание.

*П. Тиллих. «Тайна времени»*

Не воду в ступе – время в тишине...

Все истины заключены в зерне.

В нём связь времён, и завязь катастроф,  
И корни неформившихся слов.

Оно живёт. Гнездится время в нём,  
Чтобы Земля вертелась день за днём,

Чтоб вспыхивал огонь, туман редел,  
Чтобы слова слагались в горы дел.

И, с будущим встречаясь каждый миг,  
Мы узнаём потом о нём из книг.

*16 июля 1985. Погорелка*

Моя изба дрейфует над рекой  
Во времени, заполненном пространством.  
Река уносит с дивным постоянством  
В расплав и беспокойство, и покой.

Что остаётся? Тени на ветру?  
Оброненные солнцем в душу блики?  
Счастливой одарённости улики?  
Условность, освятившая игру?

Я ожидаю – значит, я живу,  
Я сожалею – значит, существую,  
И времени бывшего ткань живую  
На фоне леса вижу сквозь молву.

*2 августа 1985. Погорелка*

Не жарьте никогда чехонь:  
Не в том её предназначенье!  
И вообще, друзья, огонь  
Ей не к лицу. Её значенье  
Совсем в ином. Простой посол  
Даёт нам радость неземную.  
Я, как эмпирики посол,  
Солить её рекомендую.  
Не крепко. Через два денька  
Уже вполне готово блюдо.  
Я от души и языка  
Рекомендую это чудо.  
В подобном виде хороша!  
При прочих способах – потери.  
Солите. Ешьте не спеша.  
Она воздаст вам в полной мере.

*5 августа 1985. Погорелка*

Э.

Веду с Платоном диалог  
Об иллюзорности законов  
Под сенью жалких эпигонов  
Торителей земных дорог.

Рассматриваем не спеша  
Брак по расчёту силы с правом,  
Толкуем об Орле Двуглавом,  
В ком зрима Януса душа.

Попутно спорим о душе  
С её субстанцией астральной,  
Душе, чей танец пасторальный  
Мумифицирован в клише.

А между тем и между поз  
Печаль познания струится.  
Ворона, суетная птица,  
И та приемлет жизнь всерьёз.

Грозит, ярится, гонит прочь  
Свою соседку-пустомелю.  
Вороны б вряд ли захотели  
Закона над «желать» и «мочь»!

То человеческий удел –  
Ярмо и щит, престол и плаха,  
Источник гордости и страха,  
Дракон, дарующий надел.

Мы у закона все в долгу,  
А он лукав и равнодушен.

Кому-то он всегда послушен,  
Уж я Платону не солгу!

Хоть я гляжу на белый свет  
Незамутнённым, светлым взглядом,  
И ты со мной, и вечность рядом,  
А всё в душе покоя нет.

Листва, изъеденная тлём,  
Символизирует невзгоды,  
И нависают над землёй  
Законодатели погоды.

*27 августа 1985. Погорелка*

## ПОЛЕТ И КАРА

Летальный исход авантюры Икара –  
Слепого порыва наглядный пример.  
В расчётах просчёт и мгновенная кара  
Под райскую музыку солнечных сфер.

И всё же икары, поэты прогресса,  
Чертёж и расчёт окрыляя мечтой,  
Срывают с пугающей тайны завесу,  
Смеются над властной запретной чертой.

Взрывается яростным криком гитара,  
И хриплого голоса рвётся струна...  
Глядит на нелепые крылья Икара  
Застывшая в звёздном полёте страна.

*16 ноября 1985*

Э.

То ли дьявол заманил,  
То ли Божьи то дела,  
Без тебя и свет не мил,  
А с тобой и тьма светла.

Это просто как рассвет  
И банально как цветы.  
Без тебя простора нет  
В царстве вещной суеты.

Год за годом, день за днём,  
Верно, призрачна броня,  
Замороженным огнём  
Проникаешь ты в меня.

Может, это лишь в мечту  
Облачившийся фантом –  
Скептицизм я свято чту! –  
Но ведь речь-то не о том.

Вон у Парки грозный вид,  
А ведь к нам пока добра...  
Горизонт уже горит  
Звонким блеском серебра.

*8 декабря 1985*



В зенит устремляется мысль,  
Внизу остаётся скорлупка.  
Все взгляды, взлетавшие ввысь,  
Впитала небесная губка.

И мудрость нисходит с вершин  
Озоном привычного зова.  
Когда же не то совершим,  
Зов слышится снова и снова.

Всегда и везде высота  
Сопутствует поискам нашим.  
Ну, правда, порою не та:  
Мы слишком поверхностно пашем.

Но Солнце творит чудеса,  
Над нами сияя наглядно,  
И прячет, смеясь, в небеса  
Нетленную нить Ариадна.

*24 декабря 1985*

Я не влюбляюсь, я люблю,  
Что, каюсь, не к лицу поэту.  
Но как-нибудь погрешность эту  
Я всесловесно испущю.

Я осознал свою вину  
Перед словесностью российской,  
К чьей озарённости росистой  
Любовно (не влюблённо!) льну.

Уж такова, видать, моя,  
Как говорят в народе, карма  
(Идея столь элементарна,  
Что очарован ею я).

И всё же в мире, где живу,  
Пытливо вглядываясь в предка,  
Я, в сущности, не так уж редко  
Жар-птицу вижу наяву.

Порой пишу её пером  
О том, что жизнь почти прекрасна,  
Что душу будят не напрасно  
И первый снег, и первый гром.

Я не влюбляюсь, я люблю  
Пожизненно, бесповоротно,  
Что признавая всенародно,  
О снисхожденье лишь молю.

*27 декабря 1985*

Я уйду в свой срок и значит  
Взгляд свой унесу.  
Обо мне трава заплачет  
И прольёт росу.

Про меня расскажет ветер  
Звёздам и луне.  
Кто ещё на этом свете  
Вспомнит обо мне?

Верно, реки и озёра,  
Рощи да поля.  
От чужого скроют взора  
След мой тополя.

Будет мне от них приветом  
Тот бессмертный пух;  
Переполнят сосны светом  
Свой смолистый дух.

И скажу я: – Верю свято,  
Прочный матерьял  
Всё, что я любил когда-то,  
Всё, что потерял!

*1 января 1986*

Откуда эта жадность, эта жажда  
На складах слов неутомимо рыться  
С наивной детской верой, что однажды  
Поблѣкший взгляд восторгом озарится?

Откуда это странное томленье,  
Манящее в заоблачные выси,  
С которых отлетевшее мгновенье  
Глядит на суету глазами рыси?

Откуда этот ветер беспокойства,  
В душе производящий катастрофы,  
Попутно выявляя счастья свойства  
И высотой переполняя строфы?

Я на вопросы те не жду ответа.  
Ответ звено распавшейся цепочки.  
Достаточно ведь просто знать, что где-то  
В свой час на ветках встрепенутся почки.

*3 января 1986*

Не попросту и неспроста  
Нас простота преображает.  
В ней мысль полёта не снижает  
И ей подвластна красота.

Её бесхитростная суть  
С уловками не примирится.  
Она свободна, словно птица,  
Чиста, как в градуснике ртуть.

Ей по душе простор и свет.  
Возвышенность её не ложна.  
Но то, что по природе сложно,  
Нам упрощать резона нет.

*9 января 1986*

## АФРОДИТА

Морская пена в сущности каприз.  
Она могла из облака явиться.  
Скользнула бы движеньем лёгким вниз,  
Как лепесток, снежинка или птица.

Земные и небесные пути,  
Их перекрёстков сложная система...  
Какие тут узоры ни плети,  
Для диссертаций герметичных тема.

А нам пока достаточно того,  
Что на краю едва просохшей суши  
Неведомо зачем и для чего  
Смутила красота людские души.

*13 января 1986*

## ПАМЯТИ ВАСИ АЛЕКСЕЕВА

Сколько лет пролетело. Стали дедами дети.  
Но не сбросишь минувшее камнем с межи,  
Застрелился чекист у себя в кабинете,  
Захлебнулся отравленным воздухом лжи.

С комсомольской путёвкой и взглядом лучистым  
Принял груз непомерный товарищ отца.  
Верю я, что он был настоящим чекистом,  
В Революцию верившим сердцем бойца.

Может, выстрел в висок и не высшая доблесть,  
Но пред главным судом человек этот чист.  
И хоть в памяти стёрся живой его образ,  
Я о нём вспоминаю при слова «чекист».

*22 января 1986*

## ЗОРЬКА

Объятая зарёй,  
Чьи вздохи чуть слышны,  
Повисла над рекой  
Росинка тишины.

В неведение своём  
Бесхитростно чиста,  
Она в тот водоём  
Глядится неспроста.

Лишь гостья на земле,  
Она хозяйка вод.  
И дарят рыбы мне  
Безмолвья сладкий мёд.

*1 февраля 1986*



Увы, не рождается истина в спорах.  
Она вообще ведь нигде не рождается  
И не умирает, в чём, правда, не скоро,  
Но каждый из нас в свой черёд убеждается.

Она существует и спорить тут нечего,  
А надо искать, отмечая всё прочее,  
Всей силой пути своего человеческого,  
Всей жаждой души низложить многоточие.

Она существует и в этом спасение,  
И прочее всё не имеет значенья.  
Искать ежедневно – твоё назначение  
От понедельника до воскресенья.

*3 февраля 1986*

На тишину накинуд сеть паук,  
Поймал её доверчивую в сети.  
Не проникает ни единый звук  
В укромный мир, возникший на рассвете.

Легко касаясь тишины крылом,  
Скользят стрекозы по лучам и теням;  
Грядущее, не помня о былом,  
С вершин снисходит к людям и растениям.

И до того не хочется стареть,  
В благоустройстве этом пребывая,  
Что молодеешь явственно на треть,  
Весомость фактов преодолевая.

*15 февраля 1986*

Я повторялся, как природа,  
Хоть каждый миг неповторим.  
И всё ж в реке словесной брода  
Я не отыскивал. Бог с ним!

Иду на риск. Меня фатально  
И властно манит глубина.  
С неискущённостью похвальной  
В ней ощущаю вкус вина.

Не для забвения хмельного  
(Я в этом деле маловер),  
А чтобы с истиною снова  
Сопоставлять систему мер.

Не в лики вглядываюсь – в лица,  
А образы... хоть я и за,  
Смешно на образы молиться  
(Как, впрочем, и на образа!)

Любая исповедь лукава,  
А стихотворная вдвойне.  
Но истина имеет право  
Свой образ отыскать во мне.

*Июнь 1986. Погорелка*

## ЗЕЛЁНЫЕ СТИХИ

Не в тетрадке письменами,  
А на грядке семенами  
Летопись веду.

То, что с жадностью Танта  
Соки времени впитало,  
Всё тут на виду.

И прочтут, как минут сроки,  
Зеленеющие строки  
С неба облака.

И запомнят непременно,  
Пусть неточно, пусть примерно,  
Вмиг и на века.

*Июнь 1986. Погорелка*

Восточный ветер мысли растрепал,  
К реке капризно перекрыл дорогу.  
И в небе обозначилась тропа,  
Ведущая к возвышенному слогу.

Ну, что ж, мне быть в осаде не впервой,  
И каждый миг несёт рассаду чуда,  
И неба синеву над головой  
Мы в мир несём неведомо откуда.

Есть книги, есть приёмник, печь и стол,  
Не говоря о ласковой постели;  
Есть радуги бессмертный ореол  
И молодая лёгкость в старом теле.

Кудесника Лескова ветхий том  
Таит, нет, не таит, а щедро дарит  
Сокровища несметные, при том  
На очереди терпеливый Даррелл.

Так пусть же подождут в реке плотва,  
Подлещики, и окуни, и щуки.  
Восточный ветер... мысли сквозь слова  
Текут, неловко примеряя звуки.

*6 июня 1986. Погорелка*

Когда себе я голову вскружу  
Озоном бесполезного призванья,  
Украсится лирический ажур  
Метафорой земного прозябанья.

И будет состраданье прорасти  
На почве превосходства в антураже,  
Которое убожеству под стать,  
Поскольку и не посягает даже.

Обманчива поверхность бытия,  
Пути извечно не сопоставимы.  
Достиг успеха, может быть, и я,  
Сойдя с орбиты жизненной лавины.

*29 июня 1986. Погорелка*

В потенции реализуемой  
Таится мироздания тайна.  
Действительность недоказуема,  
Но в проявлениях реальна.

Действительность неисчерпаема  
И бесконечно разнолика.  
В ней рядом с дряхлым ископаемым  
Зерно вскипающего крика.

Всё вплетено в поток движения,  
И эта плеть нас щедро хлещет,  
И нам твердят про достижения  
Нас пожирающие вещи.

*30 июня 1986. Погорелка*

Когда я весь без остатка  
В словах растворюсь,  
Пусть  
Смерть приходит тогда,  
Пусть  
Останется незасеянной грядка,  
Недописанною тетрадка.  
Не беда.  
Не случайно, не вдруг  
Замыкается круг  
Всегда.

*Июнь 1986. Погорелка*



Любуясь безупречным небом,  
Сгоняя комаров со лба,  
Я в Спасское иду за хлебом  
Сквозь шелковистые хлеба.

Цветёт шиповник вдоль лощины,  
(Сирень своё уж отцвела),  
И неба глубь не без причины  
Земные тронула дела.

Лучи страды своей дождались  
И всё же тихо там пока,  
Где наши мысли, охлаждаясь,  
Преобразятся в облака.

*Июль 1986. Погорелка*

Не устаю и не перестаю  
Восходам и закатам удивляться.  
Они в моём существованье длятся,  
Их свет нисходит на строку мою.

Не устаю и не перестаю  
В те таинства вникать, что всем открыты,  
Всё на виду, и всё же до поры ты  
Не видишь родниковую струю.

Не устаю и не перестаю  
Бездонным взглядом приникать к травинке.  
И душу делит на две половинки  
Тропинка, на которой я стою.

Пусть пыль дорог не превратит в пыльцу,  
Но жизнь метаморфозами богата.  
Хоть спутник мой теперь костёр заката,  
Порой, как прежде, мне восход к лицу.

*Июль 1986. Погорелка*

Линяет земля, и сползают снега  
В провалы усталых ложбин.  
И бредят зелёной травой луга,  
И жмурится дуб-исполин.

Мелькнула умелая чья-то рука,  
И солнце взмахнуло крылом,  
И на переплавку уносит река  
Зимы искорёженный лом.

Над сетью густою мостов и дорог  
Свободные ветры поют.  
Весеннего неба слоёный пирог  
Весёлые птицы клюют.

На пир легкокрылых мне доступа нет –  
Я высь бескорыстно люблю.  
В себе растворяю рассеянный свет,  
Небесные крошки ловлю.

*Март 1987*

У времени сейчас лицо рябое,  
а позывные страха слишком громки.  
Выносят волны радиоприбора  
на берег мой останки да обломки.

Сметает вулканическая злоба  
с красот земных улыбку бескорыстья,  
и все вокруг следят за всеми в оба,  
и души иссушает зоркость рысья.

О, зоркость слепоты! Тебя безумней  
нет в жизни ничего. Мир гибнет в спорах,  
и предрекает день, тот самый, судный,  
крылатый атом, а не жалкий порох.

Днесь наважденье смертоносно длится,  
и, вывернувши наизнанку разум,  
мы скалимся, страшась договориться,  
освободиться, карты бросив разом.

*Март 1987*

Целый день я в избе провожу,  
печь топлю да в окошко гляжу.  
Мутно небо. Ну что ж, не беда,  
потеплело и сходит вода.  
Цвет сирени, черёмухи цвет...  
Сквозь пыльцу несговорчивых лет  
выявляю прильнувшую даль:  
вот мгновенье, а то – не года ль?  
Это – явно минувшего след;  
ну, а то – не грядущего ль свет?  
Май уходит в прибежище тьмы...  
Что ж, довольно намаялись мы.  
Пусть июнь растворится во мне,  
чтоб тепло оседало на дне  
гармонически светлой души.  
Так что ты уж не мешкай, спеши,  
разворачивай лета дары –  
не беда, что сюрпризы стары,  
воспари над водой и травой,  
чувства радуя, словно впервой.  
Не кори, не жури, не пеняй,  
улещай меня, уокуняй!  
А потом я и в этом году  
сквозь июль и сквозь август пройду  
с лёгкой ношей светящихся дней  
в безразмерной котомке моей.  
А пока всё, что видится мне,  
прорастает в скупой тишине.

*29 мая 1987. Погорелка*

Брошу в борозды зёрна  
и взгрустну по эгиде.  
Я в обиде на зоркость  
и на мудрость в обиде.

Прожигает мне совесть  
(вот он – сказочный витязь!)  
мотылька невесомость  
и крота деловитость.

Где ты, тропка к надежде,  
что её и торила?  
Чудеса ведь и прежде  
только вера творила.

*30 мая 1987. Погорелка*

Не терпит старость, чтоб её  
не замечали.

Омыто ядом остриё  
земной печали.

Порой забудешься, ан нет –  
кольнёт, напомнит;  
всей глубиной ушедших лет  
твой взор наполнит.

Всю боль по каплям соберёт  
и бросит в тело.

Мол, так светло глядеть вперёд  
твоё ли дело?

А ты её не замечай,  
дружи со светом.

Глядишь, и сгинет невзначай  
вот этим летом.

*30 мая 1987. Погорелка*

Нет, не овладевал я мастерством.  
Скорее мной оно овладевало,  
Вело, не озаботившись нимало  
Сомненьями о статусе моём.

Оно вливало вдохновенья жар  
В единственное, правильное русло.  
Но вмешивалось в дело столь искусно,  
Что даже труд преображало в дар.

И в том не вижу я благого знака,  
Своей державной занятый игрой,  
Что слышать мне доводится порой:  
– Да ты, мой друг, мастеровит, однако!

*30 мая 1987. Погорелка*



Как-то мне представить внове,  
что сейчас, как я, не к сроку,  
мой собрат японской крови  
танку пишет или хокку.

Кисть окрасив тушью чёрной,  
улыбнётся малой птахе  
и с печалью утончённой  
о земном чирикнет прахе.

А, возможно, он по звёздам  
ищет в прошлое дорогу,  
чтобы в мире нашем позднем  
не идти с прогрессом в ногу.

Ну, а может, с гордым видом,  
приручая вдохновенье,  
обо мне сейчас он выдал  
гениальное творенье.

*31 мая 1987. Погорелка*

Как выскользнуло тело из души,  
я не заметил, но звезда упала,  
и дребезги сложились как попало,  
и я услышал голос: – Поспеш. –

Потом меня мотала карусель,  
расклёвывали пришлые заботы.  
А пчёлы дёгтем наполняли соты,  
и мёдом называл себя кисель.

Но главное, исчезла красота.  
Всё стало тошнотворно безобразным.  
Взгляд колесил по топям непролазным,  
где ни луча, ни тропки, ни креста.

Очнулся я на утренней заре.  
Костёр погасший возвещал Начало  
извечное. Река восход встречала,  
и сплетничали птицы про зверей.

*31 мая 1987. Погорелка*

С беззаботностью не заячьей  
зайчик, трепетно мерцающий,  
на стене...

Робкое прикосновение  
мимолётного мгновения  
в тишине.

Отклик под- или надсознания  
сквозь наклейки и названия  
на сигнал.

И опять закономерности  
гасят всё, что в миг безмерности  
осознал.

*Июнь 1987. Погорелка*

На зыбкую зелень листвы  
сквозь ветер гляжу, а река  
волнение уносит в кусты  
и прячет на дно облака.

За чайками гонится крик,  
их собственный, брошенный вниз.  
Но даже сюда он проник,  
питая внезапный каприз.

Здесь, время сдавая внаём,  
гнездо просветление вьёт.  
В бревенчатом замке моём  
волшебная сказка живёт.

*Июнь 1987. Погорелка*

Даже здесь, у просторной реки  
нам и дня не прожить без урона.  
В куцах дней мельтешат пустяки,  
пустяки в королевских коронах.

Их надменность имеет резон,  
их закон – круговая порука.  
Им вершин духотворный озон –  
беспощадная смертная мука.

Пустяки нас уводят с пути,  
соблазня фальшивкой любовью.  
Как прилепятся к нам лет с пяти,  
так всю жизнь и влачат за собою.

*Июнь 1987. Погорелка*

## ДУША

Всё, что в душах живых  
проросло за века,  
на путях межевых,  
где звезда далека,

Согревает, ведёт  
в затаённую даль,  
направляет в полёт  
и любовь и печаль.

Всё высокое – в ней,  
всё глубокое – в ней.  
Но сквозь кружево дней  
всё ясней и видней,

Как тоску ни глуши,  
в глубь ушла неспроста  
человечьей души  
вечная мерзлота.

*Июнь 1987. Погорелка*

Во сне с вопросом нянчится ответ,  
и озаряет радуга берлогу...  
Я открываю дверь, которой нет,  
и выхожу на зыбкую дорогу.

Эдемских яблонь тучные ряды  
по сторонам её плоды лелеют,  
и луч, моей касаясь бороды,  
возносит в космос вечную аллею.

Но впереди мне ведом поворот  
крутой; там притаилось плотоядно  
всё, что нас тащит буднично вперёд,  
привычно, равнодушно, безоглядно.

Там впереди укромная беда.  
Обратный путь – нелёгкая работа.  
Но, не сорвав ни одного плода,  
я всё же не дошёл до поворота.

*Июнь 1987. Погорелка*

## ДЕРЕВНЯ

Конечно, жизнь в деревне не  
всегда восторженность питает.  
И всё же сопредельна мне  
её естественность простая.

Просторный воздух, шёпот крон  
печально-величавых вязов  
и даже брань лихих ворон,  
столь наострившихся в проказах.

Река, рыбалка, дух лесной,  
небес открытость неземная,  
беседа с грустной сосной  
(я все её проблемы знаю).

А есть ещё и огород,  
что не даёт рукам лениться,  
изба (хоть не журавль, но вот  
вполне надёжная синица).

И кваса сладкие лучи  
янтарной радугой трепещут,  
и на сковороде скворчит  
зело укусистый подлещик.

*Июнь 1987. Погорелка*



Титовы, Лебедевы, Зайцевы...  
Фамильных лиц круговорот.  
И в память наживо врезается  
То, что гуртом зовём – народ.

Им летом некогда расслабиться:  
С утра до вечера страда.  
И вечно что-то да не сладится,  
Хотя любой – герой труда.

В дрова и сено жизнь оправлена.  
Скот, огород... Поди измерь!  
А рыба пусть недоотравлена,  
Но уже не тот улов теперь.

Всё меньше жителей-хранителей:  
Уносит время молодых.  
Где были сёла, там обители.  
Зимой заносит снегом их.

Над деревнями поредельми  
Кричат вороны всё смелей.  
Ах, что же мы, безумцы, сделали  
С землёй наследственной своей!

*Июнь 1987. Погорелка*

Луноликая Геката,  
души праздные лелея,  
ловит в отблесках заката  
то, что ей всего милее.

В глубине ночного неба  
власть её неоспорима,  
что порой смущает Феба,  
что порой довольно зримо.

Но при этом к нашим душам,  
не завидуя Гекате,  
Феб обидно равнодушен.  
(И к телам, конечно, кстати!)

Реют вольные, как птицы,  
в разных сферах эти боги.  
Не должны б нигде скреститься  
их незримые дороги.

А туда же, друг на друга  
и они косятся колко.  
Нет чтоб рвать ромашки с луга  
иль искать в беседе толка.

*Июнь 1987. Погорелка*

Люблю я с детства игры шальные.  
Вот и сейчас, нетерпеливо  
из ветра скатывая шарики,  
бросаю в реку их с обрыва.

Они рекой водоворотятся  
и растворяются в потоке.  
(Вода настолько оборотиста,  
что унесла б и эти строки!)

Она лихого рода-племени.  
Я для контакта и стыковки  
бросаю ей обрезки времени  
в своей словесной упаковке.

Река глотает слово каждое,  
в ответ же шлёт мне рябь и пятна,  
рекомендуя нечто важное,  
но, разумеется, невнятно.

Я ей – мирские приношения,  
Она – в прогнозы вносит смуту.  
Игра. Такие отношения  
у нас сложились почему-то.

*Июль 1987. Погорелка*

## ФОРМУЛА ЧУДА

Настанет день, настанет час, настанет миг –  
и станет ясно: ты её постиг.  
Она открылась взору твоему,  
доступная и чувству и уму.  
Свершилось чудо, что и говорить,  
теперь ты можешь чудо сотворить  
в любое время, из любой мечты,  
поскольку въявь стал чудотворцем ты.  
Кто одарил тебя и для чего?  
В чём смысл преображенья твоего?  
Что скрыто под неведением двойным,  
и почему мир стал уже иным?  
Ведь ты ещё, хоть стал всесильным ты,  
не изменил в нём ни одной черты,  
но смотришь и его не узнаёшь.  
Мир стал иным. Ты стал иным. Ну что ж,  
ты формулу постиг не для того,  
чтоб произволом исказить его.  
И без того вокруг чудес полно.  
Ты оставляешь для себя одно  
лишь чудо сотворения строки  
из хаоса, рассудку вопреки.

*Июль 1987. Погорелка*

Уже не ночь. Ещё не день. Так рано,  
что не пылает солнечный костёр.  
Трава глядит сквозь кисею тумана  
в светлеющий возвышенный простор.

Роса блестит в сетях ажурной вязки,  
и тишина в земную входит плоть.  
Ещё виток и воссияют краски,  
чтоб мир на двуединство расколоть.

Ромашки, клевер, тмин, тысячелистник  
на все четыре стороны вокруг.  
Природы прелесть проникает в мысли,  
и отзвук вызывает каждый звук.

Идѣшь, слои времѣн перемещая,  
вмещая в душу благосклонный вид,  
себя живой частицей ощущая  
потока, устремлённого в зенит.

*5 июля 1987. Погорелка*

## ДЕНЬ ИВАНА-ЦВЕТНИКА

Праздника Ивана-цветника  
ждут здесь словно доброго привета,  
что сюда приходит сквозь века  
в светлый день посередине лета.

Тут он почитается своим.  
Почему, уже никто не помнит.  
Людям просто верится, что им  
он сердца и чаши светом полнит.

Ждут гостей, хлопочут у печи,  
подновляют памяти узоры...  
Только, хлопочи не хлопочи,  
память о былом туманит взоры.

Ну, а впереди ответа нет,  
но наглядна истина простая:  
Погорелка в перекатах лет  
избами пустыми обрастает.

Праздник брагу-пироги припас.  
Веселятся все, как прежде, рьяно.  
Только в деревеньке-то у нас  
нет давно ни одного Ивана.

*8 июля 1987. Погорелка*

Меня усталость не смогла  
смотреть под комариный гул.  
Мне ветер вытер пот со лба  
и комаров с ушей смахнул.

И родниковая вода  
была мне той живой водой,  
что оживляла иногда  
людей со сказочной судьбой.

Я на пейзаж нацелил глаз:  
на облака, на ель, на мох,  
и осознал (в который раз!),  
что этот мир не так уж плох,  
что он, питая нашу речь,  
пыльцу проносит сквозь века,  
что надо бы его беречь,  
как он нас бережёт пока.

*13 июля 1987. Погорелка*

Стою я посреди природы  
с корявой удочкой в руке,  
а рыба сказочной породы  
резвится в сказочной реке.

Но к Волге воды мчит Ветлуга.  
Туда, где мечется осётр,  
моя весёлая подруга  
теченья бережно несёт.

И к ней подход особый нужен.  
С поклоном дар её приму.  
Она мне даст улов на ужин  
и пищу сердцу и уму.

Мне в этом соприкосновенье  
на сто вопросов дан ответ.  
И вечности равно мгновенье,  
которому износу нет.

*27 июля 1987. Погорелка*



## ВСПОМИНАЯ ИНТЕРНАТ ПОД АЛМА-АТОЙ

Ветер рьяно треплет тишину,  
по ветвям, срывая кисти, скачет.  
То щипнёт басовую струну,  
то свой путь иначе обозначит.

Небо в майском варится котле,  
и земля, и мы (куда ж тут деться?!).  
И, стряхнув напластованье лет,  
налегке я погружаюсь в детство.

Степь горит, сухой трещит курай,  
гонит ветер пляшущее пламя,  
словно и сюда, в тишайший край  
хищница-война пришла за нами.

Перед плотной пламенной стеной  
я стою, пленён и зачарован.  
Океан огня передо мной.  
Сквозь него мне жизни путь дарован.

Этот ветер огненный пронёс  
я по всем тропинкам и дорогам.  
Он всегда со мной, как верный пёс.  
Он уже поведал мне о многом.

Может, из таинственных глубин  
что-то в глубь души перетекало,  
проникая в мой гемоглобин  
из костра, заката и бокала.

Тайна жизни... Магия огня...  
Саламандра пляшет с птицей дивной.  
И зовут к себе, зовут меня.  
Но досрочен танец их призывный.

*27 июля 1987. Погорелка*

Нет ничего питательней земли.  
Она неистошимо животворна.  
Её тепло впитать в себя смогли  
и ягоды в лесу, и в поле зёрна.

Дубы и сосны в солнечные дни  
приветствуют её улыбкой нежной:  
ведь самое заветное они  
ей на хранение отдают с надеждой.

Земля добро не выпустит из рук –  
и светом дорожит она, и тенью.  
Всё сущее, свершая жизни круг,  
привержено земному тяготенью.

*27 июля 1987. Погорелка*

## У ОСЕННЕГО ПОРОГА

Тут всё заведено не нами.  
Сигнал, примета –  
и, словно свиток с письменами,  
свернётся лето.

Паденье хрупких листьев первых  
на плоскость мысли...  
Как говорят в суконных сферах,  
«отрезок жизни».

Уже идёт отстрел азартный  
бездомных уток,  
но суеты галдёж базарный –  
не промежутки.

Осенней пряности весомость  
заполнит соты.  
И скажет звёздная бездонность,  
зачем и кто ты.

*11 августа 1987. Погорелка*

Хронос, вечности тающей страж,  
сроки скрытые знает заранее.  
Эхо жизни... Тень жизни... Мираж...  
Неформальное существование.

Безответная вспышка во тьме,  
мостик, через миры переброшенный.  
Поле знания видится мне  
далью, млечной пургой запорошенной.

На ветру полыхает костёр.  
Время – лучшее в мире горячее.  
И душа улетает в простор,  
навсегда обретённый по случаю.

*5 августа 1988. Погорелка*

Э.

Не имея в этом деле нужной практики,  
балансируя порою на краю,  
по крупице, по зарнице, по галактике  
собираю я Вселенную свою.

Увлекаюсь, восхищаюсь, ратоборствую,  
отбиваюсь от иронии с трудом.  
И, жуя в лихое время корку чёрствую,  
украшаю дивной радугой свой дом.

Нам мешают видеть явь дефекты зрения,  
и от взгляда часто скрыто до поры,  
что в каком-то нелогичном измерении  
зацветают параллельные миры.

*14 августа 1988. Погорелка*

Возникаю из небытия,  
пробираюсь к сущему на ощупь,  
всем косноязычием кляня  
сложности, что жизни нашей проще.

Возвращаю солнцу теплоту,  
Тень – деревьям, ветру – силу духа.  
Всё-таки чудесно на плоту  
плыть в открытый космос лёгким пухом.

А потом, порядку вопреки,  
огибая прихоти границы,  
подышать туманом у реки  
и с росинкой безоглядно слиться.

*Август 1988. Погорелка*

Когда сжигаются мосты,  
Не следует искать и брода,  
Но как безжалостна погода,  
Как облака ещё чисты!

И полон свежестью простор,  
И от земли тепло струится,  
И коршун – царственная птица –  
Над полднем крылья распростёр.

Перекликаясь на лету,  
Разносят ласточки брожение.  
И тает в небе отраженье  
Всего, что сеет суету.

Когда сжигаются мосты,  
Не озарится голос верой,  
Но каждому особой мерой  
Сиянье смертной красоты.

*Август 1988. Погорелка*

Всё же я нахожу облегчение  
в том, что, высветясь перед встречей,  
небо в перистом облачении  
навещает меня под вечер.

И склоняется глубь надо мною,  
и мерцающий образ лепит,  
чтоб на миг потеснить земное,  
возвышая душевный трепет.

Не разящее дух озарение  
и не сверхэнергичный вирус –  
существует внутри творения  
вертикальный простор на вырост.

Свет ли, скрытой проводки ли провод –  
тянет властная сила кода.  
А небесное – только повод  
для возвышенного исхода.

*Сентябрь 1988. Погорелка*



На склоне дней растёт камыш  
такого тонкого настроения,  
что вдруг расслышишь слово «Троя»  
и встрепенутся глушь и тишь.

На склоне дней живут цветы  
такого пылкого накала,  
что он, как влага из бокала,  
грозит всевластью суеты.

На склоне дней творит полынь  
такое умопомраченье,  
что в нём поймут своё значенье  
и свет, и тьма, и неба синь.

*Декабрь 1988*

## ДИСТРОФИКИ

Э.

Мне мил пленённый гидами  
И населённый гадами  
Мир, очень ясно видимый  
И всё же не угаданный.

Бесспорно озарение,  
Условно освещение.  
Тебе – мировоззрение,  
Мне – мироощущение.

*11 января 1979*

## АКРОСТИХ

*С. Симакову*

Сочится свет из глубины холста,  
Исторгнутый игрой воображенья.  
Мгновенье, избежавшее броженья,  
Аукается с веком неспроста.

Куда уносит ветер пыль надежд?  
Откуда к нам струится веры влага?  
В той тишине, где сохнут кисти мага,  
Угаданный простор предельно свеж.

*21 января 1979*

Э.

Ты снова со мною рядом,  
Но как сквозь туман сырой,  
Я выпотрошенным взглядом  
Гляжу на тебя порой.

Гляжу из глубин былого,  
Которого не стяхнуть,  
Которое вопль и слово,  
Которое смерть и путь.

*26 января 1979*

### ТИШИНА ДЕТСТВА

В дни бездомности пытливой  
Не священный пламень книг –  
Мир, притравный, кропотливый  
Тишину в душе воздвиг.

Пролетела вечность мимо,  
Но, предела лишена,  
Нерушима. Неделима  
Эта чудо-тишина.

*25 апреля 1979*

Мы жертвы. От вращения Земли  
У нас давно понятия сместились.  
Но как бы ни был путь земной извилист,  
Его проверить всё же мы могли.

Измерить верой, сопоставить с ней,  
Несовместимость преодолевая.  
А ныне жизнь, что тропка полевая,  
И небо с каждым взлётом всё ясней.

*26 апреля 1979*

Кружить, тревожиться, надеяться,  
Нутром обуглившимся ждать.  
Сойдёт же, никуда не денется  
Безжалостная благодать!

Просачиваться в абсолютную,  
Непроницаемую тишь  
И знать, что лирой или лютнею  
Ты эту благодать возмутишь.

*8 мая 1979*

Зачем и для чего?.. Из всех вопросов  
Нет в мире безнадежней этих двух.  
Гляжу, всё настоящее отбросив,  
На прошлогодний тополиный пух.

Закрыв глаза усталостью и скорбью,  
Гляжу в зеркальный оттиск пустоты,  
И мир, открытый верой и любовью,  
Меня бросает в травы и цветы.

*24 мая 1979*

### ГЛАС

Когда в ночи  
Хлопочут палачи,  
Ты промолчи,  
Напрасно не кричи.

Любви лучом  
Безумие лечи,  
Прикрыв от ветра  
Огонёк свечи.

*23 июня 1979*

Сквозь чашу –  
Без тропинок и дорог.  
Всё чаще  
Взгляд не по-земному строг.  
  
Всё ближе  
Тишина – подать рукой...  
Всё слижет  
Наплывающий покой.

*13 ноября 1979*

Что видим, то цветочки,  
а ягодки подале...  
Всё сбудется до точки,  
о чём в Аду мечтали.  
  
И заклеят подвижник,  
и проклянет кандальник,  
и близорукость ближних,  
и дальнорукость дальних.

*Февраль 1980*

Тает снег, тает грусть, тают облака.  
Почки дарит лучу вешняя строка.  
Благодать слепоты, иллюзорный свет...  
Словно времени нет и пространства нет,  
Словно можно взлететь над самим собой,  
Словно сказке дано свидеться с тобой,  
Словно грязь навсегда смогут смыть дожди.  
Шепчет тень тишины: верь, надейся, жди.

*8 февраля 1981. Тбилиси*

На крыльях лепета, на облачке улыбки,  
На тополином пухе ласковой печали  
Влетают в песню золотые чудо-рыбки,  
Которых мы во взрослых сферах не встречали.

Лукавым зайчиком, резвящимся на окнах,  
Скользит по жизни самоцветное созвучье.  
А жизнь в крови непросыхающей намокла,  
А смерть в пожарище подбрасывает сучья.

*17 февраля 1981*

## ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Я был авгуром в древнем Риме.  
Я в тайны дивные проник.  
В созвучье с чувствами моими  
И птичий лёт, и птичий крик.

Вверял судьбу страны пернатым  
(Дань простодушью той поры!)  
А дома Ларам и пенатам  
С улыбкой подносил дары!

*Июнь 1981. Погорелка*

## ВИДЕНИЕ

Вновь над полями чёрный дым клубится,  
И кровь переполняет вены рек,  
И ворон, неприкаянная птица,  
Расклёвывает выгоревший снег.

Тоску прикрывши праздничным нарядом,  
Крестьясь стыдливо – Господи, прости! –  
Опять послы отправятся к варягам,  
Чтоб на Руси порядок навести.

*3 октября 1981*



По воде пройду я, как  
Посуху,  
Чтобы не пристала грязь  
К посоху.  
Тишина, подавши знак,  
Вызрела.  
Я взлетаю, не боясь  
Выстрела.

*2 июня 1982. Погорелка*

Путь от судьбы до звезды всё короче –  
Память границ лишена.  
Где-то на ветке дерева ночи  
Свила гнездо тишина.

Время пульсирует произвольно,  
Дань собирая с путей.  
Ветру притихшему дышится вольно  
В мире забытых затей.

*Сентябрь 1982*

Всё так же помыслы чисты  
и безответственны поступки.  
Толку я воду в той же ступке,  
я строю в памяти мосты.

Вникаю в завязь бытия,  
вхожу отважно в суть явлений,  
сопоставляю тени мнений,  
по росту Миф себе кроя.

*Ноябрь 1982*

Малина расцвятилась под окном.  
Соседских пчёл над ней течёт гуденье.  
Такое чудо, просто загляденье:  
Вид, звук и запах – всё сошлось в одном.

А между тем, обычный летний день,  
Под будним небом и в земных заботах.  
Но музыка, что затаилась в нотах,  
Реальней, чем от нот густая тень.

*13 июня 1983. Погорелка*

## ИЮньский день

Люблю созвездья, музыку, цветы,  
И тишины божественные сети,  
И свет познания, растворённый в Свете,  
Что льётся с первозданной высоты.

Пусть, изнывая от извечной жажды,  
Глядит Земля в глубь солнечных систем;  
Пусть звёзды с неба падают – затем,  
Чтоб мы их на земле нашли однажды.

*15 июня 1983. Погорелка*

## Тесный круг

Опять опята луговые  
Меня втянули в тесный круг.  
Пять лет назад я к ним впервые  
Пришёл на домотканый луг.

И с каждой встречей ежелетней  
На поворотах здешних дней,  
Я отношусь к ним всё нежней,  
Что им, конечно, всё заметней.

*9 июля 1983. Погорелка*

## НЕДОШУТКА

Всерьёз воспринимаемая жизнь, как шутку,  
Дрейфую я меж Солнцем и Луной,  
И всё, что вне воспринимаю чутко,  
Становится в какой-то мере мной.

Во всём, что вижу я, души не чаю.  
Мне так близка Вселенная моя,  
Что я порой уже не различаю,  
Где я, а где пока ещё не я.

*18 августа 1983. Погорелка*

Какая странная страна  
Нас пленала и растила,  
Как беспорядочна та сила,  
Которой полнится она!

Гляжу во тьму её чудес,  
И душу сушит состраданье,  
А праведники строят зданье,  
В котором воцарится бес.

*22 сентября 1983*

## УРОК ИСТОРИИ

Ластится да лепится  
к придури нелепица,  
прихоть к самомнению,  
слепота к затмению.

Спесью блажь восславлена,  
на кон суть поставлена.  
Глядь: добыча ворога  
всё, что сердцу дорого.

*28 января 1984*

Одни в чужие земли подались,  
другие тут, в родной земле зарыты.  
Никто не знает, что такое жизнь  
и где нас ждёт разбитое корыто.

Но каждый тщится постигать и сметь,  
чтоб нечто уплотнялось и звучало.  
Никто не знает, что такое смерть,  
которая есть вечности начало.

*Февраль 1984*

Если всё получается,  
Очень жизнь облегчается.  
Но в конце облегчения  
Неизбежны мучения.

Впрочем, эти мучения  
Принесут облегчение,  
Так как, если не мучиться,  
Ничего не получится.

*Февраль 1984*

## МОЛИТВА

Когда явлюсь в Твой вышний храм,  
земле вернувши плоть,  
не по грехам, а по стихам  
суди меня, Господь.

Суди за то, что, свет любя,  
терял нередко нить.  
А за грехи я сам себя  
всегда умел судить.

*5 марта 1984*

Какая выструнилась рожь,  
Со мной соперничая в росте!  
Как по-особому хорош  
Покой, вселившийся в колосья!

Июнь, сгущая тишину.  
Навис над озимью ревниво,  
Лелея то, что в старину  
Любовно называлось: НИВА.

*5 июня 1984. Погорелка*

Старина «Урал», ты дорог мне  
Тем, что имитируешь гостей.  
Потоптавшись на твоей волне,  
Можно стать добычей новостей.

Все спешат сейчас наперебой  
Что-то сообщить мне и развлечь...  
Коротаем лето мы с тобой,  
Преломляя человечью речь.

*Июнь 1984. Погорелка*

Снова тучи голос подают.  
С крыши струйки в чугулки стекают.  
Присмирел мой сумрачный приют,  
Изнутри подсвеченный стихами.

Ничего. Глядишь, пойдут грибы,  
Тучи схлынут: ведь июнь в зените.  
Эх! Не дурно завтра было бы  
Получить привет от земляники!

*Июнь 1984. Погорелка*

## ВМЕСТО ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Э.

Когда мы встретились с тобой,  
нам было пятьдесят пять лет.  
Чуть виден в дымке голубой  
двух светлячков крылатый свет.

Перевалило нам за сто.  
Глядим с улыбкой веку вслед.  
Благодарю тебя за то,  
что старости на свете нет.

*3 октября 1984*



Подтвердят Гомер и Гёте вам,  
Что людской возвышен путь.  
Лепетать и улепётывать –  
Разве в этом жизни суть?!

Впрочем, что ж тут петь анафему.  
И другая даль видна:  
От героев и фанатиков  
Тоже оторопь одна.

*23 ноября 1984*

Ждут спокойно часа своего  
(Им ведь что недели, что года!)  
Два ростка от корня одного,  
Злые сёстры – бедность и беда.

Выдернуть из жизни корень тот  
Не под силу, верно, никому.  
Так и стонет человеческий род,  
И тюрьму приемля, и суму.

*Ноябрь 1984*

Под сенью ненастья день кажется скудным и длинным.  
Тревожные тени смыкают осады кольцо.  
Но русская печь, притворясь европейским камином,  
Мне пламя бросает в открытое настежь лицо.  
Запахло дымком (или юностью, канувшей в Лету?).  
Охвачено тело уютным домашним теплом.  
И, пятясь, уходят, чтоб рыскать по белому свету,  
Все тени. А может, прильнули к стене за углом...

*3 июня 1985. Погорелка*

Я живу в краю, где тусклые уже,  
Не напоминающие сизую голубку,  
Жёны проклинаят страждущих мужей  
Голосом, провернутым через мясорубку.  
Где порой венчают споры топоры,  
А тоска сжигает души, как поленья,  
Где живёт ещё Россия до поры,  
Правда, к сожалению, в худших проявлениях.

*3 июня 1985. Погорелка*

О, как же я непоправимо стар  
При всём своём паренье безоглядном!  
Как нестерпимо горестен сей дар,  
Что кажется порой таким отрадным!

Слепить бы мне снежок из этих лет  
Да и забросить в райские чертоги...  
А сам бы я впивал весь этот свет,  
Пока сияют реки и дороги.

*13 июня 1985. Погорелка*

### СИТУАЦИЯ

Река туман приворожила.  
Он к ней, бедняга, так и льнёт.  
Она же холодна, как лёд,  
Хоть солнцу голову вскружила.

Жестоко эту муку длить,  
И ревность непереносима.  
Но лишь сопернику по силам  
От чар туман освободить.

*13 июня 1985. Погорелка*

## НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Поднялся ветер на дыбы,  
тряхнул косматой гривой.  
Дрожат и сосны и дубы  
от этого порыва.

Друг к другу в небе облака  
прижались от испуга,  
а ветер загрустил слегка  
и просто ищет друга.

*21 июня 1987. Погорелка*

## ПОРЫВ

Холодного ветра порыв,  
окошко в пургу приоткрыв,  
пронёсся, на шкуре воды  
чеканя рябые следы.

Стволы проскрипели в лесу,  
покинуло солнце росу,  
и чаек стремительный крик  
в подспудные дебри проник.

*26 июля 1987. Погорелка*

Вот работяга муравей  
С своею чуткостью звериной.  
Он полноправный раб своей  
Коммунистической ячейки.

Он любопытен, как и я,  
Но мир его предельно тесен.  
Вселенная для муравья  
Не представляет интереса.

*1980-е*

## МЕЛОЧЬ

Стал враждебным и чужим  
душам солнечно крылатым  
циклопический режим,  
коронованный закатом.

—

Все мои знакомые  
очень насекомые.

—

Услышав зов, за ним последуй.  
Не следует стрелять по «бредням».  
Исследовать, идти по следу –  
Быть первым, будучи последним.

—

Сразу видно, что это человек  
очень недалёкий... от тюрьмы.

—

Да, предки, те могли сжигать мосты,  
А эти сжечь... попробуй лучше ты!

—

Копил нектар свой для богов цветов,  
А он попал к пчеле на хоботок.  
Цветок поныне горько слёзы льёт,  
Не зная, что богам достался мёд.

—  
У соловья брала уроки утка.  
Смеётесь вы? Хорошенькая шутка!  
В конце недели, вторя ей,  
Стал скорбно крякать соловей.

—  
Как издали любить легко!  
Даль размывает очертанья.  
Так близки граней сочетанья,  
Так разноречье далеко.

—  
Стать птицей черепаха так старается,  
Что можно ей медлительность простить.  
Она уже несёт исправно яйца,  
Осталось только крылья отрастить.

—  
Мы спорим, и факт обнажается  
На дне обмелевшей морали,  
Что истина в спорах рождается  
И в них же, увы, умирает.

—  
Собратья!  
Созвучники!  
Не без причин  
Ношу я печать на морде.  
Читайте,  
Завидуйте —  
Я получил  
За эти писульки орден.

—  
Вчера закинул сети я,  
Ташу, гляжу: Осетия.

### Мимикрия

Жук притворяется листом.  
Нос притворяется хвостом.  
Трус выступает храбрецом.  
Зад гримируется лицом.  
И намекает маскарад,  
Что в Рай давно внедрился Ад.

—

Поступательное движение –  
порыв к проходному баллу у абитуриента.

### Напутствие

Увидев Ниагарский водопад,  
Не расточай восторги невпопад:  
Тьму идеологического хлама  
Скрывает буржуазная реклама.

—

Две молнии переплелись ветвями  
И бросились в холодный, гулкий омут.  
На землю, освежённую грозою  
Упали незрелые плоды.

—

Не мни младую грудь  
источником блаженства.

—

С утра – аж выть охота,  
кипит у нас работа.  
А вся моя бригада:  
начальник и три гада.



—  
Когда-нибудь приснится мне  
В тиши родного крова,  
Как белыми ресницами  
Траву стрижёт корова.

—  
В деревне дел всегда невпроворот.  
А в городе – там всё наоборот.

—  
*Петру Серебрякову, зав. отд. поэзии  
журнала «Дружба народов»*

Прилип к «Д. Н.» Серебряков,  
как поп к церковной кружке.  
Умеет, шельма, чужаков  
не подпускать к кормушке!

Надпись на могиле куртизанки  
Ханжою постной быть, милорды, мне ли?  
Да вы бы и поверили едва ли.  
Я не желаю, чтоб меня жалели,  
И не жалею, что меня желали.

—  
Рыбаку – улова,  
Эмигранту – крова,  
– А тебе чего пожелать, корова? –  
Корова глянула на облака  
И сказала: – известно чего – Быка.

—  
Любовь с хорошей печкой схожа,  
А печку нелегко сложить.

—  
Стара печаль моя, стара.  
Уж ей на пенсию пора.

—  
Вникать в страдания червяка  
Заняты не для рыбака.

### Болезнь

Лежу, скулю, а ласточки летают,  
Нет, явно мне чего-то не хватает!

—  
Жизнь тщетно облучается мечтой:  
Берёт своё неистовая дрянь.  
Всё «нечто», обращённое в «ничто»,  
Ничтожеству пожизненная дань.

—  
Э.

Барсик мой благоприятный,  
ты всегда, везде со мной,  
и тебе уже обратно  
никогда не быть одной!

—  
Хороший тон – большая сила.  
К примеру, не успел он слезть,  
она, потупившись, спросила:  
– Простите, с кем имела честь?..

### Философия

Как весел мотылька танцующий полёт!  
Но мы-то знаем, что беднягу ждёт.  
Ну, он взлетел, а я зато прилёг.  
Нет, хорошо, что я не мотылёк.

—  
Э.

Среди богов любимец твой Гипноз,  
А мне сынок его Морфей милее.  
Но ты обычно пребываешь в мире грёз,  
А я всё сплю, проснуться не умея.

—  
Раз ворона, два ворона – круговая оборона!  
Для чего мне тьма ворон, что орут со всех сторон?!  
Впрочем, понял вроде я: это же пародия!

—  
Мычат коровы на лугу.  
Я так, пожалуй, не могу.  
Невнятное ж мычание  
есть признак одичания.

Выстрел по Олимпу  
Грудь у коровы – между задних ног.  
Лишь пьяный бог создать такое мог!

—  
Возлюбив судьбу простую,  
жизнь ведёт он львуполстую.

—  
Обыкновенно жизнь поэтов –  
борьба вопросов и ответов.  
Арену озаряют миги.  
Они и составляют книги.

—  
Люблю людей высокомерных,  
Что, отдавая дань уму,  
Подходят медленно, но верно  
С высокой меркой ко всему.

—  
А великих просто нет.  
На великих спроса нет.  
Разве может жить без спроса  
В мире точек знак вопроса?

### Рубаи

В колодец заглянул – не видно дна,  
притом вода в колодце холодна.  
А нам внушают глупые всезнайки,  
что лава в глубине кипит одна.

—  
Надежды свет несёт  
людям СССР,  
а им на это всё  
Гамаль Абдель Насер.

—  
На всей земле у боли  
нет своего угла.  
Поверишь поневоле  
в то, что земля кругла.

### Победители

#### *Эпитафия поколению отцов*

Жили честно, как умели, как могли.  
Отсидели, отстояли, полегли.

### Автопародия

У всей природы на виду  
Живу с самим собой в ладу.  
И до того мне мил тот лад,  
Что сладу нет с добром услад.

### Гипердактилический вздох

Какая-то птица неистовая  
Звучит, бесподобно насвистывая.  
В ответ лишь мычу что-то истово я,  
Созданья свои перелистывая.

—

Э.

Я без тебя живу и не живу,  
Порою, просто пребываю.  
Я даже часто забываю,  
Что существую всё же наяву.

### МОСХовская практическая

Нас культуру поднимать  
призвала эпоха-мать –  
полотно Сезанново  
перепишем заново.

### Рубаи

Был мальчиком, и вот уж аксакал.  
С пути сбивался – счастье отыскал.  
Свет солнца заслонить пока не в силах  
Небытия зияющий оскал.

---

Непостижима суть режима,  
Чей вес растёт неудержимо!  
И я давно к проблеме веса  
Не проявляю интереса.

---

Совландия наша, ты чудо-страна:  
Чем меньше навоза, тем больше говна.

---

Ликует идея неузнанная,  
И радость царит необузданная,  
Когда на ложе прокрустово я  
Ложусь, костями похрустывая.

---

Хоть я гляжу на реку сверху вниз,  
Мне, как закон, любой её каприз.  
А как она относится ко мне,  
Спроси у этой рыбы на огне.

---

Бальзам целителен. В нём утоление жажды.  
Но бальзамировать себя готов не каждый.

---

Много в российской словесности гениев.  
Разны их судьбы, характеры, стили.  
Так что Толстой, Достоевский, Тургенев  
общий язык не всегда находили.

—  
Влез на курицу петух,  
а зачем – не помнит.

—  
В декабре печаль бела,  
холодна и беспредельна...  
В общий ров меня свела  
жизнь тропинкою отдельной.

### Признание

Я медленно читаю:  
вникать предпочитаю.  
Поскольку отличаю  
(что здесь и отмечаю!)  
Вселенную в обложке  
от беговой дорожки.

*1980–1988*

## СОДЕРЖАНИЕ

### 5 Э. Флешина. Попытка биографии

1957 – октябрь 1974

*Москва*

- 19 Песенка
- 20 «Где бы мне найти такую...»
- 21 «Книги, книги...»
- 22 «Мы посетили этот мир...»
- 23 «Небо парусом зачерпнув...»
- 24 «Кому – ромашки...»
- 25 Ода Афродите
- 26 Храм
- 27 «Ищем, ищем философский камень...»
- 28 «Праздник – это когда мы вдвоём...»
- 29 «Стихи рождаются из света...»
- 30 «Надоело собственное тело...»
- 31 «Во мне горит неяркий огонёк...»
- 32 «Где ты, юность безоглядная...»
- 33 «Что мне готовит мой грядущий день?..»
- 34 «Подевалась куда-то минута...»
- 35 «Но в жизни бывают мгновенья прозренья...»
- 36 «Жизнь прожита, разрезана на главы...»
- 37 Вступление в «Поэму тумана»
- 38 Этот стих
- 39 Песенка о лунатиках
- 40 Видение Петра
- 42 «Я пишу, как дышу...»
- 43 «Я вписан в окружность...»
- 44 Монолог одиноких
- 45 «Мне не жаль для тебя...»
- 46 Атеистическое
- 47 Перо Жар-птицы
- 48 «Нет самородков!..»
- 49 Мост
- 50 Монолог



- 51 Люцифер  
52 Искушение  
53 Путь  
54 Песня клопа  
55 С высоты Мтацминды  
56 «Труд царит здесь спозаранку...»  
57 «Под прозрачным небом синим...»  
58 «Не душный ладан славословья...»  
59 «Я научился растворяться в слове...»  
60 «Ленинград, Ленинград, не черни своё светлое имя...»  
61 «Видишь: гаснет свет и рвётся нить...»  
62 «Слепая жажда отрицанья...»  
63 «Всё на свете перемелется...»  
64 «Невыдуманная история...»  
65 Десятый круг  
66 «Ухожу от плотности...»  
67 Ложь  
68 На могиле Борисова-Мусатова  
69 Никола-на-Острове  
70 «Похищенный угрюмой тенью Данта...»  
70 «Кому глядеть на солнце, не мигая...»  
71 «Ему звезда надзвёздная светила...»  
71 «Как часто раскрывалась пасть дракона!..»  
72 Одуванчики  
73 Моя Нефертити  
74 «Была весна, и весь сияющий...»  
75 Песня  
76 Аргонавты  
78 «Время, ты в бесплотности своей...»  
79 Утро на Оке  
80 Прощанье с Чухломой  
81 «Жду тебя...»  
82 У самого Чёрного моря  
83 Абхазия  
84 Эгоцентрическое  
85 «Всё небо в праздничном уборе...»  
86 «Ни о чём не проси...»  
88 «Раздвинулся простор сквозной...»  
89 «Напором девятого вала...»  
90 Осеннее  
91 «Умирают старые дома...»  
92 «Мгновенье не остановилось...»  
93 Шутка  
94 Родина  
95 «Гляжу почти с другой планеты...»

- 96 «Исчадые страсти и страданья...»  
97 Посещение больницы им. Кашенко  
98 Сигулда  
99 «Хвала вам, рыцари зеркала!...»  
100 Богу  
101 «Ещё дышу и огоньки роняю...»  
102 «Всё то же, всё та же, всё ты же...»  
103 Левша, или Ода коллективизму  
104 Песня  
105 Песенка  
106 Считалка  
107 «Порой в потоке мутных вод...»  
108 «Не покоя ли порог?...»  
109 «Ещё безмолвна чуткая струна...»  
110 «Путь всё длинней...»  
111 Наш костёр  
112 «Божья милость?...»  
Д и с т р о ф и к и  
113 «Смотрите, великие, я поднимаюсь...»  
113 «Что ж, скажу сейчас безо лжи...»  
114 «Ты был предметом жалости...»  
114 Червь сомненья  
115 Сон  
115 «А если только правду говорить...»  
116 «Ты планета, на которой я живу...»  
116 «Я не был ни в Париже, ни в Одессе...»  
117 «Безлюдье, беспитчье, беззверье...»  
117 Дела  
118 М е л о ч ь  
120 Песня непокорённых  
121 Сыну человеческому  
122 «Разблёскивая строчки-светлячки...»  
123 «Нам только кажется, что мы...»  
124 «В тени возвышенных дубов...»  
125 «Былого золотые рыбки, где вы?...»  
126 «А нам, поэтам, нечего терять...»  
127 «Твой голос, воплощённый в тёмном взгляде...»  
128 «В погоде сегодня отуда...»  
129 Поэт  
130 Прометей  
131 «Я лежу на самом дне тишины...»  
132 Пушкин  
133 Ветер  
134 «Каждый стих мне кажется последним...»  
135 «Как гром, скатившийся со скал...»

- 136 Аристократическое  
137 «Плывут усталые челны...»  
138 «На слух определяя краски...»  
139 «Не трубит призывно рог...»  
140 Шутка  
141 «Пружиною, закрученную туго...»  
142 «О, волны сирени...»  
143 «Генацвале. Шени Чириме...»  
144 Кахетинская дорога  
145 «Всё своё унесу с собой...»  
146 «Пусть отвечает всё, что в жизни мило...»  
147 «Лавровый лист и лавровый венок...»  
148 «Мелкотравчатая поросль...»  
149 «Здесь в основанье Вавилонской башни...»  
150 «Соломинки друг для друга...»  
151 «Мы склонны всюду видеть свет...»  
152 Мой стих  
153 «В мире, где кричит во сне трава...»  
154 Зло  
155 «В мире масок и обличий...»  
156 Сказка об одном желании  
158 Пародия на Э. Лимонова  
159 Песня  
160 Море  
161 «Шаг и ещё шаг...»  
162 Чудо  
163 «Сегодня рыба не ловилась...»  
164 «Щеку щекочут усики зари...»  
165 «Не спасёт и стиха икона...»  
166 Новоселье  
168 Осужденье Гамлета  
169 Дюймовочка  
170 Игры  
171 Как я был проказником  
176 Сороконожка  
177 Антибасня  
178 «Не в лаптях, не с котомкой убогой...»  
179 «Я на возвышенное зорюк...»  
180 Вечнозелёное эхо  
181 «Слова, слова...»  
182 Стихи  
183 Призыв  
184 Земное  
185 «Сплавляясь в мартовском горниле...»  
186 Гостиница

- 187 «Был Гефсиманский сад...»  
 188 Столичный манекен  
 189 Выдох  
 190 Лунатическое  
 191 Родник печали  
 192 «Как прочно вписан я отныне...»  
 193 Памяти Мандельштама  
 194 Предошущение  
 195 Антиподы  
 196 «Если жизнь убога...»  
 197 «Мне в прошлое указывают путь...»  
 198 «Пишу во всеоружии судьбы...»  
 199 «Видишь, времени проседь?...»  
 200 «Век безответный, век последний...»  
 201 «Не о тебе ли пели соловьи...»  
 202 Непогодь  
 203 «Немыслимую ересь постоянства...»  
 204 Интер-наци-ональное (Наш ответ)  
 206 «Разбитый взгляд, тоска, недоуменье...»

Д и с т р о ф и к и

- 207 «Увы, жреца не слушает народ...»  
 207 «Я соберу тебе букет из молний...»  
 208 «Похитила с неба звезду волна морская...»  
 208 «В какой-то миг, в негданном году...»  
 209 Звезда героя  
 209 «У одного верблюда горб...»  
 210 «Скворец однажды...»  
 210 «Вполпольханья теплится душа...»  
 211 «Печать доподлинной печали...»  
 212 Работа

Ноябрь 1974 – 1977

*Лефортово. Вежайка. Микунь*

- 215 Первый лефортовский  
 216 «Что тело без души, душа без тела?...»  
 217 «Ночь разрублена на две половины...»  
 218 «У Галилея был суровый нрав...»  
 219 Ботфортово  
 220 «По краю пропасти скользя...»  
 221 «Остывает под ветром душа...»  
 222 «Цветы удерживают память...»  
 223 Озорная полечка  
 224 «Из волны тебе платье скрою...»  
 225 «Последний век, не прекословь злословью!...»  
 226 «Ты скажи мне как-нибудь...»

- 227 «Где вы, мудрые тираны...»  
 228 «От земного ухожу...»  
 229 «Спасибо, жизнь, за этот перебор...»  
 230 «Не чудо ли, что я стихи пишу...»  
 231 «Не задачи решать...»  
 232 «О, златокудрая пора...»  
 233 «...И стал я шутом и актёром...»  
 234 «Что-то сахар горек...»  
 235 «Остываю, лёгким становлюсь...»  
 236 «Ах, Франсуа Вийон...»  
 238 «Обживаю новую планету...»  
 239 «Когда стучат кормушки по утрам...»  
 240 «Перепутав на беду...»  
 241 «Так вот и пишут книги...»  
 242 «В дрёме телеграфные столбы...»  
 243 «И рядом дом, а дома нет...»  
 244 Жизнь  
 245 «Вяжется сказка недолго...»  
 246 «Возрастание скоростей...»  
 247 «Сны, остывшие к утру...»  
 248 «Когда Пегас на Геликоне...»  
 249 «Летит моя ракета...»  
 250 Фантазмагория  
 252 «Истекают сроки. Вечность на исходе...»  
 253 «Ах облака, и вы без лишних слов...»  
 254 «Нежными чешуйками сакуры...»  
 255 «Ускоряется пульсация...»  
 256 Из цикла «Русь»  
 257 «Я болен манией двуличия...»  
 258 «Что можно нацедить из этих лет...»  
 259 «Ну, а теперь весёленькое что-нибудь...»  
 260 «Паутинки в траве...»  
 262 «Хорошо бы уйти в златокудрые горы Эллады...»  
 263 «Дар постиженья многих величин...»  
 264 «Я гляжу на каргу...»  
 265 «Сам с собой играю в прятки...»  
 266 Стихи о чём  
 267 «И прошла тропинкой невесомой...»  
 268 «Возникал и рассыпался снова...»  
 269 «Осколки сердца застряли в теле...»  
 270 «Зервиной... грибная благодать...»  
 271 «Коридоры, годы, двери...»  
 272 Песенка о зеркале  
 273 «Тонет прошлое в дыму...»  
 274 «Это просто ход конём...»

- 275 «Наверное, кому-то всё же надо...»  
 276 «Опалённый дыханьем пекла...»  
 277 «Наперекор уму...»  
 278 «На все четыре лапы опуститься...»  
 279 Весеннее  
 280 «Какая разница, куда и с кем?!»  
 281 «За поэтапный курс омоложения...»  
 282 «Старый пруд, пленённый сонной ряской...»  
 283 «От земли оторваться...»  
 284 «Двустворчатой ракушки мир укромный...»  
 285 «Прессует память многоцветье дней...»  
 286 Песня о великом кормчем  
 288 «Я стал смеяться в прозе и стихах...»  
 289 Ветер  
 290 «Чем больше на земле людей...»  
 291 «Порой мне кажется, что я ещё живу...»  
 292 Песенка о тоске  
 293 «Я воспевать не стану сорняки...»  
 294 Новые похождения Ивана-дурака  
     294 Вступление  
     294 Сказка первая  
     296 Сказка вторая  
     298 Сказка третья  
 300 Маска  
 301 Весна  
 302 «Я вдруг увидел прошлое своё...»  
 303 «Я был неистребимо травояден...»  
 305 Ласковая песня  
 306 В эвакуации  
 307 «Да, всё чудесно вышло, чёрт возьми!...»  
 308 «Я сел на своего конька...»  
 309 Сон  
 310 Глубокомысленная болтовня  
     (Перед поездкой в Институт Сербского)  
 311 «Дни идут гуськом, вперевалочку...»  
 312 Архаическое  
 313 Финал  
 314 Благодарю...  
 315 «Из тигля вытекла слепящая струя...»  
 316 Песня с ветерком  
 317 Хорошо!  
 318 «Не оброни меня – оборони...»  
 319 «Ничего не сказала...»  
 Из пушкинского цикла  
     320 1. Читая Пушкина в издании «Просвещение»

- 320 2. «Пушкин, о чём ты?..»  
 321 3. В последний раз
- 323 Юбилейное (1825–1975)  
 324 Из цикла «Наедине с Пушкиным»  
 325 Гражданственность  
 326 В пути  
 327 «Рады были б искрошить...»  
 328 «Забыть себя... И всё начать с нуля...»  
 329 Хрестоматийное  
 330 Лефортовские тетради  
 331 Конец сказки  
 332 Гимн  
 333 Переливы  
 334 «Сам для себя наглядное пособие...»  
 335 «Глядеть на Петербург из Рима...»  
 336 Атеистическое  
 337 Н о в о с т р о й к а  
     337 1. «Ухрюкав день до ты – оглядь – не – ты...»  
     337 2. «Набрюхали похлёбчатый завар...»  
     338 3. «За люблики червонно не заплачь...»  
     338 4. «В углядку хрясть и волокнуть торопь...»  
     338 5. «Ублюка уха по утрянке хряп...»  
     339 6. «Протараканил день гитары бряк...»
- 340 Звёздная фантазия  
 341 Памяти Лефорта  
 342 Передача (последний Лефортовский). *Сонет*  
 343 М о г и л е т ы  
 347 Дураки  
 348 Приложение к «Дуракам»  
 349 Глубина  
 350 «Иссякает жизнь, как ручеёк в овраге...»  
 351 «Ты – куколкою в коконе...»  
 352 Взгляд и нечто  
 354 Мы так живём  
 355 «Выбалтывая тайны мироздания...»  
 356 Будничное  
 357 Люди учатся  
 358 «Рухнул домик, а я ни о чём не жалею...»  
 359 Вечернее  
 361 До востребования  
 361 Кружево  
 362 «Преодолею тишину мирскую...»  
 363 «Развернёт живой рассвет...»  
 364 Отраженья  
 365 «Ах, эта минижизнь...»

- 366 «Белой мантией Севера...»  
367 «Подвела судьба-буфетчица...»  
386 Календарь  
369 Мираж  
370 Микроклимат  
371 «Скоро холод всю округлость высмертит...»  
372 Ты  
373 «Синяя, зелёная...»  
374 Наследство  
375 Невзначай. *Тема с преувеличением*  
376 Перспектива  
377 Горький рай  
378 «Отцвело, отмелькало...»  
379 «Прикрыв усмешкой времена лихие...»  
380 Северная флора  
381 Голос мой  
382 «Оставаясь в рамках косности...»  
383 «Когда я слышу слово “кара”...»  
384 «По свободной земле и свободному небу тоскую...»  
385 Афродита. *Песня*  
386 «Проходит всё: и молодость, и старость...»  
387 Маяки  
388 «Все мы – спутники идей...»  
389 Плоды эпохи  
390 Лечебное  
391 Несовместимость  
392 «Кто что ни говори...»  
393 «Ах, Толя, Толя!..»  
394 История  
395 «Тростниковая флейта, подарок весёлых богов...»  
396 Печать  
397 Картинка  
398 «Суп глотаю, кашу ем...»  
399 Безделица  
400 Что можно?  
401 «Смерть мёрзла в карауле...»  
402 Антинаучное  
403 «В дорогу вышел...»  
404 «Светом день упился...»  
405 «Я желанье выточу...»  
406 «Под выцветшими небесами...»  
407 Убывание  
408 Посещение  
409 «Всё видится сейчас...»  
410 Слова



- 411 Христософия  
 412 Когда я жил...  
 413 Там  
 414 Скоро  
 415 Шмон в ИТК-15, или Монолог озверевшего зека  
 416 Ночь  
 417 А между тем
  - 418 1. «Мы не найдём своих следов...»
  - 418 2. «Мы крыльями устало машем...»
  - 419 3. Нарцисс
  - 419 4. Август
  - 420 5. Двуединство
- 421 Леса  
 422 Закат  
 423 Прорыв  
 424 У 48-й параллели  
 425 Нескоро!  
 426 Дао  
 427 Всё так сплелось  
 428 Жар беспокойства
  - 429 1. «А мне сейчас не до всего...»
  - 429 2. «Не жди от солнца песни новой...»
- 430 Голос прошлого  
 431 «Просчёт порока, жертва рока...»  
 432 За откосом косности  
 433 «Итак, я завтра еду в Карфаген...»  
 434 «Бескорыстно неприветливы приметы...»  
 435 «Преклонных лет изломанные склоны...»  
 436 Вера  
 437 Северная легенда  
 441 Клинопись  
 442 «День был обычной завалью богат...»  
 443 «В те дни, когда я был беспечен...»  
 444 Коктейль  
 445 «Укрытый уголок у кромки бед...»  
 446 «На перекрёстке ветров...»  
 448 М и к у н ь
  - 448 1. «Микунь расположена далеко от Рая...»
  - 448 2. «Этот город звёздами богат...»
- 450 «Луч того, иного света...»  
 451 В этой жизни  
 452 Соловьи  
 453 Сонет  
 454 «Воскресный штиль. Я снова о тебе...»  
 455 «Жизнь текла приблизительно...»

- 456 Голос  
 457 Памяти Лорки  
 458 «Да, я порой тебя не вижу...»
- Д и с т р о ф и к и
- 459 «Мне камерный удушливый покой...»  
 459 «Одним дано описывать природу...»  
 460 «Пускай гитарой обернётся лира...»  
 460 «Пока мне дарит жизнь своё тепло...»  
 461 «Дня золото и ночи серебро...»  
 461 «Просто выпростать радость и горе...»  
 462 «Распался мир на ржавые детали...»  
 462 «Не только тяжестью оков...»  
 463 «Вот бараки – злые родственники терема...»  
 463 Ощущение  
 464 Из тишины  
 464 Колониальным гиенам  
 465 «УДОбная статья надежды греет...»  
 465 Голубизна  
 466 «Узнал я давным-давно...»  
 466 Злое зелье  
 467 Тень  
 467 Горькое вино  
 468 Лунка  
 468 «Земля – филигранью...»  
 469 «Текла по морю сонному горячая река...»  
 469 «Сколько нас таких – инакодышащих...»  
 470 Видение  
 470 Просто так
- 471 М е л о ч ь

1978–1988

*Москва. Погорелка*

- 475 «Как появилась ты, Алоль...»  
 476 «Не стоит зло употреблять...»  
 477 «Угадано, взлелеяно, забыто...»  
 478 Вердикт  
 479 А. Маковскому  
     479 1. Эпитафия  
     479 2. Увенчание поэта  
     480 3. Портрет
- 481 Атлантическое  
 482 «Лена... Лето... Лебедь...»  
 483 «Умирает лишь то, что мертво...»  
 484 Объект  
 485 Виды

- 486 Россия детства  
 487 Поэтическое кредо  
 488 «На пути до предела коротком...»  
 489 Зёрна  
 490 Евреи  
 491 Исход  
 492 Самопознание  
 493 День  
 494 Над Ветлугой  
     494 1. «У реки, где тучи в кучи свалены...»  
     494 2. «Среди мычания и бляенья...»  
     495 3. «Копя за горизонтом небыль...»  
     495 4. «Стадо движется по лугу...»  
 497 «И верили, и спорили...»  
 498 «В какой-то миг на долгий срок...»  
 499 «В мире, где свирепствуют идеи...»  
 500 «Жизнь эту набело не перепишешь...»  
 501 Причал  
 502 «Когда тебе уже за пятьдесят...»  
 503 Искры  
 504 «Что можно написать пером Жар-птицы?...»  
 505 «С годами даль теряет вес...»  
 506 Диалектика  
 507 Архинаучное  
 508 Дом  
 509 Отключение  
 510 Вечернее  
 511 «Прилив, отлив... Полвека позади...»  
 512 Тишина  
 513 «У входа в небыль прозябают львы...»  
 514 «Нам каруселить в сумраке добротном...»  
 515 «Болезнь не страшно и стареть не больно...»  
 516 Смерть Рембо  
 517 «Живу вдали от городских усад...»  
 518 «Живу в плену, смеясь, друзей кляню...»  
 519 «Я поэтапно изучал...»  
 520 «И свет и тьма – всё в мире этом благо...»  
 521 «Годы в чёрном пламени сгорели...»  
 522 «Мне чудится порою...»  
 523 «О Муза туманного облика...»  
 524 «Блажен, кто с лёгким плугом...»  
 525 «Ни покаянья, ни расплаты...»  
 526 «Была ты когда-то...»  
 527 «Ну как поднимется рука...»  
 528 Возвращение

- 529 «Грузинская проперченная речь...»  
530 Обращение к Тбилиси  
531 Ясный свет  
532 Сказка  
533 Здравствуй, Мтацминда!  
534 «В жизни главное встречи...»  
535 «Взаимопонимание – типичная химера...»  
536 Кривотолки  
537 Укротитель  
538 «Русалка – присказка Руси...»  
539 «Хоронит время имена и даты...»  
540 Хвосты  
541 Соревнование  
542 «В блаженной пустоте...»  
543 «В наше время трагедий не пишут...»  
544 Сложность  
545 «Крылом или лучом...»  
546 «Чтоб стать, как быть? Чтоб вспыхнуть, как пылать?..»  
547 Яврей  
548 «Отточие ночи...»  
549 «Что в крови растворяется издавна...»  
550 «Когда в избе тепло...»  
551 Петухи  
552 Читая «Исповедь» Блаженного Августина  
553 «В эти дни сражался с ленью...»  
554 «Эх, совершил бы я деяние...»  
555 «В соавторстве с ветром...»  
556 «С будущим порой не хочешь знаться ты...»  
557 «Покой в луга плывёт с полей...»  
558 Уклейка  
559 «Даль светла, Вселенная легка...»  
560 «Ах луга мои, луга...»  
561 Земля-ника  
562 Недожитки социализма  
    562 1. «Вот всем нам отлично знакомое...»  
    562 2. «Бурлит наше время и пенится...»  
563 Утро  
564 На заре  
565 «Когда душа ласкала тело...»  
566 Читателю  
567 Городское  
568 Самодержцы  
569 Про рок  
570 Полёт  
571 Белоснежная тишина

- 572 Река  
573 Две точки зрения  
574 Годовщина  
575 «Вгрызаясь в шлоки Панчатантры...»  
576 Другу  
577 В нашей сельской местности  
578 Инцидент  
579 Тревога  
580 Из глубины  
581 Связь  
582 Исход  
583 Ранним утром  
584 Осень  
585 Игра природы  
586 «Я день-деньской на мир-мирской...»  
587 «Погадай мне, Большая Медведица...»  
588 «Живу я как за каменной стеной...»  
589 «Ну, как там, в ваших палестинах?..»  
590 «Мой подход к народоведенью не нов...»  
591 «Многолик мой Бог и многорук...»  
592 Полёт Икара  
593 Язык  
594 «Юрка Редькин меня уважает...»  
595 Посещение  
596 «Ни конька, ни наличной резьбы...»  
597 Идиллическое послание  
598 «Я время провожу... Прикрою плотно дверь...»  
599 «Я не питал надежд – они зачахли...»  
600 «– Ты, часом, не марсианин?..»  
601 «Ну и утро выдалось!..»  
602 «Старею. Не по дням, но по годам...»  
603 «Написать бы мне такие...»  
604 Одиозное  
605 «Сам себе хозяин и слуга...»  
606 «Утро ясное свежестью свято...»  
607 «Ем я листья и коренья...»  
608 «Мы помянем добром не раз...»  
609 «Избыток быта угнетает взгляд...»  
610 Волшебство  
611 «Взглянешь на мир, и в душе что-то сдвинется...»  
612 «Над чернокнижием зря не кружись...»  
613 Об этом  
614 Бог молчанья Гарпократ  
615 «Туман покрыл на совесть окна матом...»  
616 «На пятьдесят седьмом году...»

- 617 В деревне  
618 «Всё за пределом, где-то вдалеке...»  
619 «Отгородившись четырьмя стенами...»  
620 «Я часто вспоминаю о себе...»  
621 «Приёмник он, однако, передатчик...»  
622 «Непогодь для...»  
623 «За радость в награду я луч получу...»  
624 Сонет  
625 «Не воду в ступе – время в тишине...»  
626 «Моя изба дрейфует над рекой...»  
627 «Не жарьте никогда чехонь...»  
628 «Веду с Платоном диалог...»  
630 Полёт и кара  
631 «То ли дьявол заманил...»  
632 «В зенит устремляется мысль...»  
633 «Я не влюбляюсь, я люблю...»  
634 «Я уйду в свой срок и значит...»  
635 «Откуда эта жадность, эта жажда...»  
636 «Не попросту и неспроста...»  
637 Афродита  
638 Памяти Васи Алексеева  
639 Зорька  
640 «Увы, не рождается истина в спорах...»  
641 «На тишину накинул сеть паук...»  
642 «Я повторялся, как природа...»  
643 Зелёные стихи  
644 «Восточный ветер мысли растрепал...»  
645 «Когда себе я голову вскружу...»  
646 «В потенции реализуемой...»  
647 «Когда я весь без остатка...»  
648 «Любуясь безупречным небом...»  
649 «Не устаю и не перестаю...»  
650 «Линяет земля, и сползают снега...»  
651 «У времени сейчас лицо рябое...»  
652 «Целый день я в избе провожу...»  
653 «Брошу в борозды зёрна...»  
654 «Не терпит старость, чтоб её...»  
655 «Нет, не овладевал я мастерством...»  
656 «Как-то мне представить внове...»  
657 «Как выскользнуло тело из души...»  
658 «С беззаботностью не заячьей...»  
659 «На зыбкую зелень листвы...»  
660 «Даже здесь, у просторной реки...»  
661 Душа  
662 «Во сне с вопросом нянчится ответ...»

- 663 Деревня  
 664 «Титовы, Лебедевы, Зайцевы...»  
 665 «Лунолика Геката...»  
 666 «Люблю я с детства игры шальные...»  
 667 Формула чуда  
 668 «Уже не ночь. Ещё не день. Так рано...»  
 669 День Ивана-цветника  
 670 «Меня усталость не смогла...»  
 671 «Стою я посреди природы...»  
 672 Вспоминая интернат под Алма-Атой  
 673 «Нет ничего питательней земли...»  
 674 У осеннего порога  
 675 «Хронос, вечности тающей страж...»  
 676 «Не имея в этом деле нужной практики...»  
 677 «Возникаю из небытия...»  
 678 «Когда сжигаются мосты...»  
 679 «Всё же я нахожу облегчение...»  
 680 «На склоне дней растёт камыш...»
- Д и с т р о ф и к и
- 681 «Мне мил пленённый гидами...»  
 681 Акrostих  
 682 «Ты снова со мною рядом...»  
 682 Тишина детства  
 683 «Мы жертвы. От вращения Земли...»  
 683 «Кружить, тревожиться, надеяться...»  
 684 «Зачем и для чего?.. Из всех вопросов...»  
 684 Глас  
 685 «Сквозь чашу...»  
 685 «Что видим, то цветочки...»  
 686 «Тает снег, тает грусть, тают облака...»  
 686 «На крыльях лепета, на облачке улыбки...»  
 687 Происхождение  
 687 Видение  
 688 «По воде пройду я, как...»  
 688 «Путь от судьбы до звезды всё короче...»  
 689 «Всё так же помыслы чисты...»  
 689 «Малина расцветилась под окном...»  
 690 Июньский день  
 690 Тесный круг  
 691 Недошутка  
 691 «Какая странная страна...»  
 692 Урок истории  
 692 «Одни в чужие земли подались...»  
 693 «Если всё получается...»  
 693 Молитва

- 694 «Какая выструнилась рожь...»  
694 «Старина “Урал”, ты дорог мне...»  
695 «Снова тучи голос подают...»  
695 Вместо поздравления  
696 «Подтвердят Гомер и Гёте вам...»  
696 «Ждут спокойно часа своего...»  
697 «Под сенью ненастья день кажется...»  
697 «Я живу в краю, где тусклые уже...»  
698 «О, как же я непоправимо стар...»  
698 Ситуация  
699 Недоразумение  
699 Порыв  
700 «Вот работяга муравей...»  
701 Мелочь



Часть тиража настоящего издания сопровождается аудиоприложением (на двух компакт-дисках), включающим звукозаписи стихотворений А. Флешина в авторском чтении, осуществленные Э. Флешинной в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Звукорежиссер аудиоприложения Катя Жукова. Редактор Максим Фролов

В оформлении обложки использован фрагмент картины художника В. Яковлева из архива Флешиных. На фото: Александр Флешин. Москва, 1970. Фото Ю. Володина.

На фронтисписе: Александр Флешин. Москва, 1971.  
Фото Ю. Володина

*Флешин Александр Ефимович*  
СТИХОТВОРЕНИЯ. ИЗБРАННОЕ  
Книга первая

Редактор *М. М. Уразова*  
Художник *Р. М. Сайфулин*  
Вёрстка *А. Г. Мордвинцева*

Подписано в печать 01.11.2019  
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 38,22.  
Тираж 232 экз., из них 21 экз. нумерован

Издательство «Возвращение»  
vozvrashchenie@bk.ru

Отпечатано в типографии: Чеховский печатный двор  
Московская обл., Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1  
Телефон: +7(495) 9886341. Сайт: www.chpd.ru

ISBN 978-5-7157-0631-7



9 785715 706317

Замеченные опечатки

Стр.	Строфа	Строка	Напечатано	Следует читать
28		5	дождливый - любой	дождливый – любой
39	5	2 сн.	пребывать	побывать
75	4	3	ветров	ветром
129	3	3	черных	чёрных
148		11	Ищем то, чего нет	Ищем то, чего нет,
188		9 сн.	...от хлопот и забот	...от хлопот и от забот
218	4	4	А то ить далеко	А то ить – далеко
337	1	3	дурноты	дуроты
337	3	3	по-ка-пле-вал ужопный	по-ка-пле-вал-ужопный
338	3	3	конвой	канвой
338	3	4	и гавк не был сподобен	и гавк не был, – сподобен
415		4 сн.	Урвали безнаказано	Урвали безнаказанно
540	2	4	в мир внесут они,	в мир несут они.
638		2 сн.	при слова «чекист».	при слове «чекист».
664		12	Но уже не тот улов теперь	Но уж не тот улов теперь



**Н**астоящее издание, состоящее из двух книг, впервые в наиболее полном объеме представляет творческое наследие поэта Александра Флешина (1928–2005). Александр Ефимович Флешин родился, жил и работал в Москве, с 1967 года был членом Комитета литераторов при издательстве «Советский писатель». В 1974 году он был арестован КГБ, в Москву вернулся весной 1978 года. Позднее был реабилитирован. Он продолжал писать и переводить стихи. В последние десятилетия много времени проводил в Нижегородской области – в деревне Погорелке и в городке Ветлуге; деревенская жизнь дала новый импульс творчеству поэта. При жизни Александр Флешин публиковался преимущественно как поэт-переводчик, его оригинальные стихи изредка появлялись в журналах и газетах. Лишь в 1996 году была издана книга стихов «Полёт и Кара». В 2010 году в издательстве «Новое литературное обозрение» увидел свет сборник «Полёт Икара».